

Материал предоставлен **Центром Генеалогических Исследований**

<http://www.rosgenea.ru>

**Центр
Генеалогических
Исследований**

на то же количество жителей, что и въ Вятской губ., имѣлось къ 1870 г. всего лишь около 200 жалкихъ по обстановкѣ и малолюдныхъ школъ.

О современномъ состояннн народнаго образованнн, въ связи съ другими проявленннми современной культурной жизни Приуралья, будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА V.

Распределенн населенн Приуральскаго края, его этнографическнй составъ, бытъ и культура.

Н. И. Дрягина, П. Н. Луппова и И. В. Родннова.

Густота населенн Приуралья. — Вселенн и выселенн крестьянъ. — Движенн населенн. — Половой составъ населенн. — Административное дѣленн Приуралья. — Городское и сельское населенн. — Населенные пункты и ихъ людность. — Сословный составъ населенн. — Вѣроисповѣднй составъ населенн. — Этнографическнй составъ населенн. — Великоруссы, малоруссы и бѣлоруссы. — Башкиры. — Мещераки, тептири и бесермяне. — Черемисы. — Вотяки. — Пермьяки. — Татары. — Мордва. — Чуваши. — Киргизы. — Калмыки. — Вогулы. — Народное образованн.

Приуральская область — самая восточная изъ областей Европейской Россн — захватываетъ $\frac{1}{6}$ часть всего пространства Европейской Россн (безъ Польши) и заключаетъ въ себѣ 699 тыс. кв. верстъ, на которыхъ раскинулись четыре губернн Приуралья, составляя площадь почти въ $2\frac{1}{2}$ раза обширнѣ общей площади 7 центральныхъ черноземныхъ губерннй. Въ частности территория одной Пермской губ. занимаетъ по своей величинѣ третье мѣсто (первое принадлежитъ Архангельской, второе — Вологодской) въ ряду всѣхъ губерннй Европейской Россн. Такое обширное пространство заселяетъ всего лишь до 12 милл. душъ обоого пола, такъ что средняя плотность населенн по области равняется около 16 чел. на 1 кв. в. — втрое ниже густоты населенн Среднерусской черноземной области (48 чел.) и почти въ $1\frac{1}{2}$ раза — всей Европейской Россн вообще (22 чел.). Болѣе подробныя свѣдѣнн о распределенн населенн по отдѣльнымъ губерннямъ области какъ въ отдаленномъ, такъ и въ ближайшемъ прошломъ даетъ слѣдующая таблица.

Площадь губерннй въ кв. верстахъ.	Губернн.	Населенн по IX реввнзн 1851 г.	Число жителей на 1 кв. версту.	Населенн по X реввнзн 1858 г.	Число жителей на 1 кв. версту.	Населенн въ 1897 г.	Число жителей на 1 кв. версту.	Населенн въ 1910 г.	Число жителей на 1 кв. версту.	Приростъ населенн (въ %) съ 1851 г.			
										1851 г.	1858 г.	1897 г.	1910 г.
135.019,7	Вятская . .	1.818.752	13,4	2.128.904	15,7	3.082.788	22,8	3.747.000	27,0	100	117	169	205
166.710,9	Оренбургск.	689.269	4,1	835.303	5,0	1.609.388	9,7	2.065.200	12,4	100	121	233	300
290.168,7	Пермская . .	1.741.746	6,0	2.046.572	7,0	3.003.208	10,4	3.731.200	12,8	100	118	172	214
107.209,7	Уфимская ¹⁾	956.447	8,9	1.124.755	10,5	2.196.301	20,5	2.890.700	27,0	100	118	230	302
699.109,0	По области	5.206.214	7,4	6.130.534	8,8	9.891.685	14,1	12.434.400	17,8	100	118	190	239

Въ отношеніи *густоты населенія* губерніи Приуралья составляютъ въ настоящее время двѣ группы, сочетаясь Вятская съ Уфимской и Пермская съ Оренбургской, причемъ въ первыхъ густота населенія болѣе чѣмъ вдвое выше, чѣмъ во вторыхъ. Но на протяженіи разсматриваемаго 60-лѣтія уплотненіе населенія происходило при другомъ взаимоотношеніи губерній: въ губ. Уфимской и Оренбургской численность населенія, а слѣдовательно и густота его за этотъ періодъ утроились, тогда какъ въ Вятской и Пермской—только удвоились.

Такое различіе до нѣкоторой степени объясняется различіемъ между указанными группами губерній въ естественномъ приростѣ населенія, какъ это будетъ видно далѣе. Главнымъ же образомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ фактомъ неравномернаго переселенія крестьянъ, причемъ въ отношеніи первыхъ губерній преобладающимъ факторомъ является *выселеніе* крестьянъ за предѣлы своей территоріи, а преобладающимъ факторомъ въ отношеніи двухъ послѣднихъ губерній—*вселеніе* крестьянъ въ эти губерніи изъ другихъ губерній. Втеченіе одного 1902 г. между прочимъ въ Уфимской губ. было образовано 50 селеній и изъ нихъ 38—переселенцами изъ другихъ губерній. Насколько въ частности разнится переселенческое движеніе изъ разныхъ губерній Приуралья въ Сибирь, показываютъ для примѣра слѣдующія данныя за 16 лѣтъ (1885—1900 г.):

Г у б е р н і и.	Пересел. (абсол. колич. душъ обоихъ пола).	На 1.000 душъ естеств. прироста пересел. душъ.
Вятская	50.338	80,6
Оренбургская	1.795	7,3
Пермская	38.480	66,5
Уфимская	6.397	12,1

Слѣдуетъ еще замѣтить, что изъ переселенцевъ Оренбургской и Пермской губ. гораздо болѣе значительная часть, чѣмъ изъ переселенцевъ Вятской и Пермской губерній, возвращается обратно. Въ частности по Вятской губ. этотъ двусторонній процессъ—выселенія въ другія губерніи и вселенія изъ другихъ губерній въ Вятскую, напр., за 1898—1900 гг. представлялся въ слѣдующемъ видѣ.

Г о д ы.	Выселилось (душъ об. пола).	Вселилось (душъ об. пола).
1898	6.121	159
1899	7.503	214
1900	5.407	226
За 3 года	19.031	599

Такимъ образомъ переселенія въ Вятскую губ. изъ другихъ губерній (главнымъ образомъ изъ Казанской) за указанный срокъ не

1) Уфимская губ. была выдѣлена изъ Оренбургской лишь въ 1865 г., такъ что здѣсь за 1851 и 1858 гг. эти губерніи искусственно, въ цѣляхъ сравненія населенія за разные годы, показаны раздѣльно.

восполнили и $\frac{1}{3}$ части убыли населенія за тотъ же періодъ времени путемъ переселеній изъ этой губерніи въ другія (главнымъ образомъ въ Сибирь).

Еще болѣе неравномѣрнымъ представляется размѣщеніе населенія по отдѣльнымъ уѣздамъ, какъ это видно на прилагаемой при семъ картограммѣ густоты населенія. Колебанія въ этомъ отношеніи между отдѣльными уѣздами по каждой губерніи опредѣляются слѣдующими величинами (число душъ на 1 кв. версту).

Губерніи.	Уѣзды.			
	Maximum.	Minimum.		
Вятская	Вятскій	44,0	Слободской	10,6
Оренбургская	Оренбургскій	21,7	Орскій	6,4
Пермская	Шадринскій	26,1	Чердынскій	2,3
Уфимская	Мензелинскій	41,3	Златоустовскій	11,7

Объ естественномъ движеніи населенія Приуральскаго края можно судить на основаніи слѣдующихъ среднихъ за 1905 г.

Губерніи.	На 1.000 чл. жителей.						
	Враковъ.	Родившихся.	Умершихъ.	Враковъ.	Родившихся.	Умершихъ.	Приростъ населенія.
Вятская	27.715	170.078	133.465	7,9	48,6	38,2	10,4
Оренбургская	19.230	109.659	66.937	10,7	61,1	37,2	23,8
Пермская	28.153	174.018	126.954	8,3	51,1	37,3	13,8
Уфимская	31.385	139.950	86.244	12,2	54,5	33,6	20,9
По области	106.483	593.705	413.600	9,5	52,5	36,6	15,9
По 50 губ. Европ. Россіи	839.986	4.819.155	3.410.569	7,8	44,8	31,1	13,7

Такимъ образомъ въ отношеніи всѣхъ разсматриваемыхъ въ приведенной таблицѣ элементовъ движенія населенія наша область стоитъ выше среднихъ, относящихся ко всей Европейской Россіи. Въ частности объ южныя черноземныя губерніи — Оренбургская и Уфимская — съ большимъ % инородческаго мусульманскаго населенія — превосходятъ по всѣмъ этимъ признакамъ объ сѣверныя, лѣсныя губерніи съ большимъ преобладаніемъ великорусскаго элемента.

Какъ видно изъ прилагаемой диаграммы (стр. 161), въ отношеніи *половою состава* населенія губерній Приуралья не представляютъ какихъ-либо выдающихся особенностей. Слѣдуетъ лишь отмѣтить, что даже Уфимская губ. съ ея въ сильной степени башкирскимъ населеніемъ даетъ незначительное отклоненіе отъ обычнаго для сельскаго населенія преобладанія женщинъ надъ мужчинами (въ среднемъ по Европейской Россіи мужчины составляютъ 49,3%, въ среднемъ по 4 губерніямъ Приуралья — 48,7% и въ частности по Уфимской губ. — 50,1%), наиболѣе же типично это преобладаніе выражается въ Вятской губ. (47,7% мужчинъ и 52,3% женщинъ). Что касается полового состава городского населенія, то здѣсь мы наблюдаемъ какъ разъ обратное явленіе: въ Уфимской губ. — по сравненію съ другими губерніями области — замѣчается наименьшій процентъ мужчинъ (въ среднемъ по всѣмъ городамъ области

мужчины составляютъ 51,1⁰%, въ Уфимской же только 50,4⁰%). Въ слѣдующей таблицѣ только-то изложенное находить себѣ полное подтверждение:

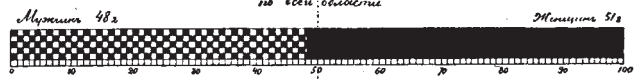
Губерніи.	На 100 мужчинъ приходится женщинъ.	Вообще.
Вятская	Въ уѣздахъ.	109,0
Оренбургская	Въ городахъ.	100,4
Пермская		107,1
Уфимская		99,6
По 50 губ. Европ. Россіи		102,9
		104,6
		99,6

Относительное количество

мужчинъ и женщинъ (городского и селеннаго населенія) по всей области

Относительное количество мужчинъ и женщинъ въ селенномъ населеніи по всей области

Вятская губернія

Пермская губернія

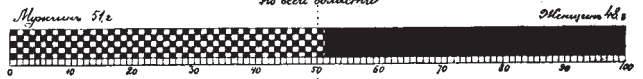
Уфимская губернія

Оренбургская губ.

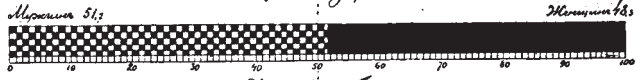
Относительное количество мужчинъ и женщинъ въ городскомъ населеніи по всей области

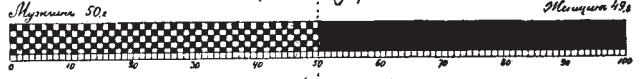
Вятская губернія

Пермская губернія

Уфимская губернія

Оренбургская губ.

Объясняется это сравнительной заолуствностью большей части городовъ Уфимской губ., гдѣ промышленность мало развита.

Въ административномъ и отчасти административно-судебномъ отношеніи Приуральская область дѣлится на 34 уѣзда, 309 участковъ земскихъ начальниковъ, 159 становъ, 1.132 волости и 10.713

сельскихъ обществъ. По отдѣльнымъ губерніямъ это дѣленіе выражается въ слѣдующихъ цифрахъ :

Губерніи.	Уѣздовъ.	Становъ.	Волостей.	Участковъ земск. начальн.	Обществъ сельскихъ.
Вятская	11	45	313	93	2,940
Оренбургская ¹⁾	5	28	146 ²⁾	41	1,637
Пермская	12	49	489	106	3,318
Уфимская	6	37	184	69	2,818
Итого	34	159	1,132	309	10,713

Относительное количество сельского и городского населенія.

1) Въ военномъ и административно-хозяйственномъ отношеніяхъ территория Оренбургскаго казачьяго войска выдѣляется въ особую часть. Мѣстное управленіе этой послѣдней находится въ рукахъ наказнаго атамана (онъ-же оренбургскій губернаторъ). Исполнительными органами по управленію войскомъ служатъ войсковой штабъ и войсковое хозяйственное правленіе. Въ военно-административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ войсковая территория дѣлится на 3 отдѣла съ атаманами отдѣловъ во главѣ.

2) Въ томъ числѣ 25 станичныхъ юртъ.

отнести горнозаводскіе и другіе крупныя торгово-промышленныя населенныя пункты (числомъ около 100). Тогда % городского населенія по отношенію ко всему населенію повысится до $11\frac{1}{2}\%$, что и отвѣчаетъ въ сущности дѣйствительности.

Вотъ важнѣйшіе изъ этихъ пунктовъ:

	Количество населенія.			Количество населенія.	
	По переписи 1897 г.	Въ настоящее время.		По переписи 1897 г.	Въ настоящее время.
Ижевскій зав.	41.100	47.300	Кыштымъ	14.700	15.500
Нижній-Тагилъ	31.400	35.000	Бѣлорѣцкій зав. . . .	12.800	15.100
Воткинскій зав.	21.600	23.600	Нижне-Салдинскій з.	13.000	15.000
Міась	20.500	25.000	Невьянскій зав.	13.600	15.000
Мотовилиха	16.300	19.400	Сысерскій зав.	10.400	12.000
Каслинскій зав.	14.800	17.000	Кушва (Благодать) . .	10.000	12.000

О населенности различныхъ категорій официально признанныхъ городовъ и ростѣ ихъ даютъ понятіе слѣдующія данныя:

ГУБЕРНІИ.	Количество официально признанныхъ городовъ съ населеніемъ отъ:											
	1 — 5 тыс.		5 — 10 тыс.		10 — 20 тыс.		20 — 50 тыс.		50 — 100 тыс.		Всего.	
	Ч и с л о .											
	Городовъ.	Жителей обоого пола.	Городовъ.	Жителей обоого пола.	Городовъ.	Жителей обоого пола.	Городовъ.	Жителей обоого пола.	Городовъ.	Жителей обоого пола.	Городовъ.	Жителей обоого пола.
Вятская въ 1863 г. . . .	8	18.582	3	19.918	1	14.705	—	—	—	—	12	53.205
„ „ 1897 г.	8	29.421	1	9.764	1	10.051	2	46.406	—	—	12	95.642
Пермская въ 1863 г. . . .	10	30.133	2	11.447	2	31.052	1	21.777	—	—	15	94.409
„ „ 1897 г.	6	16.686	4	28.174	2	25.973	3	108.506	—	—	15	179.339
Уфимская въ 1863 г. . . .	3	9.801	1	8.197	2	31.266	—	—	—	—	6	49.264
„ „ 1897 г.	—	—	3	21.976	1	15.550	2	69.777	—	—	6	107.303
Оренбургская въ 1863 г.	3	7.409	2	13.045	—	—	1	32.630	—	—	6	53.084
„ „ 1897 г.	—	—	—	—	4	56.877	1	23.299	1	72.425	6	152.601
По области въ 1863 г. . .	24	65.925	8	52.607	5	77.023	2	54.407	—	—	39	249.962
„ „ „ 1897 г.	14	46.107	8	59.914	8	108.451	8	247.988	1	72.425	39	534.885

Изъ этой таблицы видно, что въ Вятской и Пермской губ., даже официально признанное городское населеніе съ 1863 до 1897 г. возрасло почти вдвое, въ Уфимской губ. — нѣсколько болѣе чѣмъ въ два раза, а въ Оренбургской губ. — почти въ три раза. На самомъ же дѣлѣ ростъ городского населенія былъ еще значительнѣе.

Изъ отдѣльныхъ официально признанныхъ городовъ особенно сильный ростъ населенія наблюдался въ слѣдующихъ:

Города.	1863 г. тыс. жителей.	1897 г. тыс. жителей.	% возрастания.
Орскъ	1,5	14,0	1.102
Ирбитъ	3,5	20,1	474
Троицкъ	7,2	23,1	222
Сарапулъ	7,8	21,4	175
Верхнеуральскъ	4,1	11,1	168
Екатеринбургъ	21,8	43,2	100

За тотъ же періодъ времени губернскіе города Приуралья возрасли по числу жителей въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Города.	1863 г.	1897 г.	% возрастания.
Вятка	14,7	24,8	69
Оренбургъ	32,6	72,7	123
Пермь	19,	45,4	135
Уфа	16,5	50,0	200

По даннымъ всеобщей переписи 1897 г. въ Приуральѣ насчитывалось около 56 тысячъ *населенныхъ пунктовъ*. Распределение ихъ въ группировкѣ по числу жителей въ каждой изъ губерній Приуралья представляется въ такомъ видѣ:

Группы населенныхъ мѣстъ по числу жителей.	Вятская.	Оренбургская.	Пермская.	Уфимская.	По области.
До 25 душъ	5.704	6.668	2.670	2.081	17.083
26 — 50 душъ	4.459	3.301	431	433	8.624
51 — 100 „	5.956	3.109	441	437	9.943
101 — 300 „	7.410	3.001	1.243	1.016	12.670
301 — 1.000 „	1.633	1.684	417	886	5.920
1.001 — 2.000 „	104	293	425	258	1.080
Свыше 2.000 „	30	140	87	113	370
	25.296	18.196	6.974	5.224	55.690

Какъ видно изъ таблицы, мелкія поселенія и по абсолютному ихъ количеству являются господствующими вообще во всѣхъ губерніяхъ Приуралья. Мѣста съ населеніемъ не болѣе 50 душъ въ каждомъ, т. е. примѣрно около 10 дворовъ въ среднемъ на 1 селеніе, составляютъ по области 46,2%, а изъ отдѣльныхъ губерній по Оренбургской достигаютъ 52,5%. Если же за грань распределения селенія на мелкія и крупныя считать 300 душъ (50—60 дворовъ) на каждое, то это распределение выразится въ такихъ величинахъ (абсолютныхъ и процентныхъ):

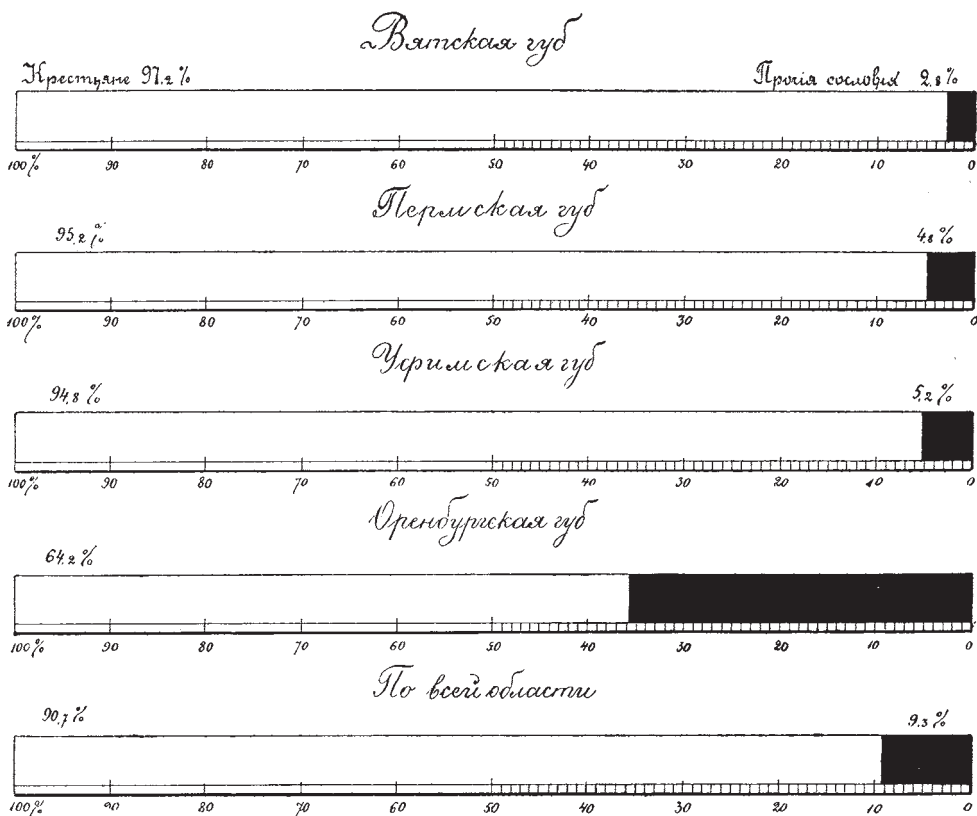
Селенія.	Вятская.	Оренбургская.	Пермская.	Уфимская.
Мелкія	23.529	16.079	4.475	3.967
%	93,1	88,4	68,1	76,0
Крупныя	1.767	2.117	2.229	1.257
%	6,9	11,6	31,9	24,0

Относительная многочисленность селеній крупныхъ (около $\frac{1}{3}$ всѣхъ селеній) характеризуетъ Пермскую губернію, гдѣ наибольшаго развитія достигаютъ горные заводы; слѣдующее мѣсто занимаетъ Уфимская губернія съ ея крупными черноземными селеніями, а губерніи Вятская и Оренбургская отличаются рѣшительнымъ преобладаніемъ мелкихъ по-

селковъ. При этомъ Вятская губ. заселена издревле по типу мелкихъ поселковъ; въ Оренбургской же губ. причиной преобладанія мелкихъ селеній является развитіе здѣсь такъ называемыхъ „уметовъ“, т. е. степныхъ хуторовъ.

О средней по каждой губерніи *модности селеній* и о *частотѣ* ихъ, а равно и о *количествѣ дворовъ* въ нихъ даютъ приблизительное понятіе слѣдующія цифры:

Губерніи.	Средняя людность селеній (душъ об. пола ¹).	Частота селеній (на 1 се- леніе кв. верст ²).	Абсолютное число дворовъ (въ тыс. ²).	Среднее количество дворовъ на 1 селеніе.	Въ среднемъ на 1 дворъ душъ об. пола.
Вятская	120	5,34	541	21	5,7
Оренбургская	306	31,91	286	16	5,2
Пермская	164	15,92	571	82	5,2
Уфимская	315	15,37	353	67	5,6
По 50 губ. Европ. Россіи.	150	7,13	1,751	28	5,5

Количество крестьянъ по сравненію съ прочими сословіями.

1) По даннымъ всеобщей переписи населенія 1897 года.

2) По даннымъ „Матеріаловъ комиссіи о центрѣ“ (1900 г.).

Губерніи.	Правосл. и единовѣр.	Старообряд. и уклоняющіеся.	Остальн. христіане.	Магометане.	Юдеи.	Язычники.
Вятская	92,1	3,2	0,05	4,3	0,03	0,36
Оренбургская	73,5	3,1	0,6	22,7	0,13	—
Пермская	87,0	7,2	0,1	5,0	0,07	0,69
Уфимская	43,6	1,5	0,3	50,0	0,03	4,46

Въ общемъ числѣ старообрядцевъ и уклоняющихся значатся и всѣ немногочисленные представители сектъ, какъ рационалистическихъ, такъ и мистическихъ; первыхъ по всей области въ 1897 г. насчитывалось 4.223 человека мужчинъ и женщинъ (главнымъ образомъ въ Пермской и Оренбургской губ.), вторыхъ — 1.546 (главнымъ образомъ въ Оренбургской губ.). Старообрядцы же составляютъ уже видную часть населенія края — особенно въ Пермской (94.574) и Вятской (69.011) губ. Въ общемъ по Приуралью перепись 1897 г. насчитала около 387 тыс. человекъ старообрядцевъ, изъ которыхъ 89 тыс. чел. поповцевъ, 111 тыс. чел. безпоповцевъ и 187 тыс. чел. не показавшихъ своей принадлежности къ тому или другому толку или же сектѣ.

Что касается относительной численности отдѣльных вѣроисповѣдныхъ группъ, то слѣдуетъ отмѣтить, что процентъ старообрядцевъ и уклоняющихся въ Пермской губ. (7,2% къ общему числу жителей по губерніи) — наибольшій среди всѣхъ губерній Европейской Россіи. Такое же положеніе въ ряду другихъ губерній Европейской Россіи (безъ Кавказа) занимаетъ Уфимская губ. по отношенію къ магометанскому населенію (50% общаго числа жителей этой губерніи); за Уфимской губерніей въ разсматриваемомъ отношеніи въ Приуральѣ слѣдуетъ губернія Оренбургская (22,7%).

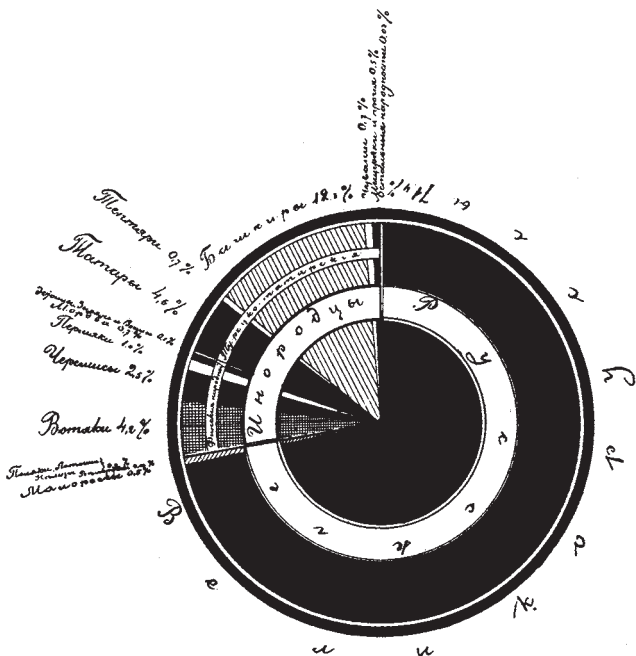
Изъ приводимой на стр. 169 діаграммы можно составить общее представленіе объ *этнографическомъ составѣ* населенія Приуралья. Несмотря на общеизвѣстное обиліе въ краѣ инородческаго элемента, этотъ край всеже оказывается болѣе чѣмъ на $\frac{3}{4}$ съ чисто русскимъ населеніемъ, не говоря уже о томъ, что такія народности, какъ пермяки, черемисы и вотяки, довольно далеко ушли по пути ассимиляціи съ русскими. Самой численной, послѣ русской, племенной группой являются башкиры (перемѣшанные съ мещеряками и темярями), дающіе 15,4% всего населенія Приуралья, причемъ преобладающая ихъ масса заселяетъ Уфимскую губ., гдѣ они составляютъ около 55% всего населенія губерніи, и Оренбургскую (16% населенія губерніи). На всѣ остальные народности приходится 8% населенія края. Изъ отдѣльных губерній наиболѣе, такъ сказать, русской является Пермская (95,3% русскихъ), за ней въ этомъ отношеніи слѣдуетъ Оренбургская (82,7% русскаго населенія), почти одинаковое съ ней мѣсто занимаетъ Вятская (80,5% русскихъ), но далеко уходитъ отъ перечисленныхъ губерній Уфимская, въ которой на долю русскихъ приходится всего лишь $\frac{2}{5}$ (40,1%) населенія этой губерніи. Слѣдуетъ впрочемъ оговориться — особенно по отношенію къ Оренбургской губ., что при строго научныхъ изысканіяхъ въ глубинѣ колонизаціонной исторіи этого края часть считающагося теперь русскимъ населенія можетъ оказаться по меньшей мѣрѣ со значительной примѣсью другихъ національностей.

Переходя къ описанію быта народностей Приуральскаго края, мы подробнѣе остановимся на тѣхъ изъ нихъ, о которыхъ не говорилось

еще въ сосѣднихъ томахъ „Россіи“, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить и тѣхъ особенностей, какія присущи обитателямъ нашей области наравнѣ съ сосѣдными.

Главное ядро русскаго населенія составляютъ *великоруссы*, которые количественно уступаютъ инородцамъ лишь въ Уфимской губ. *Малоруссы* имѣются въ ничтожномъ числѣ въ Пермской, немного болѣе въ Уфимской и въ довольно значительномъ количествѣ (свыше 40 тыс. душъ) въ Оренбургской губ., но все это переселенцы позднѣйшаго времени, какъ и небольшая горсть *бѣлоруссовъ* (до 2 тыс. душъ), поселившихся лишь въ Оренбургской губ.

Коренное русское населеніе, обитающее въ области, принадлежитъ къ великоруссамъ и имѣетъ своими родоначальниками предпріимчивыхъ новгородцевъ, искавшихъ съ одной стороны путей черезъ Великую Пермь въ богатую Сибирь, а съ другой — постепенно колонизовавшихъ мѣстности къ югу отъ своихъ двинскихъ поселеній. Главная колонизаціонная волна русскихъ устремилась въ предѣлы Приуралья послѣ паденія Казани. Какъ и на своей родинѣ, новгородскіе выходцы должны были селиться среди болотъ и лѣсовъ однодворными, двухъ- и много трехъ- или четырехдворными починками, деревнями и

погостами. Дома въ деревняхъ русскіе строятъ по большей части одноэтажные съ крышей на два ската, обыкновенно безо всякихъ украшеній. Двухэтажныя избы встрѣчаются въ видѣ исключенія у людей зажиточныхъ, да въ заводскихъ районахъ, гдѣ можно видѣть и покрашенныя ставни оконъ, рѣзбу, подчасъ замысловатыя украшенія и даже горшки съ цвѣтами на окнахъ. Суровый въ зимнее время климатъ Приуралья вызвалъ необходимость устраивать при домахъ теплые, крытые въ большинствѣ случаевъ соломой дворы для защиты отъ вьюговъ и непогодъ. Внутренность избъ довольно опрятна, но не зимой, когда въ нее пускаютъ и скоть, и птицю. Отопленіе производится дровами, а гдѣ мало лѣсу, — сучьями и кореньями, иногда топятъ соломой, а на Уралѣ переходятъ уже и на каменный уголь и строятъ сберегающія топливо печи.

Внѣшній видъ русскихъ ничѣмъ не отличается отъ обычнаго, и ростъ въ 2 ар. 4¹/₂ вер. можно принять за средній для мужского населенія. Сложеніе больше приземистое и плотное, чѣмъ хилое и недоразвитое, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ населеніе вслѣдствіе помѣсей приобрѣло нѣсколько иной типъ, болѣе близкій къ финскому, нежели къ славянскому племени.

Обычный костюмъ русскаго крестьянина—синіе домотканные штаны и рубаха, а также лычные лапти съ онучами. Верхнее платье составляютъ: зимой — овчинный полушубокъ, шапка простой мерлушки, теплыя рукавицы и валенки, а лѣтомъ — сѣрый своего рукодѣлія или черныя фабричнаго сукна зипунъ, картузь (фуражка) или шляпа. Въ праздники—непремѣнно ситцевая красная рубаха и плисовые шаровары. Женщины обыкновенно носятъ домотканый холщевой синій сарафанъ, такую же пеструю рубаху (становину) и лапти съ онучами или чулками, а на головѣ — ситцевый платокъ; по праздникамъ — ситцевые сарафанъ и рубаху и кожаные башмаки.

Говоры великорусскаго населенія Урала и Приуралья весьма разнообразны въ зависимости отъ того, откуда и кѣмъ колонизовалась данная мѣстность. Рѣзко выдѣляется окающій говоръ вятчанъ, съ сильнымъ растягиваніемъ послѣдняго слога, со смѣшеніемъ звуковъ *ц* и *ч*, съ массой мѣстныхъ провинціализмовъ, дѣлающихъ рѣчь вятчанина для пріѣзжаго человѣка въ первое время весьма мало понятной.

Земледѣліе, составляя главное занятіе обитателей Приуралья и смежныхъ съ Западной Сибирью уѣздовъ, тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ развитію кустарныхъ ремеслъ и промысловъ, независимо отъ мелочныхъ домашнихъ работъ. Женщины, кромѣ домашнихъ работъ, принимаютъ участіе и въ земледѣльческихъ и часто несутъ мужскія обязанности, ведутъ дѣлыя хозяйства, но самымъ страднымъ временемъ является для нихъ зима съ пряжей и обработкой льна, такъ какъ въ ихъ обязанность входитъ одѣвать всю семью. Есть дѣльныя селенія, гдѣ женщины ведутъ хорошо поставленное огородничество; въ однихъ мѣстностяхъ процвѣтаетъ кружевное ремесло, въ другихъ—специализировались въ ткань. Вообще населеніе Приуралья не лишено свѣтлаго, яснаго ума, обладаетъ мѣткостью словъ и тихимъ, шутивымъ юморомъ. Не лишнее известной хитрости, оно смѣтливо, переимчиво и въ излюбленномъ дѣлѣ не лишено виртуозности, ко всякому труду умѣетъ приспособиться, благодаря чему и идетъ охотно въ отхожіе промыслы. Недаромъ въ Сибири самыми лучшими и зажиточными колонизаторами считаются вятчане.

Набожность и благочестіе являются отличительной чертой приуральской деревни, выражаясь въ строгомъ соблюденіи постовъ, средъ, пятницъ и часто понедѣльниковъ; крестные ходы очень развиты и составляютъ необходимую потребность населенія. Изъ церковныхъ праздниковъ чтятся и особо уважаются: Ивановъ день (24 іюня), притворяясь къ которому соблюдаютъ недѣльный строгій постъ, а въ августовскій Ивановъ день (29 числа) и въ предшествующую ему недѣлю не только не ѣдятъ скоромнаго, но и питаніе рыбой считается грѣхомъ; въ самый же праздникъ не ѣдятъ даже капусты изъ-за существующаго повѣрья, что будто-бы при усѣкновеніи главы Іоанна Крестителя кровью ея была обрызгана капуста. Другимъ не меньшаго значенія праздникомъ счи-

тается Ильинъ день, требующій также поста и отдыха отъ работъ въ день праздника, когда, отправляясь въ церковь, крестьяне берутъ часть молодой баранины для освященія, которой и разговляются дома, подѣляясь извѣстной долей съ духовенствомъ. Нужно замѣтить, напр., что ѣсть свѣжій горохъ до Ильина дня считается грѣхомъ. Изъ святыхъ наиболѣе чтимъ Николай Чудотворецъ, къ которому съ молитвой и общаніями обращаются во всѣхъ печальныхъ случаяхъ жизни.

Большіе, особенно храмовые праздники и крестные ходы сопровождаются обыкновенно общественными пиршествами, носящими разные названія: „сешки“, „мольбы“, „микольпина“ и т. п. Наиболѣе сохранившимъ въ числѣ такихъ празднествъ древнія языческія черты

Типъ уральскихъ селъ, въ которыхъ живутъ бывшіе государственные крестьяне.

является праздникъ, существующій въ Орловскомъ у. Вятской губ. и извѣстный подъ именемъ „куричей братчины“ или „троещеплятницы“, справляемый въ случаяхъ домашнихъ несчастій, болѣзней семейныхъ лицъ, преимущественно-же тяжелыхъ родовъ. Главную роль въ этомъ праздникѣ играютъ женщины, въ большинствѣ случаевъ вдовы, а главный предметъ угощенія составляютъ яйца и курицы, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя три раза выводили цыплятъ. Въ праздникъ „троещеплятницы“ соблюдаютъ слѣдующіе обряды: служатъ молебень, до начала котораго отыскиваютъ нѣсколько куръ-троещеплятницъ. Во время обѣда не употребляютъ ни вилокъ, ни ножей, причемъ куръ-троещеплятницъ ѣдятъ только старушки-вдовы и непременно молча.

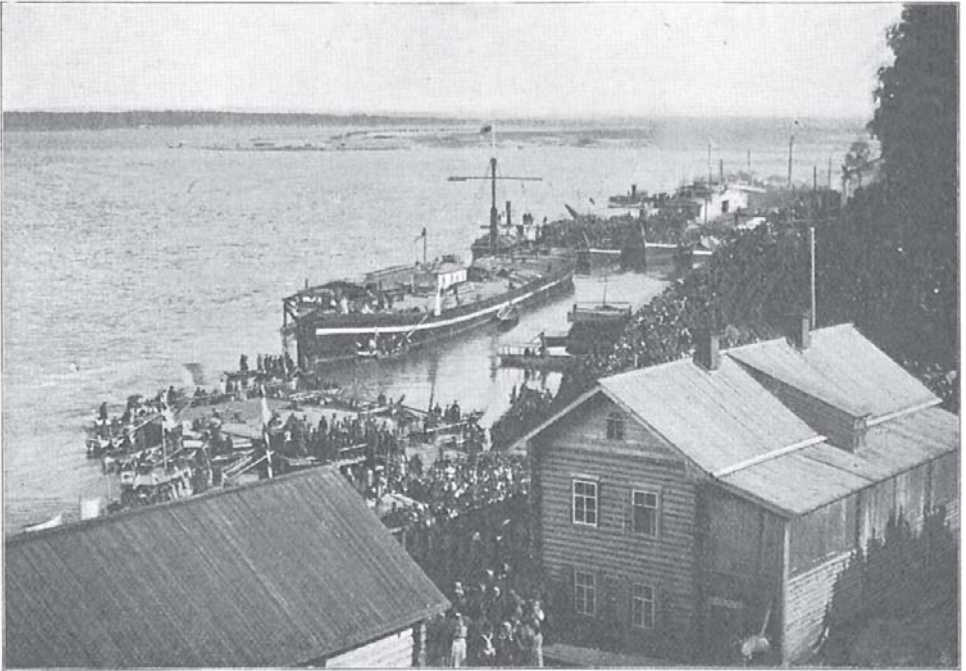

безъ разговора. На обѣдѣ этомъ не бываетъ ни одного мужчины, ни даже дѣтей мужского пола, а самая трапеза считается чудодѣйственной.

Сохраняя вполне основы своей народной особенности, великорусское населеніе Приуралья принимало въ себя многое изъ образа жизни инородцевъ, а недостаточная культурность, въ связи съ расколомъ, укрѣпляла сохраненіе въ средѣ русскаго населенія многихъ суевѣрій и обрядовъ, свойственныхъ языческимъ племенамъ. Въ этой области необходимо указать болѣе выдающееся. Такъ, напр., въ пасхальную заутреню, во время встрѣчи Христа промышляющіе рыболовствомъ отщипываютъ отъ своей свѣчи небольшой кусочекъ воска и кладутъ его за пазуху, а самую свѣчу прикрѣпляютъ у входа къ дверямъ или къ косякамъ съ приговоромъ про себя: „какъ сюда валить теперь народъ, такъ бы шла лѣтомъ и рыба въ сѣти“. Послѣ заутрени отщипнутый кусокъ воска отъ свѣчи приносится домой и хранится до времени рыбной ловли, когда суевѣрный рыбакъ прикрѣпляетъ частицы его ко всѣмъ сѣтямъ, приговаривая: „какъ Пасхой въ церковь шелъ народъ, такъ теперь рыба иди въ сѣть“. Въ другомъ случаѣ не только крестьяне, но и горожане замѣчаютъ тотъ день, въ который былъ праздникъ Благовѣщенія, и въ этотъ день втеченіе года боятся начинать какое-либо важное дѣло. Нѣкоторые вѣрятъ, что въ великій четвертокъ рано утромъ надобно считать деньги, чтобы ихъ водилось въ домѣ больше, а „четверговой“ соли придается особенное свойство излѣчивать всякія болѣзни. Такое же дѣйствіе при болѣзняхъ глазъ придается ивановской росѣ, которую въ ночь на 24 іюня женщины собираютъ посредствомъ разостланныхъ на травѣ платковъ, сохраняя выжимки въ стклянкахъ на случай нужды.

Вѣра въ существованіе домовыхъ, водяныхъ, лѣшихъ и кладовыхъ носитъ настолько опредѣленный характеръ, что этимъ демоническимъ силамъ присвоены особыя служебныя должности, свойство и причуды. Домовой (*сусѣдка*), напр., завѣдываетъ хозяйскими конюшнями и хлѣбами, бережетъ хозяйскій скотъ и губитъ его. Перебираясь въ новую избу хозяинъ съ хозяйкой просятъ „сусѣдка“ ихъ не тѣснить и скота не губить. Водяные живутъ въ озерахъ и прудахъ, во всѣхъ значительныхъ глубинахъ рѣкъ и въ особенности при мельницахъ. Пребываніемъ лѣшихъ считаются дремучіе лѣса, хозяйствуя въ которыхъ они крадутъ дорогу, пугаютъ пѣнаго, коннаго, издѣваясь надъ ними дьявольскимъ хохотомъ, а кладовые скрываются въ землѣ и стерегутъ клады. Устойчивости понятій, связанныхъ съ кладами, содѣйствуетъ обиліе въ краѣ кургановъ и могильниковъ, причемъ вскрываніе ихъ, если они считаются принадлежащими „бѣлоглазной чудѣ, закопаншейся живьемъ въ землю отъ русскихъ,“ бываетъ опасно: „или по свѣту пойдетъ нехорошій духъ, или слѣпота, или смерть приключится“. Другіе же считаютъ добычу кладовъ возможнымъ дѣломъ только лѣтомъ при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) выполнить заклатіе, а для этого въ Прикамскомъ краѣ, напр., ходятъ преданія и обращаются памятники—записи съ указаніемъ мѣстъ и условій добыванія кладовъ, 2) достать *разрывъ-траву*, для чего необходимо найти орлиное гнѣздо (или беркутовое), положить его въ ящикъ, запереть замкомъ и поставить на старое мѣсто. Орелъ (или беркутъ) полетитъ искать разрывъ-траву и, принеся ее ко гнѣздовищу, когда замокъ самъ собой откроется, траву эту бросить и,

если ее поймашь, то съ ней путь открытъ ко всѣмъ кладамъ. Клады на счастливецѣвъ заклѣты на опредѣленный срокъ въ 50, 100, 300, 1.000 лѣтъ и т. д., они открываются сами видомъ животного, кружащагося вокругъ клада, и тотъ, кто ударитъ послѣдняго коломъ со словами: „аминь, аминь, разсыпся“, будетъ владѣльцемъ такого клада. Впрочемъ подобные клады могутъ являться въ видѣ человѣка или зажженной свѣчи; въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ сноровки и чаще оттого, что нужно снять съ себя поясъ, крестъ и не произносить имени Бога. Существуютъ для подобныхъ обстоятельствъ и заклѣтія, но всѣ они соединены съ какимъ-либо преступленіемъ, чаще всего, разумѣется,

Проводы образа Св. Николая Чудотворца въ Вяткѣ. (По фот. В. М. Рѣпина).

съ воровствомъ. Такъ одна изъ прикамскихъ памятокъ гласитъ слѣдующее: „Памятовать. Положено на кладбище по ниже *Зукова*, край Камѣ по логу большому. На гору идешь, на правой рукѣ въ горѣ сосна осадистая, подъ тою сосною денегъ 800 въ нѣмецкомъ кубѣ. А примѣты у сосны: отесана, тутъ же стоитъ пень смолистый. Завѣтъ: ососка украсть, сварить, съѣсть, поминать Ивана Калуду“.

Не менѣе любопытны увеселенія жителей Приуралья. Осенью, чтобы скоротать длинные вечера, устраиваютъ „супрядки“ въ какой-либо изъ избъ, куда приходятъ десятками дѣвушки и занимаются пряжей и чесаньемъ льна. Къ нимъ являются затѣмъ молодые парни и всѣ вмѣстѣ развлекаются пѣніемъ разнообразныхъ пѣсенъ. Съ наступленіемъ святокъ эти вечеринки зовутся уже „игрищами“, продолжаясь со второго дня Рождества вплоть до Крещенскаго сочельника. На игрищахъ парни устра-

иваются подъ палатами, у входа въ избу, играя въ карты или ладыжки, а дѣвушки садятся впереди нихъ по лавкамъ и поютъ сначала круговыя, а затѣмъ парочныя пѣсни, но иногда послѣднія замѣняются музыкой скрипки, гармоніи и балалайки. Далѣе поютъ „боляръ“—пѣсни, въ которыхъ величаютъ попарно „парня съ дѣвкой“, начиная съ хозяина и хозяйки его, его семейства, а затѣмъ поющихъ и пляшущихъ. Бываетъ, что на игрища приходятъ ряженые и среди нихъ кто-либо въ видѣ медвѣдя въ вывороченной шубѣ, представляющаго разныя штуки. Кончаютъ вечеръ или игрой въ „жмурки“, или гаданьемъ, стараясь опредѣлить будущую судьбу, имя суженаго и т. д. Все же самымъ веселымъ зимнимъ праздникомъ считается Масляница, приготавлиаясь къ которой варятъ пиво, пскупаютъ массу рыбы, запасаютъ вино и другіе соответствующіе припасы. Съ перваго дня и до конца недѣли пекутъ блины, катаются съ катушекъ (ледяныхъ горъ) и на обледѣлыхъ шестахъ, но послѣднее удовольствіе часто кончается несчастьемъ. Съ четверга Масляной ѣздятъ другъ къ другу въ гости съ громомъ бубенцовъ и пѣснями въ дорогѣ, молодые зятя обязательно ѣдутъ къ тещѣ на блины. Своеобразно въ этомъ случаѣ празднество Масляницы среди горнозаводскаго населенія и особенно оригинально въ *Воткинскомъ* заводѣ. Здѣсь за недѣлю до Масляницы заводскіе мальчишки строятъ изъ снѣга города на широкихъ улицахъ завода, придавая имъ всевозможный видъ. Далѣе выбирается городничій, обязанный стоять на городѣ и защищать его отъ нападенія Масляницы, а послѣдней называется маскированная группа мастеровыхъ. Берутъ города въ послѣдній день Масляницы, ставя цѣлью завладѣть флагомъ на городѣ и самимъ городничимъ.

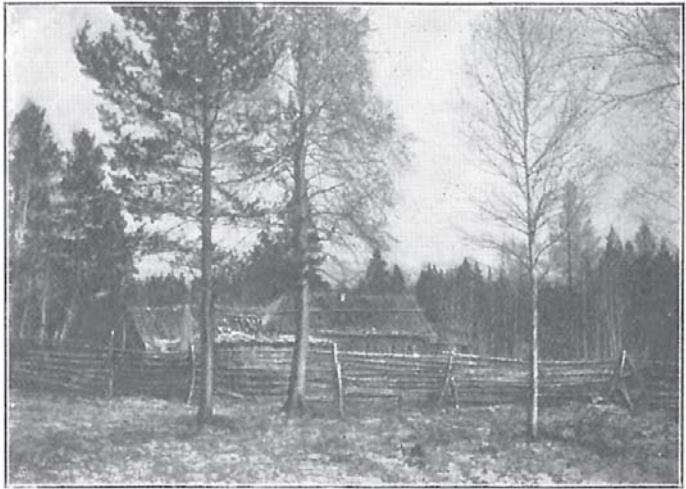
Русская дѣвушка съ Урала въ старинномъ уборѣ. (По фот. *Круковского*).

Пасхальнымъ развлеченіемъ являются устраиваемые почти въ каждомъ селеніи качели, а любимой забавой дѣвушекъ—„скаканіе на доскахъ“. Періодъ отъ Пасхи до заговѣнья считается „яичнымъ“, когда въ ведренныя (ясныя) дни молодежь, собираясь на улицѣ, поетъ пѣсни и играетъ въ горѣлки и др. игры; въ самое же заговѣнье катаютъ еще яйца. Съ наступленіемъ лѣта начинаютъ устраивать *ссылки*, заключающіяся въ томъ, что жители одной, а иногда и нѣсколькихъ сосѣднихъ деревень стовариваются собраться въ извѣстный день и приносятъ съ собой сообща всѣ необходимые для угощенія припасы, изготовляя ихъ на мѣстѣ. Молодежь водитъ хороводы, пляшетъ, поетъ пѣсни, на этотъ разъ отличающіяся однообразіемъ. Тутъ во время различныхъ увеселеній заводятся знакомства и часто намѣчаются парнями невѣсты, что

впрочемъ не всегда сбывается на дѣлѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ финалъ ссыпокъ въ Троицынъ день заключается тѣмъ, что по окончаніи хороводовъ дѣвушки вступаютъ въ связь съ парнями, а эти послѣдніе уже оберегаютъ своихъ дѣвушекъ, какъ будущихъ женъ.

Браки заключаются обыкновенно въ раннемъ возрастѣ, еще до 20 лѣтъ. Нерѣдки случаи, когда невѣста старше жениха,— послѣдній 18—19 лѣтъ, а первая 23—25 лѣтъ. Причины такого явленія— чисто экономическаго свойства: сына стараются поскорѣе женить, чтобы имѣть въ домѣ лишнюю работницу, а дочь по той же причинѣ подольше задерживаютъ въ дѣвкахъ. За рѣдкими исключениями, воля родителей для сына все: они намѣчаютъ ему невѣсту, посылаютъ свахъ, ведутъ рѣчи о приданомъ и суммѣ выкупа за невѣсту. Наличие согласія жениха чрезвычайно рѣдко, бракъ безъ согласія родителей въ Уфимской губ. допускается

лишь изъ экономіи. Большинство браковъ заключается зимою, послѣ Крещенья. Если посольство свахи къ намѣченной невѣстѣ успѣшно, то часто на другой же день женихъ съ отцомъ, матерью а иногда и сваха съ ними вмѣстѣ отправляются на смотрины (свидышки, взглядышки), когда невѣста выходитъ къ нимъ и цѣлуетъ ихъ по три раза. Если невѣста про-

Безпоповческій скитъ у села Александровскаго между Тирлянскимъ и Юрезанскими заводами.

изводитъ неблагопріятное впечатлѣніе, то пришедшіе уходятъ тотчасъ-же, какъ уходятъ и тогда, когда она нравится, но въ послѣднемъ случаѣ въ избѣ что-нибудь забывается: женихъ оставляетъ шапку, мать и сваха— что-нибудь другое. Возвратившемуся жениху высмотрѣнная дѣвушка подаетъ кружку квасу и съ этого момента считается невѣстой, почему, удалясь за устраиваемую для свидышекъ у печки занавѣску, начинаетъ плакать. Женихъ идетъ за нею, ведетъ къ столу, и взглядышки кончаются рукобитьемъ, а такъ какъ съ этимъ актомъ связывается первая пирушка, то во время смотринъ назначается тогда день рукобитья. Необходимо замѣтить, что родители невѣсты предпочитаютъ отдать дочь односельцу— „хоть за курицу, да на одну улицу“ и разъ это такъ, то взглядышки и рукобитье—дѣло одного дня. Въ послѣднемъ случаѣ первое пиршество зовется „пропивушками“; женихъ привозитъ вина, которое должны выпить даже дѣти, не на шутку считающіе его злымъ разлучникомъ съ сестрой. Во время взглядышекъ

невѣста одѣвается въ лучшее платье, передъ рукобитьемъ между родителями обѣихъ сторонъ ведется рѣда о выкупѣ за невѣсту, смотря по зажиточности тѣхъ и другихъ; часть привезеннаго на пропивушки вина обязательно отливается. Послѣ пропивушекъ дѣвушки собираются къ невѣстѣ, все за нее дѣлаютъ по дому, готовятъ ей приданое, удовлетворяясь подарками гостей, а она плачетъ, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ ведетъ себя еще болѣе странно: не одѣвается, ѣсть отдѣльно; молчаніе и слезы, чередуясь между собою, не даютъ ей права любопытничать, смотрѣть въ окна, выходить въ присутствіи постороннихъ. Эти странности связаны съ суевѣріями — боязнью злого напуска, почему по Пермской губ. „знахарь-вѣжливецъ“ — необходимый ассистентъ каждаго брака, оставляющій свою роль только послѣ того, когда новобрачные уходятъ спать. Дѣвичьи пѣсни, невѣстины слезы и настроеніе семьи характеризуются пословицей: „дѣвку отдавать все равно, что овинъ сжечь“.

Бываетъ, что за нѣсколькo дней до свадьбы отецъ невѣсты ѣдетъ къ жениху съ цѣлью убѣдиться въ благосостояніи жениха, но свата-провѣдчика спаиваютъ; тутъ же онъ назначаетъ день пріѣзда жениха съ гостинцами. Вообще дня за 2 — 3 до свадьбы женихъ ѣздитъ къ невѣстѣ съ гостинцами, беря съ собою брата и сестру; часть гостинцевъ невѣста оставляетъ себѣ и угощаетъ ими гостей на третій день послѣ свадьбы. На этотъ разъ пріѣхавшіе съ женихомъ одариваются вещами — рубашками, платками, а тѣ „золотятъ тарелку деньгами“, послѣ чего бываетъ угощеніе пельменями, когда дѣвушки величаютъ жениха пѣснями. Дѣвичникъ и обрученіе происходятъ наканунѣ свадьбы; первый — утромъ, второе — вечеромъ, а иногда и то и другое вмѣстѣ — также вечеромъ. Въ первомъ случаѣ бываетъ тоскливое утро: дѣвушки топятъ баню для невѣсты, стряпаютъ курникъ — пирогъ съ начинкой изъ орѣховъ и пряниковъ съ наружными украшениями (это впрочемъ не вездѣ въ Приуральѣ) и въ день свадьбы продаютъ его побряканамъ за рубль и болѣе, а тѣ подадутъ его на другой день свадьбы на княжій столъ, гдѣ онъ только красуется, а затѣмъ убирается новобрачною для храненія на цѣлый годъ. Баня готова, за занавѣской у печи невѣстѣ вплетаютъ въ косу столько лентъ, сколько есть дѣвушекъ, сопровождая это привываніемъ, а извѣстіе, что баня готова, встрѣчается форменнымъ плачемъ. Невѣста падаетъ въ ноги рыдающимъ родителямъ, тѣ благословляютъ ее, а въ это время пѣсня льется, какъ слезы, въ минуту прощанья невѣсты со всѣми членами семьи, съ каждымъ угломъ избы. Привыванія сопровождаютъ невѣсту до бани, куда ее не сразу выпускаютъ ея родныя сестры; въ банѣ расплетается коса, дѣвушки берутъ себѣ ленты, а лишнимъ даются какіе-нибудь доскутки, которые, какъ и ленты, они заплетутъ вечеромъ себѣ въ косы. Выходя изъ бани невѣста бросаетъ вѣникъ на крышу бани, а съ нимъ и свою „тоску-кручину“. Медленно поднимается невѣста на крыльцо подъ пѣсни, братъ отворяетъ ей дверь, въ избѣ ее одѣваютъ въ новый сарафанъ и этимъ кончается дѣвичникъ. Является женихъ съ гостями и виномъ, со своей шапки женихъ сбрасываетъ невѣстѣ деньги въ фартукъ, они обмѣниваются кольцами, послѣ чего невѣста одариваетъ его самого и гостей красными платками, а затѣмъ съ разрѣшенія родителей невѣсты начинаются „столованье“ и величальныя пѣсни жениху и невѣстѣ. Въ другихъ мѣстахъ привезенное женихомъ

вино разливается въ рюмки, первая чарка—невѣстѣ и ея подругамъ, остальные—гостямъ. Подруги поютъ пѣсни, невѣста плачетъ:

Въ день свадьбы собирается по выбору поѣздъ, состоящій изъ тысяцкаго, большихъ бояръ, дружки, полудружья, свахи и повозниковъ; число ихъ зависитъ отъ степени зажиточности жениха и невѣсты и ихъ родственниковъ. Утромъ въ домѣ жениха замѣчается суетливость: отецъ и братья ѣдутъ искать повозки, сани, колокольцы, звать тысяцкаго—крестнаго отца жениха, а его жену—большую сваху—приглашаетъ самъ женихъ. Въ домѣ же еще съ полуночи пекутъ, варятъ, жарятъ. Къ полудню гости уже въ сборѣ; если невѣста изъ другой деревни, то тотчасъ же послѣ стола, за которыми женихъ ничего не ѣстъ, женихъ ѣдетъ къ невѣстѣ, останавливаясь у свахи, если она тутъ живетъ, а его поѣзжане ѣдутъ къ невѣстѣ три раза. При отъѣздѣ жениха изъ дому со всѣми своими поѣзжанами дружка, выѣхавъ изъ ворота, останавливается и, стоя въ саняхъ, говоритъ:

„Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Всѣ ли въ скопу, всѣ ли въ собраніи? Всѣ ли сяди, все ли взяли, не забыли ли чего? Свахонька (имя рекъ), взяла ли ты кунью шубу, шелковую тафту, гумажные чулки, красные башмаки, пѣнное мыло, бѣлы бѣлила, красны румяна, частый гребешокъ?.. Благословите меня, княжескаго дружку, впередъ ѣхать горами, долами, темными лѣсами, траву зелену разнимать, въ лѣсу кусты обивать, сучки поломать, путь-дороженьку топтать, всѣхъ добрыхъ молодцовъ пропускать. Кто встрѣчу попадетъ, не станеть воротить, того станемъ колотить“...

Въ первый пріѣздъ къ невѣстѣ поѣзжанъ прибывшаго уже жениха дѣвушки имъ прикалываютъ цвѣтки, ленты, угощаютъ ихъ пивомъ и виномъ, а тѣ дарятъ дѣвушекъ деньгами. Во второй разъ поѣзжане ѣдутъ отъ жениха съ чулками, башмаками и мыломъ, причемъ невѣста бьетъ ихъ башмаками за торопливость, а съ ихъ отъѣздомъ подъ вопли и стоны одѣваютъ невѣсту къ вѣнцу: за пазуху ей кладутся: шерсть, лень, холстъ и краюшка хлѣба, а отъ дурного глаза вкалывается много булавокъ. Необходимо сказать, что въ числѣ поѣзжанъ дружка играетъ важную роль: онъ долженъ быть рѣчистъ. Въ третій съ нимъ къ невѣстѣ пріѣздъ поѣздъ возвращается обратно уже за женихомъ, причемъ прибывшій женихъ одѣляетъ деньгами дѣвору—копейки по двѣ и болѣе—все въ домъ и ничего изъ дому, а у невѣсты женихова сваха вывязываетъ послѣднюю ленту изъ косы, послѣ чего отецъ выводитъ не-

Уральскій старовѣръ.
(По фот. Круковскаго).

вѣсту, отдастъ ее жениху, всѣ обходятъ вокругъ накрытаго стола, за который садятся одни гости, а послѣ стола слѣдуетъ благословеніе невѣсты и жениха иконами и хлѣбомъ. Затѣмъ всѣ выходятъ на улицу къ конямъ. Женихъ садится въ одни сани съ тысячникомъ, невѣста со свахой—въ другія; тогда бояре—родственники жениха и невѣсты обходятъ ихъ съ иконами три раза, трогая дуги, чтобы звонили колокольцы: вѣдь звонъ спасаетъ отъ порчи и колдуновъ. Чтобы съѣздить въ церковь и обратно, брачущіеся и сопровождающіе ихъ должны знать много примѣтъ и суевѣрно выполнять ихъ въ видахъ сбереженія новобрачныхъ отъ дурныхъ послѣдствій: лошадей выпряглась, въ дорогѣ что-нибудь утерялось, креста на перекресткѣ не сдѣлали,—всему придается большое значеніе. Но вотъ изъ церкви прискакалъ къ родителямъ невѣсты дружка съ извѣстіемъ, что вѣнцы съ брачущихся сняты, и въ домѣ повеселѣло, дружку угощаютъ на славу. Во время вѣнчанья бываетъ, что невѣста покрывается скатертью съ вышитымъ крестомъ, и въ будущемъ такая скатерть служитъ средствомъ спастись отъ родимца и пр. Послѣ вѣнчанья въ церковной сторожкѣ сваха заплетаетъ новобрачной волосы въ двѣ косы и надѣваетъ наголку. Необходимо затѣмъ встрѣчаютъ въ шубахъ, причемъ свекоръ, бросая на молодушку щепоть золы, говоритъ: „Видишь — не видишь, слышишь — не слышишь“, а свекровь, ударяя ее прутомъ, наставительно произноситъ: „Изъ избы въ избу не ходи, вѣстей изъ дома въ домъ не перевозки“.

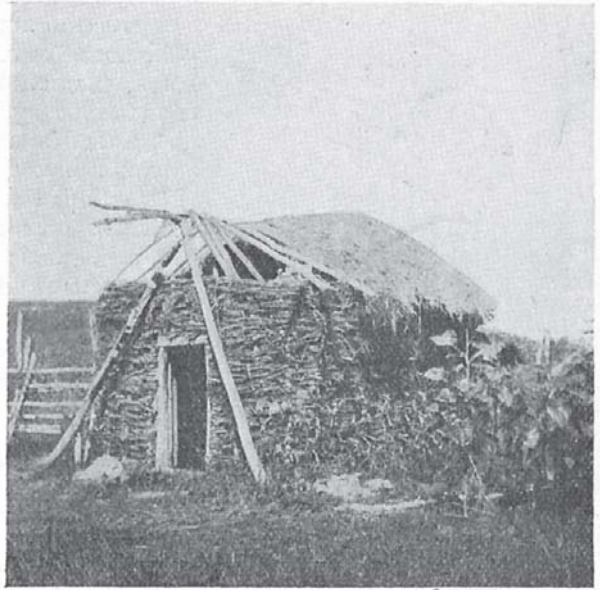
Войдя въ избу новобрачные садятся за столъ и сватья ихъ покрываетъ съ головой скатертью, а свекровь, перекрестясь на образа, снимаетъ ее съ нихъ и на „вскрыванье“ даритъ невѣсткѣ телку или овцу. Послѣ этого происходитъ пиръ, а на другой день молодые ходятъ въ баню, истопленную дружкой и свахой, и идутъ туда прямо съ постели. Послѣ этого происходитъ битье посуды, потомъ обильный столъ для гостей со стороны невѣсты. Въ иныхъ мѣстахъ ночь молодыхъ оберегаютъ сваха и „знахарь-вѣжливецъ“, они же свидѣтельствуютъ о честности молодушки, послѣ чего только и бьется посуда; иначе—признакъ скандальнаго брака. Послѣ угощенья молодые на развѣченыхъ лентахъ лошадей катаются по селенію, причемъ женщины одѣваются въ татарскіе и мужскіе костюмы и въ этомъ видѣ ведутъ вольные діалоги двусмысленнаго свойства. На третій день молодушка угощаетъ собственнойстряпней, сама пробуетъ мести избу, но ей не даютъ этого сдѣлать, пока она не отдастъ жениховскихъ гостинцевъ. Четвертый день является буднями, съ благословеніемъ и поклонами молодушки въ ноги свекру и свекрови.

Въ заводской средѣ тѣ же обычаи проявляются въ нѣсколько измѣненномъ видѣ: но циклъ суевѣрныхъ примѣтъ при свадьбахъ и въ обычномъ жизненномъ обиходѣ остается обыкновенно тотъ же. На другой день послѣ свадьбы молодые впрочемъ дѣлаютъ визиты. Характеристика нравовъ была бы неполной, если не указать обычаевъ, сопровождающихъ рожденіе и погребеніе. Роды крестьянской женщины происходятъ почти всегда въ тѣсной избѣ или банѣ. Бѣдная, небогатая женщина часто за нѣсколько часовъ до родовъ нарубить дровъ, сама снесетъ ихъ въ баню и затопитъ печь. У состоятельныхъ кромѣ повитухи приглашается кто-нибудь изъ родственницъ. Въ банѣ родильница

остаётся трое суток; оставлять её одну считается опаснымъ, такъ какъ *банникъ* (нечистый духъ) въ отсутствіе людей властенъ располагать жизнью и смертью роженицы. Родившееся дитя тотчасъ оплескиваютъ теплою водою, затѣмъ парятъ листовными вѣниками и подчасъ такъ сильно, что у новорожденнаго появляются водянистые пузыри отъ ожоговъ. Операция паренія ребенка длится по цѣлой недѣлѣ и болѣе. При обмываніи дѣтей водою не полагается никакихъ примѣсей кромѣ щепотки соли, опускаемой крестообразно и съ молитвой: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь“. Въ другихъ случаяхъ солью посыпается голова дитяти и все для того, чтобы оно не подверглось „урокамъ“

при взглядѣ на него постороннихъ. Члены новорожденнаго, кажуціяся повитухѣ неправильными, выравниваются въ первое же омовеніе ребенка, для чего повитуха кладетъ его на колѣни и затѣмъ сначала обѣими руками равняетъ голову, потомъ разглаживаетъ спину, далѣе правую ручку подтягиваетъ къ лѣвой ногѣ, а лѣвую — къ правой, при чемъ сама издаетъ скрипящій звукъ. Если ребенокъ вскрикиваетъ, то считается несомнѣннымъ, что онъ испуганъ и тогда уже совершается новый процессъ. Повитуха отыскиваетъ конецъ мочала, которымъ измѣряетъ руки и ноги и, при замѣченномъ несоотвѣтствіи, прибѣгаетъ къ слѣдующему: сидя на полкѣ бани съ

Полевая избушка казаковъ Челябинскаго уѣзда для ночлега во время лѣтнихъ работъ.

(По фот. Ю. А. Шиховой).

ребенкомъ бабка передаетъ мочало другой женщинѣ, приказывая взять топоръ, а мочало положить на порогъ и дожидаться ея вопроса: „что съчешь?“ Приготовившаяся съчъ мочало должна отвѣчать: „испугъ“. Повитуха послѣ этого слова говоритъ ей: „съки пуще, чтобы не было“. Такой діалогъ повторяется три раза и тѣмъ будто-бы уничтожается испугъ ребенка.

Обычай и обряды при смерти и похоронахъ имѣютъ слѣдующія особенности. Въ то время, когда умираетъ человѣкъ, зажигаютъ передъ иконами восковыя свѣчи, умирающаго покрываютъ скатертью, а когда онъ умретъ, то раздѣваютъ его не иначе, какъ раздирая бѣлье вдоль тѣла, а не снимая его черезъ голову. Обмывъ его одѣваютъ во все новое и везутъ въ церковь, причемъ на гробъ садится жена умершаго, если она есть, а если нѣтъ, — такъ отецъ или сынъ, дочь или мать. При гробѣ

причитаютъ и воютъ, похоронить умершаго стараются въ день смерти. Послѣ погребенія въ домѣ, гдѣ жилъ и умеръ покойный, вымываютъ полы, палаты, даже стѣны и сами домашніе моются въ банѣ. Гробы дѣлаютъ кое-какъ, лишь бы довести до могилы. Усопшихъ чаще всего поминаютъ во вторникъ на Өоминой (Радоницу) или на 7-й недѣлѣ послѣ Пасхи въ четвергъ, и день этотъ зовется „Семикомъ“.

Быть можетъ, большая поспѣшность въ погребеніи и послужила причиной повѣрья, которымъ устанавливается слѣдующее. Если оживетъ покойникъ и уйдетъ изъ церкви, то это обстоятельство должно вызвать смерть 12 священниковъ, причемъ одинъ умретъ изъ этой же

церкви. Но если убить ожившаго, то попы освобождаются отъ грозящей кары. Отсюда естественно повѣрье и выводъ, будто „попы убиваютъ ожившихъ покойниковъ“. Словомъ, наличность различныхъ суевѣрій свидѣтельствуемъ и о непремѣнномъ процвѣтаніи знахарства, и дѣйствительно знахари находятся въ большомъ почетѣ. Ихъ специальность—лѣчить людей, скотъ, портить, обращать людей въ дикихъ звѣрей и т. д. Есть повѣрье, будто знахари цѣлые свадебные поѣзда обращаютъ въ волковъ, а отсюда понятно ихъ участіе на свадьбахъ подъ именемъ „вѣжливыхъ“. Изученіе знахарства („еретничества“) не обходится безъ знакомства съ дьяволомъ и происходитъ—лѣтомъ гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ, а зимой—въ банѣ, а посему роль „еретника“—научить посвящаемога изустно или письменно заклинаніямъ и заговорамъ и „свести съ дьяволомъ“. Напускными болѣзнями считаются наружная и внутренняя грыжа, „ноготь“, „уроки“, „порча“, „хомуть“, „родимецъ“, „комуха“ (лихорадка) и др. Падежъ же скота, повальные болѣзни и пожары—

Оренбургскій казакъ.

считаются Божьимъ наказаніемъ. Разъ всѣ остальные случаи въ жизни зависятъ отъ демонической силы и могутъ быть устраняемы, то „наговоры“ знахарей обоего пола приурочены ко всему. Есть наговоры отъ кровотеченія, отъ долгой болѣзни и недомоганій, отъ сумасшествія и для того, какъ приворожить молодого парня или дѣвушку, жениха или невѣсту; есть такой наговоръ, что воръ свою кару найдетъ, будетъ чахнуть и умереть, если зарыть въ землю часть такого-же предмета, который украденъ, и отслужить панихиду и т. д.

Приводить стиль и слогъ этихъ наговоровъ также трудно, по недостатку мѣста, какъ и весь обширный циклъ различныхъ пѣсенъ, присловій и поговорокъ. Можно сказать только, что длинная, староскладная народная русская пѣсня вытѣсняется продуктомъ современнаго творчества—*частушкой*. Старинныя пѣсни сравнительно твердо держатся среди коренныхъ жителей деревни, да и то лишь въ тѣхъ

случаяхъ, когда связаны съ обрядовой стороною, какъ свадебныя пѣсни напримѣръ. Въ области Урала, въ заводскихъ районахъ и въ центрахъ, гдѣ промышленность приобретаетъ преобладающее значеніе въ экономикѣ жителей, побѣда частушки надъ старой пѣсней внѣ всякихъ сомнѣній. Изъ прежнихъ пѣсенъ наиболѣе употребительными являются еще нѣкоторыя *плясовыя*, какъ напр. „Вдоль изъ улицы въ конецъ“, „Александровска береза“, „Ужъ я сѣяла, сѣяла ленокъ“, „Заинька гдѣ ты былъ — побывалъ“? и др., *хороводныя* — „На заводѣ были мы“, „Верба моя, вербочка“, „Вѣнь-ли мой вѣночекъ“, „Не дождемъ березу водой поливаетъ“ и др., *хоровыя* — „Тихій Донъ“, „Макарьевска ярмонка“, „Ко Невѣ быстрой рѣчкѣ“, „За Кубанью рѣчкой“, „Саратовска степь“, „Сине море“, „На рѣчкѣ, на рѣчкѣ, на быстрой на Волгѣ“ и др. Колоритъ свадебныхъ пѣсенъ, представляя полную и безусловно вѣрную картину народнаго житья-бытья, отражаетъ тѣ настроенія, которыя имѣютъ преобладающій характеръ въ свадебныхъ обрядахъ. Дѣвичьи и невѣстины пѣсни свадебнаго періода полны грусти и печали, они — живой отголосокъ тяжелой доли русской женщины, стоящей передъ роковымъ вопросомъ, что дастъ ей новая семья, тогда какъ въ пѣсняхъ жениху и рѣчахъ жениховыхъ „дружекъ“ чувствуется сознание силы и слѣдовательно бодрящій напѣвъ. По тому, какія поются свадебныя пѣсни, можно узнать фазисъ свадебнаго періода, такъ какъ существуютъ пѣсни проивныя, величальныя и др. Частушка же, являясь естественнымъ переходомъ отъ старорусской пѣсни къ новой, представляетъ продуктъ полубезсознательнаго творчества народныхъ стихотвореній, раздѣляясь по своему характеру на бытовые и фабричныя. Полныя непосредственности и близости къ жизни, онѣ по своей конструкціи имѣютъ различіе не только по содержанію, но и въ формѣ изложенія мысли. Такъ, бытовая частушка отличается отъ старой пѣсни лишь нѣкоторыми намеками на рифму и новымъ размѣромъ, чуждымъ этой пѣснѣ. тогда какъ въ

Казачки Челябинскаго уѣзда.

(По фот. П. А. Шихова).

напѣвъ. По тому, какія поются свадебныя пѣсни, можно узнать фазисъ свадебнаго періода, такъ какъ существуютъ пѣсни проивныя, величальныя и др. Частушка же, являясь естественнымъ переходомъ отъ старорусской пѣсни къ новой, представляетъ продуктъ полубезсознательнаго творчества народныхъ стихотвореній, раздѣляясь по своему характеру на бытовые и фабричныя. Полныя непосредственности и близости къ жизни, онѣ по своей конструкціи имѣютъ различіе не только по содержанію, но и въ формѣ изложенія мысли. Такъ, бытовая частушка отличается отъ старой пѣсни лишь нѣкоторыми намеками на рифму и новымъ размѣромъ, чуждымъ этой пѣснѣ. тогда какъ въ

фабричныхъ частушкахъ рифма выражена яснѣе и размѣръ строже. Въ бытовой частушкѣ нѣтъ никакихъ намековъ на фабричную жизнь, между тѣмъ какъ фабричная частушка есть уже плодъ заводской поэзіи, въ которой нельзя искать свѣтлыхъ тоновъ. Фабричная частушка печальна, какъ жизнь фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ. Откликаясь на жизнь во всѣхъ ея направленіяхъ, фабричная частушка откликается на крупныя событія заводской жизни, но и здѣсь отмѣчаются лишь темныя, а не свѣтлыя ея стороны. Любовныя пѣсни частушки женской половины, полныя нѣжности, отличаются минорнымъ тономъ, но въ репертуарѣ ихъ удивительно мало дѣвичьихъ пѣсень, говорящихъ о счастливой любви. Это вполне понятно. Въ заводской дѣйствительности также, какъ и въ сельской жизни, право выбора принадлежитъ сильной половинѣ, а забота замужней женщины сводится къ слѣдующему:

Первая заботушка —
Свекоръ да свекровушка.
Другая заботушка —
Деверь да золовушка.
Третья заботушка —
Мужъ удала голова...

Частушки мужской половины чрезвычайно грубы, въ нихъ чувствуется пренебрежительное отношеніе къ женщинамъ, ухаживаніе за послѣдними носитъ характеръ молодечества, и часто достигнутый въ любви успѣхъ ни къ чему не обязываетъ.

Башкиры ¹⁾ или *башкирцы* населяютъ западные и восточные склоны и предгорья Урала, а равно и окрестныя равнины въ губерніяхъ Оренбургской, Уфимской, восточной части Самарской и въ южной части Пермской и Вятской губ. Общая ихъ численность не превышаетъ 1½ милл. душъ обоого пола, изъ которыхъ 7.253,8 тыс. душъ приходится на Приуралье.

Племенное происхожденіе башкиръ довольно спорно. Еще Гумбольдтъ, а позднѣе Уйфальви признавали ихъ угро-финнами. Хвольсонъ считалъ башкиръ вогульскимъ племенемъ — отраслью угорской группы народовъ, или частью большой алтайской семьи и родоначальниками мадьяръ (угровъ или венгровъ). Путешественники XIII в. прозвали Башкирію „Великой Венгріей“, а языкъ башкиръ даже признавали однороднымъ съ языкомъ венгровъ ²⁾. Внѣшнее сходство башкиръ съ мадьярами настолько съ перваго взгляда поражало, что въ венгерскую войну 1849 г. уральскіе казаки называли мадьяръ „башкирами“. Другіе историки производили ихъ отъ булгаръ, хотя за послѣднее время по-

¹⁾ Этимологія самаго названія еще не установлена точно. Слово „башкиръ“ производится отъ татарскаго слова *башъ* — голова и тюркско-татарскаго — *куртъ*, означающаго собраніе насѣкомыхъ (пчель и др.), или же отъ *башкаюртъ* — отдѣльное племя. Д. А. Хвольсонъ, исходя изъ сказаній восточныхъ писателей, производитъ башкиръ отъ слова *баджардъ* (башкартъ, башкаръ) точно также, какъ и названіе мадьяръ (баджардъ, маджгаръ, мадьяръ).

²⁾ Возможно, что въ тѣ времена еще сохранились преданія о томъ, что башкиры во время великаго переселенія народовъ заняли Приуральскія земли, опустѣвшія послѣ ухода венгровъ отсюда на западъ, почему эти земли и назывались „Великой Венгріей“.

томками камскихъ болгаръ считаются чувашіи. Сосѣди киргизы называютъ башкиръ „остякъ“ (остяками) ¹⁾, а русскіе — просто татарами.

Новѣйшія анатомическія и краніологическія изслѣдованія (Н. Малиева и др.) однако все болѣе и болѣе устанавливаютъ родство башкиръ съ татарами, слѣдовательно татарское ихъ происхожденіе. Въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ видно, что и бытовая сторона жизни башкиръ роднитъ ихъ съ татарами.

Масса башкирскаго населенія далеко неоднородна. Сами башкиры дѣлятъ себя по родамъ — *усериане*, *донаурицы*, *бурзане* и др., что вполне отвѣчаетъ и нѣкоторымъ родовымъ отличіямъ въ ихъ физическомъ типѣ. Другимъ признакомъ дѣленія является географическое ихъ размѣщеніе по лѣсамъ, горамъ и степямъ, обусловливающее разницу въ коренныхъ занятіяхъ, которыя въ свою очередь кладутъ разный отпечатокъ на внѣшній обликъ башкиръ и на ихъ бытъ.

Типъ башкира *степняка* (болѣе распространенный) — средняго роста, съ широкимъ, плоскимъ лицомъ, широкимъ носомъ и выдающимся подбородкомъ. Типъ лѣснаго башкира иной: онъ выше ростомъ, горбоносый, съ продолговатымъ лицомъ, овальнымъ, выпуклымъ профилемъ. Общее у тѣхъ и другихъ — смуглый цвѣтъ лица, узкіе, чаще всего сѣрые или каріе глаза, прямыя, узкіе лбы, торчащія на татарскій манеръ уши, черноватые, густые волосы на головѣ и рѣдкіе — въ бородѣ и усахъ. По устройству головы башкиръ относятъ къ брахикефаламъ (короткоголовымъ). Этотъ признакъ существенно отличаетъ ихъ отъ финновъ и приближаетъ къ татарамъ. Средняя горизонтальная окружность головы башкиръ — 565 миллиметровъ, длина черепа — 186 мм., ширина его — 152 мм., а вмѣстимость черепа — около 1.820 куб. сантиментовъ. Большинство башкиръ сухощавы, но мускулисты, широкоплечи и сильны. Исconi привыкшіе къ невгодамъ, къ перемѣнчивымъ условіямъ кочевой жизни, башкиры отличаются закаленностью и менѣе считаются съ инфекціонными желудочными болѣзнями, столь распространенными среди окружающаго башкиръ русскаго населенія. Даже теперъ, когда такъ ограничена прежняя вольная и полная изобилія степная жизнь башкирца, а вѣковые навыки без-

Домъ башкира средней зажиточности.

(По фот. Круковскаго).

1) „Остякъ“ или „уштякъ“, какъ было указано въ XVI т. „Россіи“, по татарски значитъ „варваръ“. Очень возможно, что, подобно тому, какъ въ Западной Сибири татары этимъ именемъ называли своихъ некультурныхъ финскихъ сосѣдей (остяковъ), такъ и киргизы прозвали своихъ менѣе культурныхъ сосѣдей — башкиръ.

печности и поэтической лѣни (развившейся въ нихъ особенно при кантональномъ режимѣ, когда все приходилось дѣлать изъ-подъ плети и палки), оставляютъ его на зиму полуголоднымъ и мрачнымъ; но достаточно двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, чтобы онъ пополнѣлъ, ожилъ и повеселѣлъ на своихъ джайляу (лѣтовочныхъ мѣстахъ). Башкиры очень лѣнны. Иногда впрочемъ лѣнность эта проявляется своеобразно; передаютъ напр., что если засорилось мѣсто, въ которомъ живетъ башкиръ, то онъ скорѣе перенесетъ всю свою избу на другое мѣсто, чѣмъ рѣшится вывезти со двора навозъ. Своеобразный разгулъ, который вѣрнѣе называть обжорствомъ, какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ этой лѣнью.

Въ нравственномъ обликѣ башкиръ отмѣчаютъ такіа тѣнныя стороны, какъ скрытность, подозрительность, чрезмѣрную вспыльчивость, лѣнность, любовь къ сутяжничеству, ¹⁾ но зато они не лишены отваги, отличаются живостью, воспримчивостью, смѣткой, любители занятій, пробуждающихъ творчество, юмористы, гостепримны, любознательны и общительны. ²⁾ Самое радушное гостепримство — характерная черта башкиръ. Случается, что бѣдный башкиръ голодаетъ нѣсколько дней, но если ему удалось украсть у сосѣда барана или корову, то сейчас же онъ заедетъ пирь; на пирь приглашаются всѣ сосѣди, не исключая и того, у кого скотина украдена. Гости догадываются о причинѣ и происхождения пирушки, но изъ вѣжливости ничего не говорятъ и, попиравъ вволю, довольные расходятся по домамъ. Этимъ свойствомъ характера башкиръ не преминули воспользоваться любители легкой наживы, расхитившіе большое количество башкирскихъ земель. Общительность башкиръ особенно ярко проявляется лѣтомъ въ кумысный сезонъ, когда они не прочь по малѣйшему поводу ходить изъ коша въ кошъ и упиваться кумысомъ за веселой бесѣдой. Базары всегда служатъ для башкиръ праздниками, на которые они стекаются часто безо всякаго дѣла — лишь бы потолкаться и послушать новостей. Башкирець лѣнливъ, но его нельзя назвать бездѣятельнымъ: въ промежутки между празднымъ проведениемъ времени онъ работаетъ усердно и проявляетъ даже большую, сравнительно съ русскимъ, работоспособность. Въ зажиточныхъ селахъ (особенно Уфимской губ.) окружающее башкиръ русское населеніе прямо обойтись не можетъ безъ нихъ во время полевыхъ работъ.

Нѣтъ мечети, гдѣ бы мулла не обучалъ грамотѣ (по преимуществу арабской) не только дѣтей, но и взрослыхъ башкиръ. Обучение

¹⁾ Известенъ рассказъ, что иной разъ истецъ и отвѣтчикъ башкиры мирно плетутся за десятки верстъ на одной лошаденкѣ въ городъ, чтобы засудить другъ друга.

²⁾ „Вудучи отъ природы очень любознательны и воспримчивы, отличаясь весьма хорошими качествами души и располагая при всемъ этомъ, благодаря безопасному своему образу жизни, большимъ досугомъ, башкиры тѣмъ не менѣе по сравненію съ русскимъ населеніемъ стоять на болѣе низкой степени развитія и производить впечатлѣніе какихъ-то дѣтей... Относясь крайне легко ко всему ихъ окружающему... башкиры смотрятъ на жизнь не дальше каждаго даннаго момента и, стараясь почерпнуть изъ нея все наиболѣе для себя приятное въ данное время, совершенно индифферентно относятся къ тому, насколько терпятъ отъ этого ихъ же личные интересы хотя бы самаго ближайшаго будущаго“ (Труды мѣстн. Комит. о нуждахъ сельскохоз. промышленности, XXVII, Оренбургская губ., стр. 132) — таковъ официальный отзывъ о башкирахъ.

у нихъ бесплатное, развѣ что натурой платять муллѣ. Школьное воспитаніе отличается мягкостью; почти единственное наказаніе — *ахманъ* (выговоръ). Честностью и добротой могутъ башкиры похвалиться передъ другими инородцами: скотъ свободно бродить ночью въ урманѣ; нищенство — по крайней мѣрѣ профессиональное — явленіе почти совсѣмъ чуждое башкирскимъ деревнямъ. Проституція и сифилисъ лишь въ самое послѣднее время сдѣлали нѣкоторыя завоеванія среди башкиръ.

Въ отношеніи *гражданскаго* строя башкиры, послѣ передачи ихъ (въ 1865 г.) изъ военнаго вѣдомства, гдѣ они составляли иррегулярное войско, въ гражданское и съ изданіемъ еще прежде (1863 г.) особаго положенія о башкирахъ, мало чѣмъ отличаются отъ русскаго крестьянскаго населенія.

Характерными чертами *экономическаго устройства и земельныхъ распоряженій* среди башкиръ являются постепенное и довольно быстрое сокращеніе запаса вѣнадѣльныхъ свободныхъ земель, неразмежеванность земель и связанныя съ этимъ неурядицы въ землепользованіи.

Правда, въ одной Оренбургской губ. занадѣльныхъ башкирскихъ земель еще насчитываютъ свыше 2 милліоновъ десятинъ, но въ виду — особенно въ послѣднее время — наплыва переселенцевъ изъ другихъ губерній и въ связи съ безпечностью башкиръ къ цѣнамъ на земли, въ недалекомъ будущемъ, когда кстати будетъ закончено и размежеваніе башкирскихъ земель, эти земли уйдутъ въ чужія руки, а тѣ урочныя 15 десятинъ на ревизскую душу, которыя теперь не отчуждаются, не будутъ обезпечивать ихъ въ достаточной мѣрѣ, — тѣмъ болѣе, что эти 15-десятинные надѣлы въ настоящее время нерѣдко обмѣниваются на соответствующіе участки свободныхъ земель безо всякаго соображенія о томъ, хуже или лучше эти участки, а совершенно по стороннимъ побужденіямъ.

Если неразмежеванность башкирскихъ земель, не только по отдѣльнымъ селеніямъ, но иногда по цѣлымъ волостямъ ¹⁾ — съ одной стороны — тормазъ къ быстрому отчужденію этихъ земель, то съ другой — она служитъ спутникомъ страшной путаницы въ землепользованіи: чрезвычайно трудно вотчинникамъ нѣсколькихъ крупныхъ се-

Башкирскій мулла.
(По фот. Круковскаго).

¹⁾ Такъ, напр., оставались еще недавно неразмежеванными земли трехъ *Бурзанскихъ* волостей Оренбургской губ. съ общей площадью 400 тыс. десятинъ земли.

леній и даже волостей соединиться на сходѣ, чтобы распредѣлить земельныя угодья или условиться насчетъ какого либо участка земли хотя-бы въ смыслѣ сдачи въ аренду и т. д. При такихъ условіяхъ состоятельные башкиры болѣе и болѣе богатѣютъ, захватывая все, что подъ силу ихъ средетвамъ, а бѣдность, не имѣющая въ достаточной мѣрѣ ни скота, ни другихъ орудій производства, ни денегъ, еще болѣе опускается.

Что касается *бытовой стороны* жизни башкиръ, то въ этомъ отношеніи прежде всего обращаютъ на себя вниманіе бѣдность обстановки и совершенная неуютность ихъ жилищъ. „Печальное зрѣлище — башкирскія деревни: скорбныя, подгнившія, покосившіяся избышки, разметанныя и разбитыя непогодю крыши; вотъ нѣсколько избъ на манеръ итальянскихъ виллъ съ плоской крышей, т. е. безъ крыши. Потолокъ убитъ землею, на которой пышно растутъ сорныя травы. Торчитъ покривившаяся глиняная труба, покрытая бездоннымъ закопченнымъ горшкомъ. Окна иныхъ безъ стеколъ, заткнуты кусками коры осокоря. Грязный дворъ, огороженный плетнемъ. Посрединѣ прокопченный плетеный шалапъ (лѣтомъ — кухня), а позади рядъ плетеныхъ или обложенныхъ корьемъ загородей для лошадей, скота и козъ“ (Э. Ю. Петри). Особенно унылы селенія башкиръ — обитателей степей: они раскинулись въ одну линію, по которой большей частью не встрѣтишь ни одного деревца.

Таковыя зимнія обиталища башкиръ, которыя чѣмъ далѣе, тѣмъ для большаго количества бѣднѣющей башкирской массы являются также и лѣтней резиденціей. Въ прежнее время башкиры почти поголовно, съ началомъ

Молодая башкирка.
(По фот. Круковскаго)

весны, покидали зимнія жилища и переселялись въ кочевки. Теперь эта роскошь доступна лишь болѣе или менѣе состоятельнымъ, семьи же бѣдныя, главнымъ образомъ лишенные скота (такихъ очень много образовалось особенно въ 1891 г.), остаются и на лѣто въ деревняхъ.

Кочевая кибитка башкиръ — *тирма* — составляется изъ 3 рѣшетокъ (*киртъ* — переплетъ изъ дралицъ или тонкихъ жердей), рѣшетчатого свода (*тирмакы*) и свода (*чагаракъ*). Къ своду привѣшивается дверь (*ишикъ*) и весь онъ покрывается сначала плетениемъ изъ соломы, а затѣмъ плотными сѣрыми кошмами (*кизъ*), сшитыми другъ съ другомъ. Въ типичной кибиткѣ — двѣ кровати, покрытыя коврами (*клямъ*); между кроватями — сундукъ, а посрединѣ кибитки чугунный котелъ (*казанъ*); при входѣ полъ устилается травой. Вверху свода — отверстіе для свѣта, которое въ ненастье завѣшивается;halbvo отъ входа — кадушки и большіе кожаные мѣха (*юба*) для приготовления и небольшіе мѣха (*турсуки*) — для перевозки кумыса.

Избы бѣдняковъ-башкиръ.. (По фот. Круковскаго).

Если бѣднотѣ и удастся выбраться на лѣтнюю кочевку, то она устраивается въ шалапахъ изъ бересты или тонкихъ бревенъ, кое-какъ прицнанныхъ другъ къ другу, съ занавѣсами вмѣсто дверей, съ крышами изъ бересты или дерна.

Одежда башкиръ — татарскаго покроя. *Мужской нарядъ* составляютъ — рубашка ниже колѣнъ безъ пояса (*кульмякъ*), камзолъ, широкіе шаровары, кожаный кушакъ (*каптыря*) большею частью съ привѣсомъ для ножа, кафтанъ (*бешиметъ*) изъ бѣлаго сукна (*сяпканъ*), а зимой — тулупъ. Широкій халатъ (*жилянъ*), прежде составлявшій общую принадлежность, теперь употребляется лишь муллами и знатными. Обувью служатъ сапоги съ калошами (*ичеи*) — изъ сукна, или изъ цвѣтного сафьяна съ кожаными пятками и подошвами, въ большомъ употребленіи и берестяныя лапти, менѣ прочныя, но болѣ изящныя, чѣмъ у русскихъ. Бритую голову поверхъ тюбтейки (*аракчинъ*) покрываетъ конусообразная войлочная шапка (*тельпекъ*), нерѣдко отороченная мѣхомъ, съ загнутыми вверхъ ушами. *Женщины* носятъ длинныя рубашки, также шаровары, платье (*зюлень*) — родъ кафтана, лѣтомъ безъ рукавовъ, — которое по груди и вороту оторачивается цвѣтными лоскутками, сапоги — кожаные или сафьяновые и туфли на высокихъ подборахъ безъ задниковъ и нагрудники изъ монетъ (*сакома*), которые даже у бѣдныхъ составляютъ непремѣнную принадлежность женскаго костюма. Но чѣмъ особенно щеголяютъ башкирки, это — шапки съ изогнутой верхушкой наподобіе каски (*калябашъ-кашмау*). Подъ эту шапку прикрѣпляется кусокъ матеріи, длинный конецъ которой увѣшивается монетами. Употребительны и браслеты (*блязкъ*) и серьги (*алка*). Знатныя башкирки чернятъ брови и зубы и вообще не гнушаются косметикой. Дѣвицы ходятъ простоволосыя, замужнія заплетаютъ косы (большею частью двѣ) со шнуркомъ и монетами. Распространенъ особый видъ кокетства и среди мужчинъ — выщипываніе во-

лось на лицѣ. При всѣхъ проявленіяхъ щегольства ни мужчины, ни женщины не гонятся однако за чистоплотностью: бѣлье и одежда почти никогда не знаютъ стирки и носятся большею частью до тѣхъ поръ, пока не спадутъ отъ ветхости.

Употребляя въ пищу все, что, по мѣстнымъ условіямъ, доступно и принято по обычаямъ, башкиры однако имѣютъ и свои національныя кушанья и напитки. Блюда изъ баранины и конины могутъ считаться у нихъ излюбленными. Особенно распространены *бишъ-бармакъ*¹⁾ — вареное тѣсто съ мясомъ, *салма* — вареное тѣсто кусочками съ лукомъ, *крутъ* — засушенный творогъ — родъ сыра, *курмачъ* — поджаренный ячмень съ коноплянымъ сѣменемъ и масломъ и др. Изъ напитковъ, кромѣ кумыса, готовится *айранъ* — топленое молоко со сметаной — очень древній напитокъ. Чай, не такъ давно вошедшій въ употребленіе и встрѣтившій было сначала сильное сопротивленіе даже въ *байтѣ* (произведеніе башкирскаго книжнаго творчества), теперь повсюду среди башкиръ завоевалъ себѣ симпатію; завтраки почти всегда состоятъ изъ чая съ *юсой* (юваса) — лепешками изъ прѣснаго тѣста, жаренаго на салѣ; хлѣбъ съ масломъ при чаѣ, такъ же, какъ и у татаръ, — обычное явленіе. Чаепитіе для башкирца — не просто утоленіе жажды и голода, а родъ отдыха; вотъ почему чаепитіе совершается подолгу, и чаю выпивается помногу. Одинъ кумысъ въ этомъ отношеніи можетъ поспорить съ чаемъ.

Кумысъ, стародавній напитокъ башкиръ, готовится изъ кобыльаго молока и служитъ для нихъ, какъ питательное средство. Въ позднѣйшее время изъ кумыса научились гнать спиртной напитокъ (*араку*) и даже спиртъ (*арзу*). Способъ приготовленія кумыса таковъ: свѣжее надоенное молоко степныхъ кобылицъ, питающихся ковылемъ, вливаютъ въ особые высокіе деревянныя сосуды, суживающіеся кверху. Въ молоко прибавляется бродило — старый кумысъ или кислое молоко и все перемѣшивается деревяннымъ шестомъ; конецъ броженія и даетъ лучший настоящій кумысъ, который изъ обычнаго напитка превратился нынѣ въ одно изъ прекраснѣйшихъ лечебныхъ средствъ для цѣлаго ряда болѣзней.

Религіозный обликъ башкиръ, можетъ быть, среди всѣхъ мусульманскихъ народностей наименѣе рѣзко очерченъ и строгъ. Часть башкиръ еще съ X в. перешла въ магометанство (по свидѣтельству арабскихъ путешественниковъ), между тѣмъ и по сіе время въ вѣрованіяхъ и обычаяхъ башкиръ открываются слѣды идолопоклонства, напр., жертвы въ лѣсу для умилостивленія злыхъ духовъ въ случаѣ болѣзни. Вообще же среди башкиръ нѣтъ обычнаго магометанскаго фанатизма; какъ общее явленіе они — плохіе правовѣрные и нестрогіе ревнители Корана, несмотря на то, что мечети имѣются въ каждой деревнѣ: вмѣсто положенныхъ пяти разъ молитвы въ день большинство молится только по дважды, омовенія совершаются неисправно, а кочующіе башкиры и совсѣмъ пренебрегаютъ ими; несмотря на запрещеніе Магомета, почти всѣ башкиры пьютъ вино. Строгому фанатизму башкиръ, быть можетъ, мѣшаетъ присутствіе ихъ вѣрованіямъ фатализмъ. Башкиры вѣрятъ, что каждому человѣку при его появленіи на

¹⁾ Пять пальцевъ.

свѣтъ въ книгѣ судебъ начертывается число дней его жизни (*абжаль*) и даже количество пищи, которое ему суждено потребить (*нефьяка*), прежде чѣмъ явиться предъ очи *Шаккуръ-Нуккира* (ангела смерти).

Изъ религиозныхъ обрядовъ слѣдуетъ прежде всего указать на обрядъ *нареченія имени*, совершаемый надъ 3—4-хъ дневнымъ новорожденнымъ. Созываются родные и знакомые. Мулла послѣ молитвы дѣлаетъ внушеніе имени въ уши ребенка. Затѣмъ идутъ угощеніе и обмѣнъ подарками. Обрѣзаніе совершается — надъ мальчиками не старше 2 лѣтъ — однимъ изъ членовъ семьи или родственникомъ не моложе 25 и не старше 50 лѣтъ. Специалистами по этой части являются мещерыки, живущіе среди башкиръ; эта специальность передается по наслѣдству, причѣмъ требуется свидѣтельство отъ духовенства.

Въ наиболѣе приверженной къ исламу средѣ башкиръ жизнь регулируется и направляется ясно выраженными правилами и законами шаріата. Всякое дѣло, каждый шагъ и извѣстное жизненное явленіе разсматриваются съ точки зрѣнія соответствія или противорѣчія требованіямъ шаріата, что и объясняетъ поразительную замкнутость и неподвижность башкиръ въ воззрѣніяхъ и бытѣ. Сначала шаманисты-язычники, башкиры послѣдователями ислама вполнѣ опредѣленно заявили себя въ XIV в., имѣя въ это время уже святыню — мавзолей на могилѣ мусульманскаго пророка — ногайскаго ислама Хусейнъ-бека, находящейся вблизи нынѣшней станціи *Чимы* Самаро-Златоустовской ж. д., недалеко отъ оз. *Акзіаратъ*, на берегу поэтично бѣгущей, быстрой, степной р. *Демы*. Постройку мавзолея относятъ ко времени пребыванія въ Башкиріи Тамерлана (Тимуръ-Аксака).

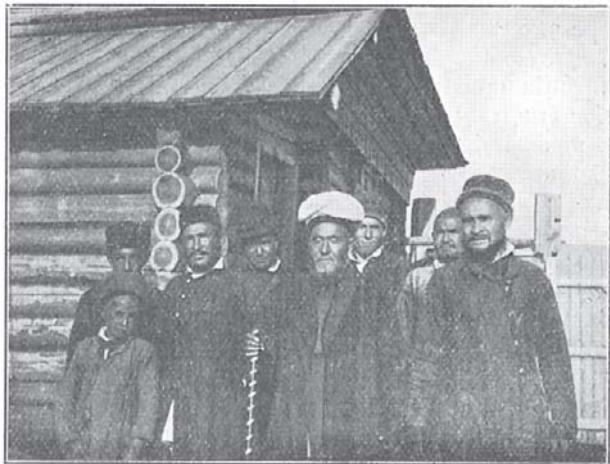
Браки — особенно съ женской стороны — совершаются въ раннемъ возрастѣ. Какъ и у всѣхъ магометанъ, у башкиръ практикуется многоженство, но въ послѣднее время

Башкирское кочевье Оренбургской губ.

духовенство ставитъ ему преграды, требуя удостовѣренія отъ общества, что желающій вступить во второй—третій бракъ имѣетъ средства содержать новыя семьи. Равнымъ образомъ и родители, въ заботахъ о судьбѣ своихъ дочерей, нерѣдко, взявъ *калыма*, берутъ съ жениха обязательство не жениться второй разъ. Большинство башкирскихъ браковъ заключаются зимой, рѣже всего — осенью. Родители жениха самолично или черезъ сватовъ дѣлаютъ предложеніе невѣстѣ. Въ случаѣ согласія назначается день для заключенія условій о приданомъ (калымъ) и пр. Черезъ 2—3 дня послѣ заключенія условій женихъ ѣдетъ со своими родными въ домъ невѣсты съ подарками на пирушку, въ которой женщины никогда не принимаютъ участія. Послѣ уплаты калыма, размѣръ котораго очень различенъ въ зависимости отъ степени зажиточности жениха, а иногда

Башкирскій мулла съ сыновьями.

и до уплаты — въ домѣ невѣсты совершается самый обрядъ вѣнчанія (*какыт-накахъ*), сопровождаемый семейнымъ празднествомъ при участіи родственниковъ съ обѣихъ сторонъ. Если свадьба сыграна до уплаты калыма, практикуется — пока что — дѣвицу, выданную замужъ, держать у родителей, но это отнюдь не мѣшаетъ тому, чтобы мужъ навѣщаль свою молодую жену, ходилъ съ ней въ баню и пр.

Разводъ — дѣло простое и можетъ совершаться или по инициативѣ мужа (*шалынъ*), который прямо выгоняетъ свою жену, или по инициативѣ жены (*хлюгъ*), когда послѣдняя сама уходитъ. Поводовъ къ разводу немало — неповиновеніе, нехозяйственность, нарушеніе вѣрности болѣе трехъ разъ и т. д. Разводящійся заявляетъ муллѣ о томъ; этотъ послѣдній, послѣ увѣщанія и въ случаѣ его неуспѣшности, допрашиваетъ свидѣтелей, записываетъ актъ расторгенія брака въ книгу — и супруги свободны. Дѣти остаются при отцѣ.

Довольно торжественно совершаются башкирскія *похороны*. Омытаго покойника облачаютъ въ чистыя одежды. Погребать стараются въ день самой смерти. Впрочемъ, если смерть послѣдовала послѣ заката солнца, хоронятъ на другой день. Не принято, чтобы мужчины проявляли свою скорбь слезами, но женщинамъ это не возбраняется, особенно когда онѣ, проводивъ покойника только до воротъ, остаются дома. Кладбищемъ большею частію служатъ березовыя рощи. Яму роютъ до глины, въ которой по стѣнѣ ямы дѣлается выемка (ниша): въ эту нишу лицомъ къ востоку и кладутъ мертвое тѣло, завернутое въ холстъ. Нишу загораживаютъ плетнемъ, а яму засыпаютъ землей. Глина тутъ имѣетъ мистическое значеніе: у башкиръ существуетъ повѣрье, что при концѣ

міра изъ земли повылѣзуть уроды-карлики съ большими ушами, которые будутъ пожирать все — горы, лѣса, дома, людей; тѣла же, закопанная въ глину, уцѣлѣють, такъ какъ зубы карликовъ завязнутъ въ глину. По зарытіи могилы по четыремъ ея угламъ сядятъ благочестивые ученые старцы и прочитываютъ молитвы. Обрядъ заканчивается одариваніемъ (холстомъ, нитками и пр.) этихъ ученыхъ со стороны сродниковъ умершаго.

Изъ *праздниковъ* башкиры особенно почитаютъ, кромѣ *Рамазана*, Большой и Малый *Байрамъ*. Большой Байрамъ празднуется 4 дня послѣ

Башкирская семья Белебейскаго уѣзда.

окончанія 30-дневнаго поста — въ честь жертвоприношенія Исаака; началомъ праздника служитъ появленіе новой луны (награда за народженіе серпа). Черезъ 70 дней послѣ этого праздника наступаетъ и продолжается 3 дня Малый Байрамъ. Въ прежнія времена среди башкиръ практиковались широкія національныя празднества, собиравшія тысячи народу изъ окрестныхъ деревень (*зіинъ* — народныя собранія). Теперь національнымъ праздникомъ, уцѣлѣвшимъ отъ языческихъ временъ, является *сабантуй* (сабандай), справляемый весной, передъ выѣздомъ въ коши. Во время этого праздника происходятъ состязанія въ конскихъ бѣгахъ и скачкахъ. Лошади (особая порода — низкорослыхъ, неуклюжихъ, но быстрыхъ и выносливыхъ, теперь уже рѣдко встрѣчаемыхъ въ чистомъ видѣ „башкирокъ“) специально для этихъ скачекъ тренируются,

а молодухи, по зимѣ вышедшія замужъ, готовятъ къ этому празднику призы для побѣдителей въ видѣ полотенецъ, платковъ и пр.

Поэтическое творчество башкиръ шире и пожалуй глубже, чѣмъ творчество татаръ. Изъ продуктовъ башкирскаго поэзія слѣдуетъ прежде всего отмѣтить книжныя произведенія¹⁾ какъ религіознаго (*мынажатъ*), такъ и свѣтскаго (*баитъ*) характера — на историческіе и современные сюжеты. Эти произведенія, принадлежа перу отдѣльныхъ грамотѣевъ — главнымъ образомъ муллъ и отличающаясь длиннотами, а равно и однообразіемъ мелодіи, рѣдко вполне отвѣчаютъ запросамъ души обыкновеннаго башкирца, а потому мало распространены и исполняются главнымъ образомъ въ торжественныхъ случаяхъ какихъ-либо церемонныхъ собраній. Зато въ большомъ ходу *джарларъ* — въ собственномъ смыслѣ народное творчество — обыкновенно краткія, построенныя изъ строфъ въ 4 строки стихи-пѣсни (въ первой половинѣ строфы находится большею частью какой нибудь образъ — картина природы) на всевозможныя темы, среди которыхъ воспоминанія о герояхъ — богатыряхъ прошлаго башкирскаго народа (особенно популярны пугачевскій герой Салаватъ) занимаютъ видное мѣсто. Но еще чаще можно слышать про героевъ печальной памяти — кантональныхъ начальниковъ. Если не считать пѣсенъ плясовыхъ (*такманъ*), то вообще народная поэзія башкиръ имѣетъ грустный, меланхолическій оттѣнокъ.

Пою я не отъ охоты

А отъ множества думъ и горя...

Наслажденій нѣтъ и тѣни

А хлопотъ много въ этомъ безжалостномъ свѣтѣ...

Въ этихъ стихахъ — основной, можно сказать, мотивъ поэзіи башкиръ.

Совершенно въ духѣ тихой, меланхолической поэзіи башкиръ и ихъ національная музыка. *Курай* — свирѣль изъ тростника (изъ стебля „курая“, обрѣзаннаго съ обѣихъ сторонъ съ 4 отверстиями съ одной стороны и 1 — съ другой) какъ бы нарочно создана для выраженія меланхоліи и душевныхъ настроеній. Это любимый инструментъ и стараго, и молодого башкирца. Затѣмъ употребляется *чибиза* — подобіе флейты, *кобызъ* — металлическій кружокъ съ придѣланнымъ въ серединѣ язычкомъ, причѣмъ край держатъ въ зубахъ, извлекая звуки при помощи языка и модулируя ихъ при помощи пальцевъ, и наконецъ *домбра* — родъ балалайки. Нельзя не отмѣтить еще особаго искусства — *играть горломъ*: горломъ берется извѣстный звукъ и тянется непрерывно, а въ то-же время маленькимъ язычкомъ наигрываются разнообразныя оригинальныя мелодіи. Даже танцы башкиръ не отличаются удалью и размахомъ. Впрочемъ въ танцахъ башкирскихъ *малаекъ* и *апаекъ* есть своеобразная прелесть.

Неоскудѣвающая сила поэтическаго творчества башкирскаго народа доказывается тѣмъ, что среди него, подобно пѣвцу-импровизатору Салавату Юлаеву, и теперь встрѣчаются пѣсенники, которые одновре-

¹⁾ Среди башкиръ и тептярей Оренбургской губ. встрѣчаются рукописныя книги XVIII в. на арабскомъ и татарскомъ языкахъ, въ которыхъ записаны разныя историческія преданія.

менно являются и композиторами—сочинителями собственныхъ мелодій.
Вотъ одно изъ его твореній:

Тихой ночью въ перелѣскѣ
Соловей поеть.
Бога-ль славить эта пѣсня,
Мира-ль красоту,
Про луну-ль поеть,
Про звѣзды, про луга, поля,
Иль про огненное солнце,
То не знаю я.
Надъ сребристою рѣкою,
На мягкой травѣ,
Близко стадъ моихъ любимыхъ
Тутъ мой кошъ стоялъ.
Я лежалъ въ кошѣ, со мною
Вся была семья.
Я велѣлъ отдернуть пологъ
Моего коша.
И всю ночь съ вниманьемъ слушалъ
Голосъ соловья.
Этотъ голосъ такъ былъ сладокъ,
Я не могъ заснуть.
Хоръ пернатыхъ Бога славить
Съ утра до зари,
Соловей же чудо-птица
Днемъ поеть и въ ночь;
Значить больше всѣхъ Аллаха
Славить соловей.

А вотъ другой образчикъ пѣсни истаго башкира-кочевника:

Ахъ буранъ, вѣтеръ свирѣпый!
Загнуть табунъ никакъ не могу.
Времена тяжелы — недостатковъ много,—
Не могу уснуть ни на минуту.
Въ молодое время бѣги шибко,
Подобно промчавшемуся по степи оленю;
Послѣ времени, подъ старость лѣтъ
Согнешься подобно черной змѣѣ.
О, гордость моя презрѣнная
Нѣтъ у меня добрыхъ дѣлъ:
Молитвы мои не угодны Богу,
Много я нарушилъ, много согрѣшилъ.
О, языкъ мой, ты словами
Много обидъ напрасно говорилъ.
Я усну съ вечера, встану утромъ,
А ты еще какую-нибудь бѣду мнѣ причинишь.
Какая польза отъ жены,
Если умнаго сына не подарить,
Если потомству нѣтъ добродѣтели,
Какая польза отъ прожитыхъ ста лѣтъ?

Такія пословицы, какъ „богатые судятъ людей по одеждѣ, а бѣдные — по добродѣтели“, „какъ невозможно вернуть прошлую жизнь, такъ невозможно вознаградить оскорбленное чувство“ и т. д., тоже говорятъ многое о своеобразномъ творествѣ башкиръ, питаемомъ близостью къ нимъ природы и свойственномъ нравственно цѣльнымъ, нетронутымъ натурамъ.

Но если среди башкиръ замѣтенъ культурный прогрессъ, выражающійся въ рѣшительномъ переходѣ къ земледѣлію, въ развитіи грамотности, въ смягченіи нравовъ и т. д., то среди нихъ существуютъ

отдѣльныя группы, къ которымъ почти въ полной мѣрѣ и нынѣ приложима характеристика акад. Лепехина, называвшаго башкиръ Пермской губ. „межеумками между дикими и градолюбивыми народами“. Такими именно являются башкиры мѣстности *Катай* Верхнеуральскаго у., находящейся въ средней части Южнаго Урала, на западномъ его склонѣ, посреди лѣсистыхъ горъ съ хребтами *Нары*, *Беляушъ* и др. У катайцевъ хотя и имѣются деревни съ жалкими подобіями избъ изъ мелкихъ бревешекъ, съ кирпичными или плетеными (обмазанными глиной) *чувалами*, съ нарами, часто безъ столовъ и другихъ необходимыхъ принадлежностей, нерѣдко безъ всякихъ надворныхъ построекъ, кромѣ заго-родей для скота, но и эти деревни — неизбѣжное зло во время зимы — не дѣлаютъ ихъ осѣдлыми. Съ ранней весны они начинаютъ кочевать съ мѣста на мѣсто, перенося съ собой шалаши изъ жердей. У каждой деревушки по 2—3 и больше кочевки верстъ за 15 отъ

Башкирки.

деревни. Хлѣбопашество по сіе время не прививается, торговли чуждаются. Живутъ скотоводствомъ, бортевымъ пчеловодствомъ и отчасти лѣсоводствомъ (рубка и возка дровъ, бревень, дранье мочаль). Не развилось у нихъ даже настоящихъ охотниковъ, несмотря на страстную любовь къ природѣ и обиліе дичи и звѣря. Къ собѣдямъ русскимъ катайцы относятся весьма недоувѣрчиво. Живутъ замкнутой, лѣнливой и безпечной жизнью людей, никогда не думающихъ о завтрашнемъ днѣ. Одѣваются они очень плохо и питаются скудно; лепешки (*чуреки*), да чай байховый, масло топленое коровье, изрѣдка *маханина* (мясо), которая немытая прямо кладется въ котель (*казанъ*)—вотъ ихъ обычная пища.

Въ общей массѣ башкирскаго населенія распространено немало суевѣрій и примѣтъ, которыя особенно широко примѣняются при леченіи болѣзней, появленіе которыхъ обявано нечистымъ силамъ мужского

и женскаго пола. Впрочемъ въ первой стадіи леченія башкиры прибѣгаютъ къ молитвамъ муллы, для чего имѣется особая литература въ видѣ выдержекъ изъ Корана на всевозможные случаи заболѣваній, а затѣмъ уже и къ народнымъ средствамъ, которыя очевидны изъ совѣтовъ о томъ, чего надо избѣгать, чтобы не захворать. „Вечеромъ не надо падать на землю. Если человѣкъ упадетъ, то на него сядетъ домовый или дворовый духъ, и человѣкъ будетъ хворать“ (здѣсь есть разумное основаніе — избѣганіе ночной сырости, такъ какъ въ Башкиріи сильно распространена малярія). „На кладбище, въ особенности послѣ погребенія свѣжаго покойника, ходить нельзя, ибо тамъ сидитъ тогда вѣдьма,

Семья мещеряка. (По фот. Круковского).

которая разводитъ огонь (болотный газъ) и сжигаетъ на немъ души неосторожныхъ и небогомольныхъ людей. Чтобы у беременной женщины дитя не родилось нѣмымъ, или глухимъ, или больнымъ, мужу ея послѣ заката солнца нельзя смотрѣться въ зеркало“. Лихорадка, напр., есть ничто иное какъ злой духъ, вселившійся въ человѣка, и, чтобы его выжить, спящаго больного необходимо окатить холодной водой; тогда злой духъ, испугавшись, убѣжитъ. Въ этомъ случаѣ также хорошо носить подъ рубахой крылья летучей мыши или куклу, на которую переходитъ болѣзнь, но въ послѣднемъ случаѣ больной мужчина долженъ носить куклу женщины, а женщина — куклу мужчины. Отъ „сглаза“, грозящаго непременно смертью, можно избавиться тѣмъ, если давать больному нюхать тлѣющій древесный грибокъ и т. д.

Мещеряки — сравнительно недавніе пришельцы въ Приуральѣ. Встарину они занимали по преимуществу бассейнъ средняго теченія р. Оки и ея притоковъ и части лѣвыхъ притоковъ Дона. Затѣмъ, вѣроятно вслѣдствіе того, что западная часть ихъ территоріи была занята славянами — вятичами, оттѣсненными туда половцами, часть мещеряковъ стала продвигаться къ востоку и, протискиваясь черезъ мордву, достигла сначала Средняго Поволжья, а затѣмъ постепенно перешла въ Заволжье и достигла Приуралья. Извѣстно между прочимъ вполне достоверно, что послѣ паденія Казанскаго царства одна часть мещеры бѣжала отъ русскихъ за Волгу въ Уфимскую и Пермской губ., гдѣ смѣшалась съ башкирами и татарами, а другая часть осталась въ мѣстахъ своего первоначальнаго обитанія, гдѣ почти совершенно ассимилировалась съ русскимъ населеніемъ.

Общая численность мещеряковъ нынѣ не превышаетъ 150 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ до 80 тысячъ душъ обитаетъ въ Приуральѣ — въ губ. Уфимской, Пермской (Шадринскій и Екатеринбургскій у.у.) и въ Оренбургской (Челябинскій у.) Мещеряки — племя финское, изъ южно-финской семьи, близкое къ мордвѣ и вѣроятно къ исчезнувшимъ мери и муромѣ. Мещеряки Приуралья черноволосы, узкоглазы, брахикефалы — коротконоги, длинноруки, крѣпкаго сложенія, средняго роста (165 сантиметровъ). Мещеряки принимали весьма дѣятельное участіе въ усмиреніи башкирскихъ бунтовъ, за что были въ 1762 г. освобождены отъ взноса ясака и составили родъ служилыхъ людей и казаковъ, а въ періодъ съ 1798 по 1864 г. они уже вмѣстѣ съ башкирами сдѣлались военнымъ сословіемъ съ раздѣленіемъ на кантоны. Въ 1864 г. башкиро-мещеряцкое войско было упразднено и мещеряки были причислены ко крестьянскому сословію. Башкиры считаютъ за малую честь смѣшеніе ихъ съ мещеряками. Въ Красноуфимскомъ у. Пермской губ. сохранилось между прочимъ преданіе, будто мещеряки когда-то были рабами башкиръ-вотчинниковъ, въ знакъ чего носили даже кольца въ ушахъ, что повидимому имѣетъ нѣкоторое основаніе, такъ какъ бѣжавшіе отъ русскихъ мещеряки въ первое время вѣроятно попадали въ зависимость отъ вольныхъ башкиръ. Мещеряки — осѣдлый, домовитый народъ; деревни ихъ довольно хорошо обстроены; занимаются мещеряки почти исключительно хлѣбопашествомъ, ремесель у нихъ почти нѣтъ. Пищу они предпочитаютъ мясную и молочную, ѣдятъ и конину, но въ послѣднее время стали оставлять ее; кумыса не пьютъ (что указываетъ на ихъ некое, а лѣсное происхождение); вмѣсто кумыса они употребляютъ чай съ медомъ или изюмомъ. Въ характерѣ мещеряковъ отмѣчаютъ большое добродушіе и покорность. Нравственность ихъ впрочемъ, какъ говорятъ, невысока. Сутяжничество — обычное явленіе. Женятся не ранѣе 20 лѣтъ; многоженство теперь выходитъ изъ обычая; разводъ легокъ. Большая часть работъ лежитъ на женщинахъ, мужъ — глава семьи; вторымъ лицомъ въ семьѣ является мать мужа. Изъ религіозно-обрядовой жизни мещеряковъ слѣдуетъ отмѣтить обычай хоронить покойниковъ въ день самой смерти и погребать ихъ въ стоячемъ положеніи; на похоронахъ присутствуютъ одни мужчины; на 7-й и 40-й день совершаются поминки. Въ могилу кладутъ между прочимъ пруть, дѣтямъ — хлѣбъ и молоко, женщинамъ — рукодѣлье.

Тептяри (по татарски — бродяга, по башкирски — хищникъ), какъ полагають многіе, — сбродный народецъ, образовавшійся, по мнѣнію однихъ (Уйфальви), изъ смѣси башкиръ и татаръ, по мнѣнію другихъ (Георги) — изъ вотяковъ, черемись, чувашей и татаръ (послѣ паденія Казанскаго царства). Впрочемъ вполне возможно, что это обломокъ древняго народа самостоятельнаго происхожденія. Въ настоящее время тептяри утратили свою индивидуальность, перенявъ башкирскій типъ, не имѣя, строго говоря, своего настоящаго языка (несмотря на многія нарѣчія), ни своихъ вѣрованій, ни обрядовъ, ни самобытнаго творчества музыкальнаго и тѣсеннаго и заимствуя послѣднее у башкиръ¹⁾. Законодательство такъ смѣшалось ихъ, съ 1855 г., съ башкирами; по нашимъ законамъ тептяри не отдѣльное племя, а сословіе, особый разрядъ государственныхъ крестьянъ. Общая численность тептярей достигаетъ 300 тысячъ душъ, изъ которыхъ, за ничтожнымъ исключеніемъ (Самарская губ.), всѣ живутъ въ Приуральѣ — въ 12 деревняхъ Верхнеуральскаго у. Оренбургской губ., въ Сарапульскомъ (до 5 тысячъ душъ) и Елабужскомъ у.у. (до 8 тысячъ душъ) Вятской губ. и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пермской губ. Особый классъ среди тептярей извѣстенъ подъ именемъ *бобылей*.

Въ Глазовскомъ у. Вятской губ., главнымъ образомъ въ *Ежовской*, а отчасти и въ сѣбднихъ съ нею (*Балезинской*, *Люкской* и *Нижне-Уканской*) волостяхъ живетъ маленькій народецъ, численность котораго не превышаетъ 9.200 душъ, — *бесермяне*²⁾. Происхождение его темно; не исключена возможность, что это финны, именно остатки тѣхъ угровъ, которые населяли нѣкогда Приуралье и ушли затѣмъ въ Венгрію: въ Венгріи есть вѣдь мадьярскій городъ *Бесермены*. Живутъ они смѣшанно съ татарами: не далѣе 5 вер. отъ любой бесермянской деревни непременно можно встрѣтить татарское селеніе; и татары, и бесермяне какъ бы вкраплены въ сплошную массу вотяковъ.

Въ большей части бесермянскихъ деревень замѣчается численное преобладаніе женщинъ надъ мужчинами (иногда въ пропорціи 17 : 11, что характерно для финновъ). Живутъ они большими семьями (отъ 10 до 28 чел. въ семьѣ), такъ какъ семейные раздѣлы у нихъ крайне рѣдки. Благодаря этому вѣроятнo они вообще живутъ зажиточно. Главное занятіе ихъ — земледѣліе; немало среди нихъ пчеловодовъ; другихъ промысловъ и ремесель почти совсѣмъ нѣтъ. Бесермянская деревня очень походитъ на вотскую. Тѣ же высокія жилия избы съ малымъ количествомъ оконъ; у избы крытое крыльцо съ боковымъ выходомъ, на дворѣ двухэтажный амбаръ съ галлереей, а въ глубинѣ двора „чумъ“ — холодная, деревянная постройка съ очагомъ первобытнаго устройства. Лѣтомъ жизнь бесермянской семьи проходитъ въ этомъ чумѣ и въ

¹⁾ Въ официальномъ языкѣ терминъ „тептарь“ впервые встрѣчается въ 1734 г., когда было повелѣно переписать весь сбродный элементъ переселенцевъ въ особыя „тептарскія книги“.

²⁾ Всеобщей переписью 1897 г. народность эта совсѣмъ не отмѣчена. Отъ бесермянъ несомнѣнно произошло слово „бусурманъ“, обозначающее въ русскомъ языкѣ вообще всякихъ нехристіанскихъ, преимущественно впрочемъ тюркскихъ инородцевъ. Слово бесермяне имѣетъ какъ будто отдаленное родство и со словомъ Біармія, на территоріи которой приблизительно и приходится нынѣшнее мѣсто-жительство бесермянъ.

этомъ амбарѣ, въ избѣ они переселяются только на зиму. Избы большей частью „курныя“, т. е. безъ дымовой трубы. Внутреннее убранство избы въ общемъ не отличается отъ убранства русской избы мѣстнаго крестьянина: полати, лавки, божница въ переднемъ углу и столъ передъ нею. Печь ставится вдоль лѣвой стѣны, отверстіемъ къ окну; въ лѣвой половинѣ шестка, въ нишѣ помѣщается первобытный очагъ.

По наружности бесермяне довольно рѣзко отличаются отъ своихъ сосѣдей — татаръ и вотяковъ. Они средняго роста, чаще брюнеты и темнорусы, чѣмъ блондины, съ карими глазами. Овальн. лица продолговатѣе, чѣмъ у вотяковъ; скулы развиты довольно сильно; глаза узки. но безъ признаковъ монгольскаго косоглазія. Встрѣчаются горбоносые профили, но чаще носъ широкъ и нѣсколько приплюснутъ. Растительность на лицѣ небогата; на головѣ волосы мужчины остригаютъ коротко; станъ довольно стройный; походка быстрая и увѣренная. Женщины, особенно же молодыя дѣвушки, держатся статно, имѣютъ красивую, стройную фигуру съ сильно развитыми формами и склонностью къ полнотѣ, которой впрочемъ не даетъ въ послѣдствіи развиться постоянная тяжелая физическая работа крестьянки.

Мужчины большею частью носятъ русскую одежду: холщевая рубашка — косоворотка съ поясомъ, такіе же штаны, бѣлая холщевая онуча, лапти съ лыковыми веревочками, покупной картузъ или шляпа изъ темнаго поярка. Нѣкоторые носятъ татарскую войлочную шляпу, а также бѣлую рубашку съ восточной вышивкой. Женскій костюмъ оригиналенъ. Онъ состоитъ изъ панталонъ, поверхъ которыхъ надѣвается длинная бѣлая рубашка, вышитая широкими, густыми узорами на груди, такъ что издали кажется, будто сверхъ рубашки надѣтъ пестрый нагрудникъ. Воротникъ, рукава и подолъ рубашки также обложены узкимъ узоромъ. Воротъ завязывается тесемкой. На ногахъ надѣты сшитые изъ бѣлаго холста чулки, обшитые снаружи пестрой сарпинкой и перетянутые чернымъ или пестрымъ шерстянымъ шнуркомъ, прикрѣпленнымъ къ лаптю. Опясывается рубашка поясомъ или фартукомъ. Сверху надѣвается „чапанъ“, родъ кафтана съ узкими рукавами, несходящимися полами и едва отмѣченной таліей. Обычно чапанъ шьется изъ бѣлаго домашняго холста, но у богатыхъ встрѣчаются старинные чапаны изъ цвѣтнаго атласа. Костюмъ замужней женщины отличается отъ дѣвичьяго только головнымъ уборомъ. Маленькія дѣвочки носятъ круглую шапочку вродѣ мужской татарской тюбетейки, спереди на нее нашиваютъ мелкія серебряныя монеты въ два или три ряда отъ одного уха до другого. Съ 14—15 лѣтъ дѣвушки носятъ такъ называемую *татю*. Это высокій коническій колпакъ, обшитый густо и обвѣшанный бисеромъ, пуговицами, серебряными монетами, искусственными раковинами и т. п. Изъ тѣхъ же блестящихъ побрякушекъ составлено длинное ожерелье, которое спереди свободно лежитъ на груди, а задними концами прикрѣплено за ушами къ головному убору. У замужнихъ головной уборъ — *кошпу* — гораздо проще: онъ гладко приложенъ къ волосамъ и закрываетъ только часть лба и переднія пряди волосъ. По нижнему краю повязка обшита галуномъ и украшена монетами. Сверху къ повязкѣ прикрѣпляется цвѣтной платокъ, который свободно падаетъ на спину, закрывая все волосы.

По характеру бесермяне спокойны, кротки, довѣрчивы, во взаимныхъ отношеніяхъ замѣтна сдержанность и мягкость, нѣтъ дракъ и крупныхъ ссоръ; нѣтъ и большого пьянства. Мужъ очень рѣдко бьетъ свою жену. Въ школахъ учатся хорошо, но процентъ грамотныхъ ничтоженъ, а женщины и совѣтъ не обучаются въ школахъ. По религіи все бесермяне числятся православными, но среди нихъ сказываются отголоски прежней, мусульманской вѣры, которая была у нихъ во времена Казанскаго царства. Къ покойнику приглашаютъ татарскаго муллу (тайно). На свѣжей могилѣ ѣдятъ хлѣбъ и поминаютъ умершихъ родственниковъ. Ёдятъ конину, а свинину считаютъ поганой. Осенью совершаютъ общественное моление „керемету“.

Весной, передъ началомъ полевыхъ работъ справляютъ праздникъ „окаяшку“, кажется, заимствованный отъ татаръ. Каждый хозяинъ выѣзжаетъ въ поле съ сохой, проводитъ здѣсь три борозды и сѣетъ нѣсколько горстей овса. Потомъ все семейство угощаются тутъ же въ полѣ; устраиваются игры, пляска, бѣгъ въ запуски; въ деревнѣ гуляютъ и кутятъ дня три или четыре. Праздникъ этотъ является какъ-бы загоровьемъ, заканчивающимъ долгій зимній роздыхъ и начинающимъ трудовое лѣтнее время: здѣсь пробуются силы и разминаются залежавшіеся за зиму мускулы. Во время болѣзни приносятъ иногда „керемету“ своеобразную жертву „кузсконъ“. Берется обрубокъ дерева, раскалывается вдоль на четыре части и послѣднія разбрасываются въ разные стороны; или въ обрубокъ втыкаются перья, цвѣтные лоскутки и въ такомъ видѣ онъ ставится противъ воротъ на дорогѣ.

Правы бесермянъ отличаются патріархальной чистотой. Семейная организація держится подъ главенствомъ родоначальника весьма прочно. Отношенія половъ хотя довольно свободны, но безъ тѣни того разгула и разврата, который присущъ фабричнымъ центрамъ. Невѣсту и жениха выбираютъ родители, не справляясь съ симпатіями своихъ дѣтей. За невѣсту платится калымъ, обыкновенно до 30 руб.

Собственные бесермянскія пѣсни состоятъ большей частью изъ одного коротенькаго куплета, повторяющагося безконечное число разъ. Чаще они поютъ русскія пѣсни, перелагая ихъ на свои мотивы. Объ языкѣ бесермянскомъ трудно сказать что-нибудь опредѣленное. Въ немъ масса русскихъ словъ, вотскихъ и татарскихъ. Очевидно настоящій языкъ уже давно утратился, а остался только практическій жаргонъ для объясненій съ сосѣдними племенами, среди которыхъ вкраплены послѣдніе остатки этого народа.

Черемисы (мари, маръ) представляютъ обширную вѣтвь восточно-финской группы и по мѣстности своихъ поселеній — по р. Волгѣ — дѣлятся на *луговыхъ* и *горныхъ*. Горные черемисы расселились въ части Козьмодемьянскаго у. Казанской губ. и Васильсурскаго у. Нижегородской, на правомъ „горномъ“ берегу Волги, а на лѣвомъ — значительные районы Козьмодемьянскаго, Чебоксарскаго и Царевококшайскаго у. Казанской губ., Макарьевскаго у. Нижегородской, Ветлужскаго у. Костромской, Яранскаго, Уржумскаго, Малмыжскаго, Елабужскаго и Саранскаго уу. Вятской заселены уже луговыми черемисами, поселенія которыхъ переходятъ заѣмъ въ Бирскій у. Уфимской губ. и въ Красноуфимскій у. Пермской губ. Всѣхъ черемисъ въ настоящее время насчитывается въ Имперіи до 400.000 душъ, причемъ наиболѣе густо

заселенными ими является наша область, именно 240 — 270 тысячъ душъ, а затѣмъ Среднее Поволжье и Заволжская полоса, гдѣ ихъ свыше 120 тысячъ.

Горные черемисы ближе къ мордвѣ, отличаются болѣе высокимъ ростомъ, чѣмъ луговые, которые въ значительной части сблизились съ чувашами. Общій типъ черемисъ — черные, глянцевитые волосы (блондины — рѣдкость), низкорослость, темные глаза съ узкимъ разрѣзомъ и скошенностью, выдающіяся скулы и нѣсколько вздернутый подбородокъ. Разница замѣтна въ костюмѣ, главнымъ образомъ въ женскомъ, но здѣсь уже явное вліяніе то мордовскаго, то чувашскаго воздѣйствія на обѣ разновидности черемисъ. Національный цвѣтъ одежды черемисъ — бѣлый. За это русскіе обзываютъ ихъ „мотыльками“; отсюда поговорка: „черемиса — отъ мокра завелися“; „мокромъ же и сдохнуть“ — прибавляютъ нѣкоторые.

Одежда мужчинъ по покрою мало отличается отъ русской и особенностью ея являются берестяныя шапки, бѣлыя рубахи, вышитыя шерстью, и бѣлые штаны. Вышивка разными цвѣтами очень широко примѣняется въ черемисскомъ костюмѣ. Оригиналенъ и красивъ черемисскій поясъ, одинаково мужской и женскій: онъ весь унизанъ разноцвѣтными бусами, пуговками, мѣдяшками и т. п. Некрасивыя, съ поделѣноватыми глазами, чаще русыя, чѣмъ черныя, черемисскія женщины любятъ наряжаться; ихъ неизмѣнный костюмъ состоитъ изъ бѣлой рубахи, опоясанной и спереди закрытой расшитымъ передникомъ. На головѣ уборъ — полотенце, изъ-подъ котораго спускаются на лобъ украшенія, прикрѣпленныя къ окружающему лобъ ремешку. На груди большой двойной кожаный или суконный нагрудникъ въ монетахъ. На шеѣ и въ ушахъ — украшенія изъ монетъ и витыхъ колець. Дѣвицы свои волосы заплетаютъ въ одну косу, спущенную на спину, съ привѣшанными къ ней доскутками какой-нибудь матеріи или металлическими бляхами; у замужнихъ женщинъ волосы взбиваются въ два пуча, изъ которыхъ одинъ — на макушкѣ, а другой — на затылкѣ. По головному же убору черемиски дѣлятся на три группы: женщины, уборомъ которыхъ является „сорока“, зовутся „сороканвѣтѣ“, носящія „тюрикъ“ — „шимакшанвѣтѣ“ и убирающія голову чувашскимъ „сорбаномъ“ — „чибулянвѣтѣ“.

Сорока и тюрикъ — эти уборы объединяють черемисъ съ мордвой, но черемисская сорока такъ самобытна, что служить образцомъ для нѣкоторой части мордвы, причемъ среди нѣкоторой части черемисъ она является головнымъ уборомъ только замужнихъ женщинъ. Носимый же черемисками тюрикъ весь унизывается монетами и змѣиными головками, а къ поясу сзади прикрѣпляется цѣлый приборъ кисточекъ, украшенныхъ всякими погремушками. Орнаментъ платья черемисъ, несмотря на заимствованія у мордвы и чувашъ, все же остается оригинальнымъ, почти самобытнымъ и, чѣмъ цѣльнѣе онъ, тѣмъ болѣе хранятъ въ себѣ старые обычаи сами черемисы.

Въ этомъ отношеніи оказываются наиболѣе упорными и устойчивыми луговые черемисы, относительно характера которыхъ среди русскихъ давно уже сложилась пословица: „черемисинъ родился отъ быка“. Мрачность, молчаливость, граничащая съ упорствомъ, скопидомство, взаимная между собою честность и скрытность, близкая къ труселивости, въ отношеніи къ русскимъ, трудолюбіе, но съ большой склонностью

къ лѣни и даже къ пьянству, потребность съ уединенію и малое умственное развитіе — отличительныя черты черемисъ. Если природный типъ, внѣшность и одежда не даютъ особенно рѣзкихъ отличій между горными и луговыми черемисами, то тоже самое наблюдается и въ области языка. Нарѣчій восемь; по филологическому составу всѣ они принадлежатъ къ языкамъ финскимъ, подвергшимся порчѣ черезъ вошедшія въ нихъ многія болгарскія и татарскія слова; языческія имена черемисъ тождественны съ чувашскими; словомъ принадлежность черемисъ къ финскому племени безспорна, а тюркское вліяніе отразилось на нихъ въ силу историческихъ причинъ.

Старинные обитатели Волги, распространившіеся въ Волжскомъ бассейнѣ еще со временъ великаго переселенія народовъ, обулгарившіеся

Черемисы.

финны, тѣснимые сначала татарами, а затѣмъ не желавшіе быть подъ московскимъ тягломъ, черемисы боролись за свою самостоятельность, и побѣждаемые уходили или на новыя мѣста, или пополняли собою боевыя банды въ годы общей смуты на Руси въ началѣ XVII вѣка. По мѣстамъ нынѣшнихъ поселеній черемисъ видно, какимъ путемъ они шли въ Приуралье. Луговые черемисы шли съ юга, съ Волги и по Волгѣ, оттѣсня вояковъ и отвоевывая ихъ земли, тѣмъ болѣе, что по свойственной имъ привычкѣ они легко снимались со своихъ мѣстъ цѣлыми селеніями и искали лѣсныхъ пространствъ, столь близкихъ ихъ языческому культу. Есть полное вѣроятіе предполагать, что въ нашей области извѣстную часть черемисъ застало паденіе Булгарскаго царства (Камской Булгаріи), при оборонѣ же Казанскаго царства отъ Москвы они принимали дѣятельное участіе и долго еще волновались послѣ окончательнаго покоренія Казани. Еще раньше (вѣроятно, со времени пораженія Палицкаго въ 1524 г.) сложилась пословица: „съ одной стороны черемиса, а съ другой берегися“. Вообще черемисы производили большой безпорядокъ на сѣверо-востокѣ въ смутное время и неразъ устраивали возстанія, такъ что серьезность борьбы съ ними явилась столь настоятельной, что для наблюденія за черемисами былъ созданъ рядъ городовъ, какъ напр. *Яранскъ*, *Уржумъ* и *Царевосанчурскъ*.

У черемисъ были свои города, напр., *Малмыжъ* (*Малмышъ*) съ княземъ Балтүшемъ и *Кокшеръ* (*Кокшаровъ*, нынѣшній городъ *Котельничъ*). Вообще черемисы въ XVI в. были наиболѣе культурной мѣстной народностью того времени, богатой поселеніями, хлѣбомъ, медомъ, скотомъ и пушиной (Сказанія кн. Курбскаго). Звѣроловство и въ болѣе древній періодъ существованія черемисъ служило имъ средствомъ къ жизни, умѣряя ихъ воинственныя потребности въ мирное время и притягивая ихъ къ себѣ въ бранное. Въ то время, когда горные инородцы праваго берега Волги платили Московскому государству „посопъ“ — хлѣбную подать, черемисы, подобно сибирскимъ инородцамъ, платили „ясакъ“ — мѣхами и бѣлчиными шкурками. Въ этомъ случаѣ платежная единицей была бѣлка, и старая копѣйка, мѣдная или ассигнационная, приравнена была къ цѣнности одной бѣлки (игъ-уръ), 10 коп. — къ 10 бѣлкамъ (лу-уръ, луръ), ассигнаціонный рубль былъ равенъ 105 бѣлкамъ (шудо-вичъ-уръ). Охотничьи инстинкты у черемисъ сохранились и теперь при наличіи соотвѣствующихъ мѣстныхъ условій. Препными орудіями охоты являлись „атырь“ (деревянный капканъ) для мелкихъ звѣрей, луки, стрѣлы и копья — для всѣхъ безразлично. Убивая бѣлокъ стрѣлами съ костяными шишкообразными наконечниками однимъ ударомъ, черемисы достигали въ этомъ такого совершенства, что не портили шкурки звѣря. Капканъ и ружье составляютъ охотничью принадлежность уже позднѣйшаго времени; стрѣлу замѣнила пуля съ той же удачей въ охотѣ на бѣлку. Сравнительно плохіе земледѣльцы, черемисы въ переходномъ состояніи отъ кочевого образа жизни къ осѣдлому всегда предпочитали охоту, рыболовство и скотоводство. Памятникомъ кочевого періода ихъ жизни остался похожій на овинъ остовъ чума съ ямой для огнища, сложенной изъ жердей, и четырехстѣнный срубъ безъ пола и потолка съ сильно выступающей впереди фасада крышей, носившій названіе „кубъ-куда“. Съ развитіемъ земледѣлія чумъ былъ приспособленъ къ сушкѣ хлѣба, замѣняя овинъ, а „куда-шалашъ“ превратился въ лѣтнее жилище послѣднихъ кочевниковъ, тогда какъ въ зимовьяхъ кочевниковъ, по типу „куды“, возникла уже теплая курная изба, переходная форма которой съ „кудысь-печью“, выведенной въ одномъ изъ угловъ стѣны, противулежащей двери, нашла мѣсто среди горныхъ черемисъ; а затѣмъ уже отлилась въ русскую избу; но послѣдняя, какъ таковая, среди черемисъ сравнительно рѣдка и „куда-шалашъ“ является излюбленнымъ типомъ ихъ жилища. Русское вліяніе сказывается на постройкѣ воротъ съ двухскатной крышей, украшенной съ большой любовью рѣзнымъ орнаментомъ или покрытымъ охлупнемъ изъ нижней части дерева, корневищу котораго приданъ видъ птицы. Въ обстановкѣ жилища наблюдается первобытность старины: сидѣнемъ служить обрубокъ дерева съ 4—6 сучьями, замѣняющими ножки; точно такой видъ, только въ большемъ размѣрѣ, имѣлъ прежде столъ, составляемый нынѣ изъ отдѣльныхъ кусковъ дерева и по своей пропорціи отличающійся отъ русскаго стола. Утварь и посуда, по прежнему самодѣльные, и мелкіе предметы украшаются рѣзбой: черпаки — фигурами утокъ, лошадей, медвѣдей, чашечки и ковши для питья — рѣдко встрѣчающимися рисунками металлическихъ вещей древнерусскаго стиля, причемъ большой сосудъ для розлива пива у черемисъ называется и понынѣ „братиной“. Сказывается конечно и вліяніе чувашскаго рисунка

но не на предметахъ хозяйственного обихода, а на шитьѣ костюмовъ; однако при внимательномъ просмотрѣ шитья видимое вліяніе чувашскаго рисунка исчезаетъ передъ самостоятельной трактовкой его черемисами.

Семейный укладъ въ первыхъ стадіяхъ развитія черемиской семьи не предполагалъ степеней кровнаго родства и всѣ люди дѣлились на двѣ группы: лицъ старше и моложе даннаго лица и, въ первомъ случаѣ, за исключеніемъ отца, группа обнималась словомъ „изя“ въ лицѣ дѣда, старшаго брата, старшихъ, чѣмъ данное лицо, племянника и двоюроднаго брата, тогда какъ къ женщинамъ примѣнялся терминъ „акъ“ по отношенію къ теткѣ, старшей сестрѣ, старшимъ, чѣмъ данное лицо, племянницѣ и двоюродной сестрѣ. Во второмъ случаѣ мужчины моложе даннаго лица именуются „шоло“, а женщины у женщинъ — „шужаръ“. Не отлившійся въ опредѣленное цѣлое кровный союзъ и женщину превращалъ сначала въ предметъ общаго пользованія, затѣмъ — въ одномъ родѣ или семьѣ, и уже далѣе перешелъ въ форму похищенія или купли ея, когда уже проявились термины брачнаго обряда: зять-женихъ — „вѣньгѣ“ и дружки — „кугу-вѣньгѣ“, но и тогда эндогамическій строй остался, и дѣвушка, выходя замужъ по волѣ родителей или по своему желанію, всеже произносила формулу, что согласна выйти за даннаго юношу, „если народъ согласенъ“, а молодой, чтобы получить право на обладаніе женой, выкупалъ у парней ея деревни ея ложе. Послѣдующая форма экзогамическаго строя привилась по замиреніи черемисъ и вызывалась характеромъ расселеній, т. е. территоріальными условіями: похищенія невѣсты перешли въ куплю ихъ, причемъ первый обычай остался какъ символъ старины, но не среди черемисъ-язычниковъ, у которыхъ бракъ заключается въ похищеніи невѣсты по настоящему и нынѣ. Въ силу этого женщина у черемисъ не пользуется большимъ уваженіемъ. Не только мужа къ женамъ, но и сыновья къ матерямъ относятся съ пренебреженіемъ. Бездѣтная вдова возвращается въ домъ своего отца и здѣсь всю жизнь играетъ роль подневольной, не имѣющей ничего своего работницы. Полный владыка и господинъ въ домѣ — глава семьи. То, что Ритихъ пишетъ о казанскихъ черемисахъ, одинаково относится и къ вятскимъ, а именно, что къ женамъ мужа и нерѣдко сыновья къ матерямъ относятся безъ особаго уваженія. Поэтому понятно, что рекрутъ, оставляя домъ, почти открыто даетъ дозволеніе женѣ на сожительство съ однимъ изъ родныхъ. На вопросъ: „что, Марфа, скучаешь по мужу?“ — можно получить въ отвѣтъ: „развѣ у насъ мало и безъ него?“ Вообще сожительство женщины съ чужимъ пестрого преслѣдуется. Низкій взглядъ на женщину сказывается также и въ томъ, что она не имѣетъ права принимать прямое участіе въ моленияхъ.

Свадьбы у черемисъ-язычниковъ совершаются такъ. Главнымъ лицомъ при совершеніи брака является „ворожникъ“ („ворожецъ“). Онъ соединяетъ руки брачующихся, прося Юму (бога) надѣлать ихъ благополучіемъ, а приносимыя въ жертву частицы жареной курицы, молочной яичницы и немного пива подбрасываютъ къ потолку и на крышу клѣти, если она имѣется во дворѣ. Присутствующіе при этомъ просятъ за брачующихся: „Юмо, самый старшій Юмо, сохрани и благополучіе подай; дай богатство, дай семь сыновей и семь дочерей;

сколько въ полотенцѣ нитокъ, сколько въ лѣсу листьевъ, столько лѣтъ дай имъ жить, играть и смѣяться.“ Послѣ этого молодыхъ сажаютъ подъ священную кудрявую березу и начинаютъ пиръ тѣмъ, что молодые отвѣдываютъ одну общую лепешку въ знакъ союза, а молодая получаетъ отъ своего отца трость-хранительницу — березовую палку. Остатокъ лепешки и трость уносятъ въ палатку на дворѣ, гдѣ трость вбивается въ землю. Здѣсь же черезъ нѣсколько дней молодая приноситъ въ жертву растительнымъ богамъ барана, двухъ утокъ, пряники и пр. При рожденіи ребенка также приглашается „ворожничъ“ („старикъ-муженъ“), который высѣкаетъ подъ младенцемъ искру за искрой огнемъ изъ кремня, выговаривая разныя имена и при какомъ имени загорится трутъ, такое имя и дается новорожденному. Если же трута нѣтъ, „ворожничъ“ беретъ непременно плачущаго ребенка на руки, перебирая вслухъ имена и при какомъ ребенокъ замолчитъ, то имя и остается за нимъ. Существуетъ среди черемисъ-язычниковъ и разводъ супруговъ. Несогласныхъ приводятъ къ старѣйшинамъ общины, связываютъ ихъ спина къ спинѣ, одинъ изъ стариковъ разрѣзываетъ веревки и разлучаемые убѣгаютъ въ разныя стороны.

Съ теченіемъ времени впрочемъ кровный родовой союзъ въ значительной степени утратилъ свой видъ приливомъ въ него присельниковъ и уходомъ своихъ членовъ на новыя мѣста, но связь съ родомъ послѣдними не разрывались окончательно и тѣмъ замкнули черемисъ въ одну общую семью, крѣпко связанную духовными и экономическими причинами. Это особенно рѣзко проявляется при заключеніи свадебъ, устраиваемыхъ всѣми родичами въ складчину, и при поминаненіи покойниковъ, гдѣ кровный союзъ остается непоколебимымъ въ своей цѣльности. Внѣшнимъ же выраженіемъ такого союза является „тамга“, опредѣленный письменный знакъ собственности, когда отдѣлившіеся члены продолжали пользоваться имъ, несмотря ни на какія разстоянія. Поминки, имѣя характеръ кормленія умершихъ, устанавливаютъ какъ-бы неразрывную связь между живыми и мертвыми родичами, причѣмъ покойники переходятъ на степень божествъ и, по возрѣніямъ черемисъ, управляютъ природой. Вообще взглядъ на смерть опредѣляется ничѣмъ инымъ, какъ переходомъ въ иныя условія существованія, но со всѣми жизненными потребностями: ѣдой, питьемъ и пр. Поэтому черемисы при похоронахъ умершаго одѣваютъ въ полный костюмъ даже съ рукавицами на рукахъ, въ одну руку вкладываютъ палку для отгона змѣй, а въ другую—нѣсколько монетъ для уплаты „за мать сыру землю“. Кромѣ того кладутъ тютюнъ, въ пазуху—сдобныя лепешки, съ боковъ—стклянки съ пивомъ и разныя вещи домашняго обихода: кнѣтъ, холстъ на рубашку, доплетеный лапотъ съ лыками и чедыкомъ, и оставляютъ отверстие, чтобы покойный могъ выглядывать на свѣтъ Божій и получать приносимыя ему яства. У язычествующихъ существуетъ обычай печь на погребеніе маленькіе пирожки въ формѣ лѣсенокъ — символъ ступеней, по какимъ душа должна восходить на небо; въ старину бросали въ могилу настоящія лѣстницы и когти животныхъ съ той же цѣлью. На могилахъ богатыхъ и уважаемыхъ за добродѣтели почившихъ приносятся въ жертву иногда бѣлые кони. Убѣжденные въ лучшей жизни за гробомъ, черемисы не оплакиваютъ покойниковъ, не провозжаютъ ихъ ни въ церковь, ни на

кладбище, но и желанія слѣдовать за ними въ иной міръ у нихъ нѣтъ, и потому, чтобы спастись отъ подобной участи, убѣжать отъ глазъ усопшихъ, они молятъ послѣднихъ оставить ихъ въ покоѣ, не посѣщать ихъ никогда, въ предохраненіе отъ чего въ день погребенія на могилу бросается раскаленный камень, приносятъ искупительныя жертвы, какъ напр., закланіе курицы, и легко отступаются отъ приходящихся въ ихъ пользу вещей, скота, обыкновенно идущаго въ жертву, отъ потребленія котораго наслѣдники не отказываются. „Пейте, ѣшьте, дайте намъ здоровье, миръ, довольство, богатство, увеличьте число нашего скота, возрастите нашъ хлѣбъ, дайте хорошій вѣтеръ во время вѣянія, охраняйте насъ отъ воды, огня и злыхъ духовъ, которые могутъ намъ вредить“ — таковы моленія черемисина къ умершимъ. Поминаютъ

Черемиски.

покойника на третій, седьмой и сороковой день: въ послѣдній, посѣщая могилу, пляшутъ вокругъ нея, затѣмъ поминки бываютъ на Страстной недѣлѣ и въ Семикъ. Въ Яранскомъ у. Вятской губ. поминки въ сороковой день совершаются такъ. Вечеромъ одинъ изъ родственниковъ умершаго ѣдетъ на могилу и приглашаетъ покойника отпраздновать послѣдній праздникъ: „твой сороковой день пришелъ, поѣдемъ пировать“. Возвратясь домой, этотъ посланецъ самъ начинаетъ играть роль покойника, по которомъ совершаются поминки: надѣваетъ его одежду, принимаетъ имя покойнаго и т. п. Такъ пируютъ до утра. Одинъ „покойникъ“ имѣетъ въ это время право плясать. Рано утромъ готовятъ и ѣдятъ обѣдъ, а затѣмъ „провожаютъ умершаго“, т. е. ѣдутъ по направленію къ кладбищу прокатиться.

Характерно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ старыя дѣвы переходятъ въ мстительныхъ духовъ, дѣлаются лихорадками, убійцами, какъ могутъ быть ими и убитые, становясь „арыптышами“, „кереметами“, „водышамп“; словомъ присутствіе духовъ можетъ быть всюду: въ

камняхъ, деревьяхъ, огнѣ, водѣ, землѣ, облакахъ, на небѣ и т. д. и ими могутъ быть тоже души умершихъ. Въ такой же, если не большей тѣсной связи съ усопшими, стоитъ растительный міръ, и въ пучкѣхъ прутьевъ можетъ жить въ домѣ „куда-водишь“, а „кереметь“ и „водишь“ олицетворяются подъ видомъ деревьевъ и моленіе приносится „кереметамъ“ елового или березового цня, сосновымъ „водишамъ“ и т. д. „Юмо“ — единое небо внушило черемисамъ идею единого Бога, материалистическое понятіе о которомъ исчезло подъ влияніемъ ислама и христіанства. Приверженцевъ первой религіи, имѣющихъ Бога и пророка „Піанбара“ (Магомета), насчитывается 2,5% къ общему числу черемисъ, христіанъ — 69,7% и язычниковъ — 27,8%. Но исламъ и христіанство не вытѣснили основныхъ воззрѣній черемисскихъ вѣрованій, и священныя рощи съ общинными моленіями и жертвоприношеніями существуютъ и теперь не для однихъ только потребностей черемисъ-язычниковъ, но и для язычествующихъ исламитовъ и христіанъ, придавшихъ своимъ прежнимъ вѣрованіямъ новыя черты, которыя ярко отражаются на приношеніяхъ „кереметамъ“ и т. д. Священныя языческія липовыя или березовыя рощи, обычно удаленныя отъ русскихъ поселеній, обносятся изгородью съ воротами, запирающимися въ моментъ моленій, на которыя иногда съѣзжаются черемисы не только отдѣльныхъ селеній, но и разныхъ уѣздовъ. Въ жертву приносятся, подъ главенствомъ жреца („карта“), лошади, жеребята, телята, овцы, бараны, гуси и утки и денежный сборъ превышаетъ 200 руб., а число жертвенныхъ костровъ доходитъ до 20. При жертвоприношеніяхъ не можетъ быть допущенъ ни одинъ русскій. Женщины, какъ сказано выше, не допускаются тоже, но онѣ стараются подсмотреть издали, сквозь чащу рощи, обряды жертвоприношенія. Моленіе начинается чтеніемъ молитвъ; всѣ стоятъ на колѣняхъ, въ чистыхъ бѣлыхъ одеждахъ. Картъ, стоя у стана, въ цѣломъ, длинномъ, бѣломъ балахонѣ и высокой берестяной шапкѣ, кадитъ зажженной головней, а принося жертву говоритъ: „прими любезно“. Молящіяся отщипываютъ кусочки отъ лепешекъ и бросаютъ ихъ въ сторону карты, приговаривая: „прими любезно“, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и тогда, когда отливаютъ въ сторону пиво и медъ, а шкуры жертвенныхъ животныхъ вѣшаютъ на деревѣ. Вотъ еще образецъ молитвъ при жертвоприношеніяхъ: „Кто богу приноситъ жертву, тому счастья дай: въ хлѣбѣ, пчелахъ, скотахъ и въ деньгахъ счастье дай. Чтобы пчелы въ новый годъ рой пускали, а когда рой пустятъ, и въ меду спорину дай. Птицъ и звѣрей ловить счастье дай. Дай богъ счастья взять тройную цѣну за товаръ. Всѣ сокровища, какія есть на землѣ и во всемъ свѣтѣ, получить счастье дай... Дай намъ обиліе во всемъ, веселіе и радость, чтобы намъ жить въ роскоши, играть и хотать“.

Словомъ, основой черемисской религіи явились три вліянія: русское христіанство, татарское магометанство и монгольское шаманство. Но, считая себя православными, черемисы только справляютъ христіанскіе праздники попойками, почитаютъ Николу угодника и др., а подъ именемъ Юмы или Бога дѣлаютъ приношенія Казанской Божьей Матери; но и Магометъ — пророкъ для нихъ, почему и бывали случаи перехода въ магометанство цѣлыхъ селеній. Не забыты древнія языческія божества, какъ Великій Юмо — богъ неба, Кереметь — злой духъ

и боги вѣтровъ, рѣкъ, льда, скота и деревьевъ. Черемисы Пермской губ. поклоняются огню, прося, по обряду первыхъ арийцевъ, перенести ихъ молитвы Всевышнему. Карты — языческіе жрецы черемисъ по наслѣдству.

Говоря о религіозныхъ вѣрованіяхъ черемисъ, нельзя не упомянуть о существующей среди нихъ особой сектѣ „кулу-сорта“, представляющей смѣсь языческихъ и христіанскихъ понятій. По ученію этой секты, царь далъ шесть вѣръ книжныхъ и одну языческую, которую они и признаютъ. Вѣра эта передается изустно отъ предковъ и для ревнителей ея нѣтъ письменнаго божественнаго закона, нѣтъ таинствъ, кромѣ понятія единаго Бога, сотворившаго міръ, которому и молится каждый про себя. Эта легкая вѣра дана имъ потому, что они, черемисы, люди неграмотные, обязанностей по этой вѣрѣ не несутъ и повинностей за нее не платятъ, утверждая, что предки ихъ насильно приняли христіанство. Производя моленіе „чистымъ и свѣтымъ духомъ Высочайшему Богу“, безъ сотворенія себѣ кумира, сектанты отвергаютъ чернаго духа — „керемета“. Въ свои молельни никого не пускаютъ, поповъ не принимаютъ, праздниковъ не празднуютъ кромѣ пятницы. вмѣсто пѣнія на моленіяхъ употребляются гусли, такъ какъ они „мягчатъ сердце“, и возжигается большая въ 9½ верш. восковая свѣча. Свою вѣру они зовутъ еще и „Авраамовой“.

Изъ черемисскихъ празднествъ необходимо отмѣтить первый весенній праздникъ „Ага-Пайремъ“ (главный Байрамъ), когда происходитъ общественное состязаніе въ борьбѣ, бѣгѣ и скачкахъ, катаніе яицъ и качаніе на качеляхъ; на гумнахъ играютъ яицами и мячами, чтобы хлѣбъ выросъ зернистый и полный, какъ яйцо. Призами на общественныхъ состязаніяхъ въ скачкахъ и борьбѣ служатъ приносимые вышедшими въ этотъ годъ замужъ женщинами платки. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (въ Пермской губ.) этотъ праздникъ сопровождается своего рода сценическими представленіями, когда, набравъ яствъ, пива и вина, черемисы уходятъ въ четвергъ вечеромъ въ горы, раскладываютъ огни и устраиваютъ представленіе, въ которомъ дѣйствующими лицами являются судья, исправникъ, становой, сотскій, истцы и отвѣтчики. Происходитъ словесное судопроизводство, произносится приговоръ и немедленно приводится въ исполненіе, шутя, назначенное наказаніе виновному. Интересенъ также праздникъ „Саронъ - Голь“ (праздникъ „Овечьей ноги“) соотвѣтствующій Святкамъ и являющийся празднествомъ религіозно-общественнымъ. За столомъ съ яствами и цитіями карты (жрецъ) олицетворяетъ собою народъ — вѣрующихъ и божество, выслушивающее просьбы, которые просятъ о дарованіи здоровья, объ изобиліи пива, хлѣба, пчелъ, скота, денегъ и благополучномъ (втридорога) сбытѣ продуктовъ. Картъ удовлетворяетъ просьбы отвѣтомъ: „даю, даю“, послѣ чего вышучивается власти, чиновники, попы, судьи и офицеры.

Рѣдко можно встрѣтить такую народность, которая при всемъ низкомъ уровнѣ развитія отличалась бы столь сильно развитымъ національнымъ самосознаніемъ и приверженностью къ своей народности. Боясь и гнушаясь всего русскаго, они говорятъ: „нашу вѣру кончатъ — насъ кончатъ“, а про свои языческія моленія въ лѣсу: „если перестанемъ въ лѣсѣ ходить, то всѣ околѣемъ, все племя наше подохнетъ“. И нельзя сказать, чтобы это предчувствіе было неосновательно. При

всей преданности черемисъ своей народности культура дѣлаетъ свое дѣло. Нѣкоторые черемисы носятъ уже пиджаки, нерѣдко женятся на русскихъ, хотя обыкновенно женихъ отдають лишь очень бѣдныхъ, да еще развѣ „съ грѣшкомъ“ („гулящихъ“). Женившись на русской, черемисинъ уже окончательно и безповоротно „поворачивается на русака“, его дѣти часто уже и не говорятъ по черемиски. У черемисъ существуетъ повѣрье, будто разъ они допустятъ въ свою деревню прищупенниковъ, то сами „на изморъ пойдуть“. Между тѣмъ теперь въ рѣдкой черемисской деревнѣ не живутъ русскіе. Объясняется это тѣмъ, что у черемисъ больше земли, нежели у русскихъ, а обрабатываютъ они ее плохо. Бездѣтны любятъ принимать въ дѣти русскихъ. Среди черемисъ сильно распространены сифилисъ, чахотка и особенно глазныя болѣзни (трахома). Приростъ черемисскаго населенія весьма незначителенъ; мѣстами наблюдается даже вымираніе.

Вотяки — одна изъ отраслей финскаго племени пермской группы — въ настоящее время главной массой проживаютъ въ Приуральскомъ краѣ. Всего въ Россійской Имперіи, по переписи 1897 года, ихъ насчитывалось 420.970 чел.¹⁾ Изъ нихъ 406.217 обитали въ Приуральѣ — именно въ губерніяхъ Вятской 377.893, въ Уфимской 22.507 и въ Пермской 5.907 чел. За предѣлами Приуралья ихъ насчитывалось всего 11.797 чел., изъ нихъ въ Казанской губ. 9.679 и въ Самарской 2.118 человекъ.

Русскому населенію они извѣстны были подъ именами „ари“, „аряне“, „арское племя“, „отяки“. Современное же названіе (вотяки) этому племени усвоилось съ XVIII в. Документальная исторія, начавшаяся для вотяковъ лишь съ XV в., застала ихъ въ той же мѣстности, гдѣ они живутъ и въ настоящее время. Сохранившіяся у вотяковъ преданія, археологическія раскопки, а также названія нѣкоторыхъ мѣстъ даютъ основаніе утверждать, что вотяки когда-то жили въ западной части нынѣшней Вятской губ., а также въ губерніяхъ Костромской и Вологодской, и что двинулись они на новыя мѣста подъ напоромъ русской (на сѣверѣ губерніи) и черемисской (на югѣ) колонизаціи²⁾.

Вотяки, поселившіеся на сѣверѣ Вятской губерніи (прежней Вятской области), подчинены были московской власти въ XIV в. Вліяніе московскаго правительства на первыхъ порахъ однако было чрезвычайно слабымъ, что объясняется удаленностью Москвы отъ Вятки и неудобствомъ путей сообщенія между этими пунктами. Судьба вотяковъ южныхъ (жившихъ въ нынѣшней Казанской губ. и на югѣ Вятской губ.) была тѣсно связана съ жизнью инородцевъ всего Казанскаго края: подчиненные Иваномъ Грознымъ, они нѣсколько разъ возставали вмѣстѣ съ другими инородцами противъ московскаго правительства, пока не были окончательно усмирены въ концѣ XVI в. На южныхъ вотяковъ наложенъ былъ ясакъ (почему они и назывались „ясашными“); сѣверные (вятскіе) вотяки со временъ Петра Великаго начали платить подушную подать и отбывать воинскую повинность. Одновременно съ

¹⁾ Впрочемъ, въ переписи 1897 г. въ число вотяковъ включены и бесермяне. Последннихъ въ Вятской губ. въ 1903 г. насчитывалось 9.132, при 405.545 вотякахъ.

²⁾ Названіе одной изъ новгородскихъ пятинъ Водской также, можетъ быть, указываетъ на первоначальное распространеніе вотяковъ гораздо западнѣе нынѣшняго.

этимъ русскимъ правительствомъ были объявлены льготы и свобода отъ податей на три года и отъ рекрутской повинности тѣмъ инородцамъ, которые пожелаютъ креститься: подъ вліяніемъ льготъ вотяки начали принимать христіанство, особенно послѣ 1740 г. Среди новокрещенныхъ вотяковъ по 1764 г. (годъ закрытія въ Казани такъ называемой „новокрещенской конторы“) было образовано 24 церковныхъ прихода ¹⁾. Но такъ какъ вотяки принимали крещеніе, подобно другимъ инородцамъ Волжско-Камскаго края, не по убѣжденію въ превосходствѣ христіанской религіи, а подъ вліяніемъ льготъ (новокрещеннымъ) и отчасти вслѣдствіе притѣсненій, чинимыхъ язычникамъ свѣтскими властями и нѣкоторыми членами новокрещенской конторы, то и по принятіи христіанства они de facto оставались язычниками и по временамъ проявляли желаніе перейти оффиціально въ язычество. Такъ, во время пугачевского бунта нѣкоторые изъ вотяковъ нынѣшняго Сарапульскаго у. посылали къ Пугачеву депутацію съ просьбой о разрѣшеніи имъ оставить христіанскую вѣру и возвратиться въ язычество. Полученное разрѣшеніе, а затѣмъ и появленіе самозванца въ Вятской губ. дало возможность вотякамъ осуществить свое желаніе; по просьбѣ вотяковъ или даже при ихъ дѣятельномъ участіи бунтовщицеской толпой было убито до 20 человекъ членовъ причта вотскихъ новокрещенскихъ приходовъ (священниковъ, діаконовъ и причетниковъ).

Болѣе серьезное вниманіе на просвѣщеніе вотяковъ было обращено уже въ XIX в. Тогда былъ поднятъ вопросъ о составленіи и изданіи вотскихъ переводовъ Евангелія — сначала Библейскимъ Обществомъ, а затѣмъ и Святѣйшимъ Синодомъ. Въ 1894 г. были разосланы по вотскимъ приходамъ переводы двухъ евангелистовъ (Матѳея и Марка) и краткихъ начатковъ христіанскаго ученія. Съ 1830-хъ г.г. среди вотяковъ было организовано школьное обученіе ²⁾. Въ 1830-хъ г.г., съ учрежденіемъ среди вотяковъ Вятской губ. спеціальной миссіи, начались было на мѣстахъ сильныя преслѣдованія вотяковъ за совершеніе моленій по языческимъ обрядамъ и вообще за уклоненія отъ исполненія христіанскихъ обязанностей. Преслѣдованія эти однако не встрѣтили поддержки со стороны высшаго правительства. На Вятку были неоднократно сообщаемы высочайшія повелѣнія имп. Николая I: „не преслѣдовать новокрещенныхъ, но мѣстному духовенству стараться всемѣрно замѣнять языческія моленія установленными христіанскою церковію молебствіями“.

Физическій типъ вотяка въ книгѣ одного изъ наблюдателей вотскаго быта (г. Верещагина) описывается слѣдующимъ образомъ: „ростъ жителей мужчинъ — среднимъ числомъ 2 арш. 4 верш., а женщины еще малорослѣе мужчинъ. Станъ сложенъ худо; ноги короткія и искривленныя; грудь плоская; цвѣтъ тѣла смуглый; щеки впалыя, носъ небольшой, прямой, остроконечный и нѣсколько впалый; глаза небольшіе,

¹⁾ Случаи крещенія вотяковъ были впрочемъ и ранѣе. Въ XVI в. подано было Ивану Грозному челобитье 17 вотскихъ семействъ *Сырганской* волости Вятской области о разрѣшеніи имъ, по принятіи крещенія, поселиться отдѣльной слободой.

²⁾ Собственно говоря еще въ XVIII в. существовали такъ называемыя „новокрещенскія школы“ для обученія дѣтей инородцевъ Казанскаго края; но вотяки весьма мало пользовались этими школами. Въ спискахъ учениковъ школы за время 1750—1774 г.г. мы насчитали всего 29 вотяковъ.

сѣрыя, поставлены горизонтально, но въ орбитахъ лежатъ глубоко, выглядывая оттуда вяло и угрюмо; ротъ полуоткрытъ; губы толстыя и углы ихъ направлены нѣсколько книзу, волосы свѣтлорусые, часто рыжіе, борода небольшая, клинообразная“.

При хиломъ сложеніи вотяки во всѣхъ своихъ движеніяхъ отличаются необыкновенной вялостью; на дѣло, на которое нужно употребить два часа, они употребляютъ три и четыре часа, причемъ любятъ дѣлать все съ отдыхомъ. Походка вотяка невѣроятно медленна: въ день онъ пройдетъ не болѣе двадцати верстъ, отдыхая на каждой третьей — четвертой верстѣ. Къ работѣ, требующей послѣдственности и проворства, вотякъ рѣшительно неспособенъ. Слабость и вялость вотяка въ весьма значительной степени зависятъ отъ неудовлетворительности его питанія. Обычная пища вотяка — жидкія щи съ ячменной крупой и горохомъ, каша, лапша, кисель, табани (яровыя лепешки). Мясомъ домашнихъ животныхъ питаются только по праздничнымъ днямъ и особенно при совершеніи языческихъ жертвоприношеній. Оно варится съ кашей (жарить мясо вотяки не умѣютъ). Питаются они также мясомъ птицъ — гусей, утокъ (домашнихъ), воробьевъ, синицъ, клестовъ и пр. Изъ крупныхъ птицъ считаютъ нечистыми ворону, сороку и ястреба. Сороку, по мнѣнію вотяковъ, страшно ѣсть, потому что колдуны оборачиваются въ нее; запряцается ѣсть журавля, ибо „кто убьетъ журавля, у того умретъ жена“. Молоко въ вотскомъ обиходѣ — явленіе довольно рѣдкое; вотскія коровы, вслѣдствіе плохого ухода за ними, даютъ ничтожное количество молока. Тамъ, гдѣ молоко есть, оно рѣдко употребляется въ свѣжемъ видѣ: вотяки ѣдятъ болѣею частью кислое молоко. Приготовлять болѣе или менѣе вкусную пищу вотяки не умѣютъ, и стороннему человѣку трудно пользоваться вотской кухней. Хлѣбъ употребляется недопеченый, мясо заготавливается въ прокъ въ сушеномъ или соленомъ видѣ и часто бываетъ тухлымъ. Обыкновенно всякую пищу они варятъ себѣ въ котлѣ, который вмазывается въ правую сторону шестка; горшки, плошки и вообще глиняная посуда у нихъ не въ употребленіи. Ыдятъ вотяки по три раза, а лѣтомъ и по четыре раза въ день. Но и помимо этихъ трехъ-четыреухъ разъ вотяки не прочь поѣсть. „На столѣ у нихъ“, говоритъ г. Верещагинъ о вотякахъ *Сосновскаго* края, „постоянно лежитъ коровай хлѣба, и ребятишки и бабы часто, подходя къ столу, отрѣзываютъ куски и ѣдятъ... Мало бываетъ времени, когда кто-нибудь не жеваль бы“. Питьемъ вотяковъ служитъ квасъ, разведенный въ кадкахъ, — мутный, тянущійся и въ сущности чрезвычайно невкусный. Вотяки не смущаются никакими примѣсами къ водѣ, которую они употребляютъ.

Заговоривъ о питьѣ, нельзя обойти молчаніемъ вотской *кумышки*, которая въ жизни вотяковъ играла весьма существенную роль. Это національный вотскій напитокъ, приготовленный посредствомъ перегонки извѣстнаго количества солода, ржаного хлѣба, овсяной муки и дрожжей. Кумышка замѣняла имъ водку. По словамъ нѣкоторыхъ писателей, вотяки Вятской губ. пользовались правомъ варенія кумышки еще со временъ Ивана Грознаго. Кумышка составляла необходимую принадлежность всѣхъ языческихъ общественныхъ жертвоприношеній вотяковъ и употреблялась также въ качествѣ угощенія въ различные семейные и общественные праздники. Приготовленіе (вареніе) ея произ-

водилось по преимуществу въ зимнее время. Кумышка варилась въ особыхъ надворныхъ постройкахъ, называемыхъ *чумами*, или въ шалашахъ, устраиваемыхъ на берегу рѣчки, или наконецъ въ лѣсахъ и оврагахъ, въ болѣе или менѣе значительномъ отдаленіи отъ селеній. Аппаратомъ для приготовленія кумышки служилъ чугунный котель, соединенный посредствомъ металлическихъ трубъ съ деревянной кадкой (холодильникомъ) и деревяннымъ ведромъ или глинянымъ кувшиномъ (для собиранія готовой кумышки). Получавшійся черезъ перегонку напитокъ имѣлъ различную крѣпость въ зависимости отъ количества разъ перегонки — отъ 10° до 40°. Наболѣе крѣпкую кумышку приготовляли только зажиточные вотяки. Изъ пуда хлѣбныхъ припасовъ получалось $\frac{1}{2}$ ведра кумышки¹⁾ крѣпостью въ 10° или $\frac{1}{4}$ ведра крѣпостью въ 20°.

Много бѣдъ причиняло вотякамъ это вареніе кумышки. Правительство за послѣднее столѣтіе колебалось въ своихъ отношеніяхъ къ кумышкѣ. Въ 1802 г. оно разрѣшило вареніе кумышки; въ 1818 г., при введеніи казеннаго управленія питейными сборами запретило ее, въ 1826 г., при введеніи откупной системы опять разрѣшило; это разрѣшеніе оставалось въ силѣ и при уничтоженіи откупной системы вплоть до 1890 г., когда послѣдовало окончательно воспрещеніе кумышки. Для откупщиковъ кумышка была бѣльмомъ на глазу, и они всячески старались лишить вотяковъ дарованной имъ привиллеги. Способы преслѣдовація ими кумышковаренія были довольно разнообразны. Обыкновенно агенты откупа жаловались полиціи, что вотяки приготовляютъ кумышку не такой крѣпости, какая допускается закономъ, а высшей; иногда они подбрасывали наболѣе зажиточнымъ вотякамъ бутылки съ кумышкой, доведенной до высшей крѣпости, затѣмъ при содѣйствіи чиновъ полиціи или даже совершенно самостоятельно производили обыскъ; уличивъ такимъ образомъ вотяковъ въ приготовленіи кумышки недозволенной крѣпости, съ богатыхъ брали взятки, а кто побѣднѣе, — тѣхъ отдавали подъ судъ. Виновнымъ вотякамъ грозилъ тройной штрафъ, или, въ случаѣ несостоятельности, отдача способныхъ въ солдаты и ссылка неспособныхъ на поселеніе, а селеніямъ воспрещалось варить кумышку навсегда. Предприимчивались и другія мѣры противъ кумышки — то откупщикъ отыщетъ указъ, которымъ будто-бы вотякамъ воспрещается варить кумышку въ мѣдныхъ котлахъ, и начнетъ отбирать эти котлы, то возбуждается передъ мѣстной казенной палатой вопросъ объ ограниченіи права варенія кумышки въ томъ смыслѣ, чтобы было разрѣшено варить не свыше двухъ ведеръ на ревизскую душу.

Но религіозныя привычки вотяковъ оказались сильнѣе всякихъ преслѣдованій: вотяки не прекратили кумышковаренія при дѣйствіи откупной системы, продолжали варить и послѣ ея отмѣны. Закономъ 24 апрѣля 1890 г. у вотяковъ было окончательно отнято право варенія кумышки; приборы для кумышковаренія были отобраны съ уплатой вотяками за металлическія части полной стоимости. За устройство новыхъ приспособленій вотяки подвергаются денежному штрафу (не

¹⁾ Нѣкоторые изслѣдователи впрочемъ говорятъ, что изъ пуда овса у вотяковъ выходило до 1 ведра кумышки.

свыше 25 р.), и у нихъ отбирается посуда. Для надзора за исполненіемъ вотяками этого закона была учреждена особая должность кумышечныхъ надсмотрщиковъ. Но и этотъ законъ не прекратилъ кумышководаренія. По отчетамъ Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ за 1892—1904 г. (13 лѣтъ), было обнаружено 35.668 случаевъ приготовленія кумышки. А сколько случаевъ еще не обнаружено! Вотяковъ штрафуютъ, отбираютъ аппараты, но ничто не дѣйствуетъ; вотяки, какъ передавалъ намъ одинъ изъ земскихъ начальниковъ Вотскаго района, варятъ „во всю“. Само собою разумѣется, что они въ высшей степени недоброжелательно относятся къ кумышечнымъ надсмотрщикамъ. Известны случаи, когда вотяки били наиболѣе ревностныхъ изъ нихъ; такъ, одинъ изъ надсмотрщиковъ (Дробышевскій) даже былъ убитъ ими. Съ цѣлью ослабленія тяжести кары за кумышководареніе вотяки въ настоящее время придумали нѣкоторыя мѣры: кумышку варятъ „помощью“ всей деревней, и въ случаѣ обнаруженія этого проступка вину беретъ на себя выбранное обществомъ лицо; нерѣдко на всю деревню варить кто-нибудь одинъ изъ бѣдныхъ жителей селенія; нѣкоторые изъ варенія кумышки сдѣлали себѣ промыселъ.

Вотяки любятъ кумышку. По преданію, существующему у казанскихъ вотяковъ, жена перваго человѣка, вопреки запрещенію бога Инмара, открыла поставленную имъ чашку съ кумышкой и выпила ее, за что и были первые люди изгнаны изъ рай. Вотяки въ состояніи выпить очень изрядное количество кумышки (до $\frac{1}{4}$ ведра въ день). Во всеподданнѣйшихъ отчетахъ прежнихъ вятскихъ губернаторовъ неразъ встрѣчались указанія на непомѣрное употребленіе кумышки при совершеніи жертвоприношеній, а равно и во время русскихъ праздниковъ (напивались до безпамятства). О случаѣ смерти вотяка отъ излишняго употребленія кумышки во время одного изъ языческихъ жертвоприношеній въ 1838 г. доводилось до свѣдѣнія имп. Николая I. Употребленіе кумышки конечно не остается безъ вліянія на здоровье вотяковъ. По словамъ мѣстныхъ наблюдателей, при опьяненіи кумышкой у вотяковъ проявляется наклонность къ звѣрскимъ поступкамъ и преступленіямъ, нерѣдко стаднымъ (толпой). Напр., въ прежнее время почти всѣ убійства совершались вотяками во время праздниковъ, продолжавшихся по нѣскольку дней, когда выпивалось огромное количество этого напитка.

Жилище вотяковъ не представляетъ чего-нибудь оригинальнаго: на немъ весьма замѣтно вліяніе на вотяковъ со стороны окружающихъ ихъ сосѣдей. Тамъ, гдѣ вотяки живутъ рядомъ съ татарами, жилища постройки ихъ походятъ на татарскія; въ мѣстностяхъ съ русскимъ населеніемъ вотска изба весьма напоминаетъ русскую избу. Достоинно упоминанія, что многія названія частей вотскихъ построекъ заимствованы изъ татарскаго языка. Самостоятеленъ вотякъ лишь въ постройкѣ „кеноса“ — клѣти. Помѣщеніе это служитъ разнымъ цѣлямъ; это — и кладовая, и лѣтнее помѣщеніе для членовъ семьи, по преимуществу женщинъ. Здѣсь имѣется для каждой брачной пары особое отдѣленіе, освѣщаемое обыкновенно небольшимъ волоковымъ или косящатымъ окномъ, при чемъ окно продѣлано не въ серединѣ стѣны, а ближе къ одному изъ угловъ. Въ кеносѣ вотячка спитъ и работаетъ. Если въ вотской семьѣ насчитывается много брачныхъ паръ, то и ке-

носовъ бываетъ нѣсколько: вмѣстѣ съ другими надворными постройками, амбарами, конюшнями, хлѣвами, шалашами разбросаны они по двору безо всякаго плана и порядка. Деревня, состоящая изъ такихъ дворовъ, имѣетъ поэтому какой-то безпорядочный видъ, особенно если къ этому прибавить узкія и кривыя улицы. Обстановка вотскихъ избъ въ общемъ довольно неприглядна: грязь и нечистота съ дурнымъ, неприятнымъ запахомъ составляютъ особенность вотскаго жилья, довольно рѣзко отличающую его отъ другихъ невоотскихъ избъ. Въ Казанской губ. впрочемъ одинъ изъ наблюдателей вотскаго быта

Вотяки — дѣти.

отдаетъ вотскимъ избамъ преимущество передъ чувашскими и черемисскими въ смыслѣ чистоты. Въ вотской избѣ сидѣньями для вотяковъ являются лавки, идущія по стѣнамъ избы. Стулъ полагается только одинъ — для старшаго (кузо). По угламъ, кромѣ передняго, устраиваются пустыя нары въ родѣ ящичковъ; здѣсь находятся постели женатыхъ, хранятся разная рухлядь и кумышка, у нѣкоторыхъ — шкатулка съ деньгами. Посуда, употребляемая вотяками съ давнихъ поръ, — деревянная. Стекло стало извѣстно черезъ русскихъ или татаръ. Особенно искусно приготовляются вотяками чашечки для кумышки. Матеріаломъ для нихъ служатъ или корни березы, или особенные наросты на этомъ деревѣ (капъ).

На *одеждѣ* вотяковъ также сказывается вліяніе сосѣдей: въ мѣстностяхъ, давно уже колонизованныхъ русскими, вотяка и по костюму нельзя отличить отъ русскаго; въ татарскомъ районѣ вотскій костюмъ приближается къ татарскому. Въ Бирскомъ у. Уфимской губ. на одеждѣ вотяковъ замѣтно башкирское вліяніе. Въ Сарапульскомъ у. Вятской губ. одежда мужчинъ, по описанію г. Верещагина, состоитъ изъ бѣлой холщевой рубахи, опоясываемой шерстянымъ поясомъ съ прикрѣпленной на немъ кожаной сумочкой для храненія кремня, трута, огнива или спичекъ, и штановъ. Лѣтомъ въ будніе дни вотякъ надѣвается сѣрый или бѣлый сукманъ, сшитый въ видѣ халата, и опоясывается ремнемъ (въ вершокъ шириной) съ мѣдными пряжками. На головѣ онъ носитъ или синій суконный колпакъ цилиндрической формы (изготавливаемый самимъ вотякомъ), или бѣлую, конусообразную съ широкими полями шляпу, на подобіе шляпъ казанскихъ татаръ. Къ ремню прикрѣпляются скобкообразное кольцо для топора и сплетенныя изъ лыка ножны для ножа; рядомъ съ ножнами виситъ цѣпочка или ремешокъ для „котошка“ (инструмента для плетенія лаптей). Зимой вотяки надѣваютъ бѣлый зипунъ изъ овечьей шерсти, шубу, шапку, черную мерлушчатую съ суконнымъ конусообразнымъ околышемъ, бѣлыя суконныя онучи, бѣлыя валенки, лапти и шерстяные наличники, которые надѣваются поверхъ онучей на ступню.

Женскую одежду составляютъ: бѣлая холщевая рубаха съ красными каймами, штаны, холщевый или ситцевый фартукъ. Въ лѣтнее время женщины носятъ еще спитый изъ доскутовъ нагрудникъ, тонкій бѣлый сукманъ, бѣлые холщевые чулки, спитые мѣшкомъ, и наличники на ступни ногъ. Зимой женскую одежду составляютъ зипунъ со сборами (бѣлый или сѣрый) и сукманъ (бѣлый или сѣрый со сборами). Эти два платья надѣваются одно на другое — или сукманъ на зипунъ, или зипунъ на сукманъ. Голова покрывается „такьей“ — шапочкой, къ которой у сарапульскихъ и елабужскихъ вотяковъ прикрѣпляется узкая полоса холстины, украшенная жетонами или монетами. На „такью“ накладывается ситцевый платокъ. Зимой на платокъ надѣвается еще шаль. Шейныя украшенія женщинъ состоятъ изъ бусъ и ожерелій изъ серебряныхъ денегъ. Въ Глазовскомъ у. женщины носятъ еще „камали“, т. е. узкую ленту, унизанную крупными серебряными монетами, спускающуюся съ плеча. Въ Сарапульскомъ у. въ качествѣ украшенія употребляются „угы“, т. е. серьги изъ рублевыхъ монетъ, привязываемыя къ „такьѣ“ по двѣ штуки у каждаго уха. Въ виду употребленія серебряныхъ монетъ въ качествѣ украшеній, въ прежнее время въ Вятской губ. можно было довольно часто встрѣтить проколотую серебряную монету; такая монета принималась наравнѣ съ обычной монетой. Но не особенно давно употребленіе такихъ монетъ въ качествѣ денежнаго знака было запрещено правительствомъ.

На *занятіяхъ* вотяковъ въ значительной степени отразился характеръ страны. Въ прежнее время лѣса Вятской губ. изобиловали дарами природы: здѣсь въ большомъ количествѣ водились разные звѣри — медвѣди, волки, олени, куницы, бѣлки, горностаи, зайцы, бобры, норки и др.; въ густой листвѣ и хвоѣ деревьевъ находила себѣ пріютъ дичь; въ рѣкахъ водилась масса рыбы. Естественно поэтому, что тогда охота и рыболовство были главными занятіями вотяковъ. По

мѣрѣ уменьшенія (съ исчезновеніемъ лѣсовъ) количества звѣрья и дичи, охота должна была отойти на второй планъ, уступивъ главное мѣсто земледѣлію. Но само собою разумѣется, что вотяки не забыли и охоты, все-же доставлявшей пропитаніе; таланты вотяка-охотника еще и теперь приводятъ посторонняго наблюдателя въ удивленіе. Въ настоящее время вотяки представляютъ изъ себя весьма трудолюбивыхъ земледѣльцевъ. По размѣрамъ землевладѣнія они превосходятъ всѣхъ своихъ сосѣдей. Земельный надѣлъ въ Вятской губ. равняется у татаръ 9—19 десятинъ на душу, у русскихъ — 10—20, у черемисъ 12—18 дес., а у вотяковъ 20—30 десятинъ. Однообразіе природы и ея произведеній, одинаковость занятій вотяковъ и крайнее неудобство путей сообщенія не могли развитъ между вотяками торговыхъ сношеній; лицъ, занимающихся торговлей, мы почти не встрѣчаемъ среди вотяковъ нашего времени. Но въ приѣмахъ обработки земли вотяки слишкомъ консервативны: всякое техническое улучшеніе входитъ въ вятскій обиходъ чрезвычайно медленно. Въ то время, когда русскіе перешли уже къ желѣзнымъ боронамъ и къ усовершенствованнымъ сохамъ, вотяки довольствуются прежними двуральными сохами и деревянными боронами. Попржежнему навозъ вывозится ими на поля зимой, по первому снѣгу, вслѣдствіе чего значительная часть его весной, при таяніи снѣга уносится съ полей. Въ зависимости отъ нераціональныхъ приѣмовъ земледѣліе не даетъ вотякамъ тѣхъ результатовъ, на какіе они были бы въ правѣ рассчитывать при своемъ трудолюбіи. Любимымъ занятіемъ вотяковъ является пчеловодство: и здѣсь вотякъ обнаруживаетъ свое усердіе, но и здѣсь опять проявляется отсталость вотяковъ въ отношеніи рациональности веденія этого дѣла. Отхожихъ промысловъ вотякъ не знаетъ, если не считать лѣсного промысла, найма на сельскохозяйственныя работы, ямщины, извоза, услуженія въ качествѣ работника, въ предѣлахъ впрочемъ своего же уѣзда.

Языческая *религія* вотяковъ до сихъ поръ не выяснена въ надлежащей степени, да едва-ли и удастся когда-нибудь достигъ этого. Въ прежнія времена изученіемъ вятскихъ религіозныхъ вѣрованій никто не занимался; въ послѣдующее время эти вѣрованія подъ различными вліяніями начали подвергаться значительнымъ измѣненіямъ; въ настоящее время во многихъ мѣстахъ религіозныя вѣрованія представляютъ смѣсь язычества съ христіанствомъ, а кое-гдѣ и съ магометанствомъ. Поэтому объ языческой религіи вотяковъ можно говорить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Прежде всего у вотяковъ, какъ и у прочихъ восточныхъ финновъ, былъ развитъ и не исчезъ культъ предковъ. По представленію вотяковъ умершіе продолжаютъ вести такую же жизнь за гробомъ, какую они вели, будучи живыми. Они сохраняютъ все свойства и потребности живыхъ людей, нуждаются въ пищѣ, питьѣ, въ одеждѣ, вещахъ и животныхъ, къ которымъ они привыкли на землѣ. Въ то же время они пріобрѣтаютъ сверхестественныя силы и способности, которыхъ не имѣли въ земной жизни и вслѣдствіе которыхъ они могутъ оказывать и оказываютъ большое вліяніе на живыхъ потомковъ; напр., даютъ новорожденному душу, могутъ подвергнуть потомковъ болѣзнямъ или другимъ несчастіямъ. Поэтому вотяки обращаются къ покойникамъ за покровительствомъ: „Берегите нашу скотину и лошадей, дайте здоровье

дѣтямъ "... „Мы остались послѣ васъ сиротами и маломощными; не отрывайте же нашихъ рукъ отъ работъ, семействъ не разстраивайте“ — вотъ обычныя молитвы вотяка, характеризующія его взглядъ на силу и значеніе предковъ-покойниковъ.

Затѣмъ вотякамъ покровительствуютъ духи, населяющіе ихъ жилия помѣщенія; сюда относятся *Корка-Муртъ*, *Гондырь-Муртъ*, *Гидъ-Муртъ* и *Тэди-Муртъ*. *Корка-Муртъ* (корка—изба) — духъ вродѣ домового (у русскихъ), завѣдываетъ мужскими и женскими работами, совершаемыми въ избѣ. Иногда за хозяйку дома онъ исполняетъ работы — щеплетъ лучину, колетъ дрова, прядетъ и пр. *Корка-Муртъ* иногда подмѣшиваетъ своихъ дѣтей людямъ. *Корка-Мурты* могутъ быть обращены въ людей; въ Сарapulьскомъ у. вотяки указываютъ цѣлыя селенія, въ которыхъ живутъ люди, обращенные изъ *Корка-Муртовъ*. *Гондырь* (медвѣдь), родственникъ *Корка-Мурта*, завѣдываетъ скопами припасовъ, живетъ въ подпольѣ, въ амбарахъ или даже въ погребѣ (если таковой есть). *Гидъ-Муртъ* (гидъ—конюшня) — конюшеникъ, домовый, завѣдывающій домашней скотиной. Ближе всего онъ стоитъ къ лошадямъ. Любимымъ лошадямъ онъ заплетаетъ гривы и хвосты, иногда для нихъ перекладываетъ овесъ и сѣно изъ яслей нелюбимыхъ лошадей или даже воруетъ у сосѣдей. *Тэди-Муртъ* (тэди — бѣлый) — духъ, живущій въ темномъ углу на полкѣ въ банѣ; по наружности это мужикъ среднихъ лѣтъ, одѣтый въ бѣлую одежду. Дѣятельность его, по разсказамъ вотяковъ, состоитъ въ подшучиваніи надъ людьми въ банѣ. Далѣе воображеніе вотяка населяетъ божествами отдѣльныя стихіи природы: въ водѣ живетъ *Ву-Муртъ*, въ лѣсу *Нюлесъ-Муртъ*, полемъ завѣдуетъ *полевикъ*. Всѣ эти духи-божества ведутъ жизнь подобно людямъ: ѣдятъ, пьютъ, женятся, дочери ихъ выходятъ замужъ. *Нюлесъ-Мурты* даже рождаются и съ людьми. Эти духи-божества и помогаютъ людямъ, и вредятъ имъ. *Ву-Муртъ*, напр., загоняетъ въ сѣти рыбу для любимаго рыбака, а любимому мельнику приводитъ помольщиковъ. На вотскомъ Олимпѣ есть впрочемъ и такіе боги, которые только вредятъ людямъ; таковы *Кутысь*, насылающій на людей коросты, *Черъ* — богъ лошадиныхъ болѣзней, *Вожо* — богъ страха и производимыхъ имъ болѣзней. Самыми главными божествами вотяковъ являются *Инмаръ* (источникъ всего добраго), *Килдысинъ* или *Му-Кылчинъ* (творецъ и промыслитель земли), *Лудъ* или *Кереметь* — богъ строгій и взыскательный, требующій особаго почитанія къ себѣ.

Всѣхъ этихъ боговъ нужно вотяку умилостивить — однихъ для того, чтобы помогли, другихъ, чтобы они не вредили. Средствомъ для этого являются жертвы, соединенныя съ молитвами. Въ жертву приносятся обыкновенно домашнія животныя, домашнія птицы, дикія птицы (утки, гуси, тетерева и рябчики), нѣкоторые изъ пищевыхъ продуктовъ домашняго приготовленія (крупа, каша, щи, печенье изъ тѣста, пиво, брага, кумышка), клоки шерсти животныхъ, перья, хвосты и крылья птицъ, куски ситца, нитки, красная досталь и деньги (мѣдныя и серебряныя). Молитвы, читаемыя при принесеніи жертвы, по существу своему одинаковы и въ общемъ весьма несложны; вотякъ указываетъ: „вотъ я приношу въ жертву вамъ, боги, то и то и прошу васъ дать мнѣ то-то и то-то; если вы исполните мою просьбу, то я вамъ еще принесу въ жертву такихъ-то и такихъ-то животныхъ“. Хвалебныхъ гим-

новъ и благодареній вотякъ почти не знаетъ: его молитва скорѣе напоминаетъ торговую сдѣлку. Мѣстомъ принесенія жертвы является „куа“, „быдзимъ-куа“, „лудъ“, „губеръ-восъ“. Куа (иначе квала, чумъ) — это простой деревянный шалапъ съ одной дверью, безъ пола, потолка и оконъ; онъ имѣется на дворѣ каждой семьи. Въ серединѣ шалаша къ одной изъ толстыхъ балокъ подвѣшивается на цѣпи котелъ надъ очагомъ. Очагъ, зола въ немъ и цѣпь считаются главными святынями. Въ переднемъ углу помѣщается деревянная полка, прикрываемая деревянными вѣтвями и скобкой (называемая „мудоромъ“). Необходимую принадлежность квала составляетъ такъ называемый „воржудный коробъ“ (стѣнки изъ дуба, верхъ и дно изъ бересты, скрѣпляемый лыкомъ), въ которомъ хранятся посуда, употребляющаяся при жертвоприношеніи, кусокъ хлѣба, кусокъ дерева, бѣлчья шкурка, привязанная красными нитками, крылышко или хвостъ рябчика. *Быдзимъ-куа*, сходный по внѣшнему и внутреннему устройству съ куа, устраивается въ деревнѣ для религиозныхъ потребностей представителями извѣстнаго рода, живущаго въ деревнѣ. *Лудъ* — роща, находящаяся недалеко отъ деревни. Здѣсь приносятся жертвы Керемету. *Губеръ-восъ* — это особая поляна въ лѣсу, окруженная топкимъ болотомъ; проникнуть туда можно по мало-замѣтной тропѣ; здѣсь происходятъ наиболѣе торжественныя моленія и жертвоприношенія.

Жертвы приносятся вотяками или отъ общества, или отъ отдѣльныхъ семей и частныхъ лицъ. Общественныя жертвоприношенія приурочиваются къ различнымъ моментамъ сельскохозяйственной жизни (таянне снѣга, начало весеннихъ полевыхъ работъ и пр.); иногда они вызываются какими-либо общественными несчастіями (голодъ, моръ на скотѣ и пр.). Частное лицо или семья приноситъ жертву, лишь только понадобится помощь и покровительство божества: если, напр., увеличивается семья, заболѣетъ кто-нибудь въ домѣ, отправляется вотякъ въ гости, наступаютъ время сѣять, косить и пр.; если даже пекутся табани (лепешки) въ домѣ, то и тутъ нельзя обойтись безъ жертвы божеству. Въ семьѣ приносителемъ жертвы (жрецомъ) является одинъ изъ членовъ семьи, непременно женатый. Если жрецъ умретъ, не передавъ своего званія одному изъ сыновей, то жреца назначаетъ вдова умершаго. Общественныя жертвы приносятъ особые жрецы по выбору общества вотяковъ. Одни изъ нихъ избираются на всю жизнь, другіе — только на одно жертвоприношеніе, для отправленія отдѣльныхъ дѣйствій при жертвоприношеніи. Какихъ животныхъ и птицъ приносить въ жертву въ томъ или другомъ случаѣ, указываетъ ворожецъ („туно“). Указанныя имъ животныя покупаются на общій счетъ и закалываются жрецами; божеству удѣляются кровь животнаго и кости, на огонь воздвигается также небольшое количество кумышки. Мясо и другія приношенія тутъ же потребляются при обильномъ количествѣ кумышки.

Въ заключеніе рѣчи объ язычествѣ вотяковъ необходимо коснуться еще вопроса о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у вотяковъ. По поводу напумѣвашаго въ 1894 — 1896 г.г. процесса мултанскихъ вотяковъ (Малмыжскаго у. Вятской губ., с. *Мултанъ*), обвинявшихся въ принесеніи человѣка (нищаго Матюнина) въ жертву языческимъ богамъ, въ нѣкоторой части печати стали раздаваться голоса о томъ, что человѣческія жертвоприношенія у вотяковъ существуютъ или вообще возможны

воротъ, обшитый холщевой оторочкой, плотно охватывает шею, а напередѣ имѣетъ небольшую прорѣху, которая у дѣвицъ зашивается, а у замужнихъ завязывается или застегивается. Наконецъ нижняя часть рубашки, становище — короткая до колѣнъ и узкая изготовляется или изъ изгребнаго холста, или изъ обносковъ разныхъ матерій. Поверхъ рубашки пермячки носятъ синій косоклинный сарафанъ — *дубасъ*, чаще всего изгребной, иногда окрашенный сандаломъ; дубасъ также носится короткій и только у обрусѣлыхъ пермячекъ употребляется до лодыжекъ. Пройма у дубаса — одной матеріи со станомъ; по краямъ онъ обшивается иногда кумачемъ или ситцемъ. Предметомъ роскоши служатъ

Татарская дѣвушка.
(По фот. Круковскаго).

китайники — сарафаны изъ голубой или зеленой китайки съ холщевой подкладкой, иногда обшитые въ одинъ рядъ у ворота и въ два ряда около груди до подола кружевами. Необходимой принадлежностью женскаго костюма является запонъ четырехугольной формы въ аршинъ длины и въ полосу холста ширины, съ оторочкой и завязками вокругъ талии пониже груди.

Женскій головной уборъ своеобразенъ. Дѣвушки заплетаютъ одну косу и носятъ на головѣ убранный бисеромъ повязку (*каловодечъ*). Это лучшая и красивѣйшая часть костюма пермячки. Издали этотъ уборъ походить на вѣнокъ изъ бѣлыхъ полевыхъ цвѣтовъ и придаетъ лицу пермячки благородное выраженіе невинности и простоты. Впрочемъ въ Пермской губ. пермяцкія дѣвушки ходятъ просто закрываясь фатой. Обыденнымъ головнымъ уборомъ замужнихъ пермячекъ служитъ неснимаемая даже во время сна *шашмура* — чепецъ изъ кумача или желтой саржи, задняя стѣнка котораго

(если онъ подороже, покупной) нерѣдко бываетъ испещрена узорами изъ крупнаго бисера и стекляруса, или (если онъ домашней работы) вышита фигурами по саржѣ — синими, по кумачу — бѣлыми нитками. Поверхъ шашмуры при выходѣ изъ дома повязывается холщевой или бумажный платокъ. Невѣсты подъ вѣнецъ и замужнія въ большіе праздники покрываютъ головы шелковой фатой. Въ употребленіи п головныя ленты, и шали, причемъ послѣдними закрывается лишь задняя часть головы, а два конца шали спускаются по шеѣ и, обернутыя вокругъ нея, связываются назадъ по третьему спущенному концу трехугольникомъ сложеннаго платка. Старухи не брезгаютъ носить вмѣсто шали простыя полотенца. Выходя въ церковь или въ гости, пермячка непременно имѣетъ въ рукахъ ширинку — бѣлую холстину, всегда браную, иногда украшенную фигурными вышивками изъ бумажныхъ красныхъ нитокъ — въ $1\frac{1}{2}$ — 2 аршина длины и $\frac{1}{2}$ аршина ширины.

Обувь пермяцкихъ женщинъ мало чѣмъ отличается отъ мужской: тѣ же онучи, паголенки, чулки, пимы, коты. Женскіе лапти плетутся изъ тонкихъ лыкъ и расшиваются, иногда очень красиво, красными нитками. Верхній костюмъ женщинъ лѣтомъ составляетъ *шабуръ*, большей частью на распашку, а зимой — *зипунъ* съ оюяской, безъ воротника. Украшеніемъ служатъ, какъ и у русскихъ, бусы, серьги, перстни и ленточки. Кольца и перстни съизмала носятъ не только дѣвицы, но иногда и парни.

Духовный обликъ пермяковъ представляется довольно тусклымъ; лишеннымъ почти всякихъ оригинальныхъ и сильныхъ чертъ. О себѣ пермяки очень невысокаго мнѣнія. Отъ нихъ нерѣдко можно слышать: „куда ужъ намъ? кабы мы не пермяки были“... Забитость и пришибленность, робость и трусость — характерныя черты пермяковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ они отличаются апатіей, равнодушіемъ ко всему и лѣнью, терпѣніемъ и скупостью. Только въ пьяномъ видѣ пермякъ становится совсѣмъ другимъ. Куда дѣваются его флегма и смиренничанье! Онъ ругается напрапалую и лѣзетъ въ драку. Языкъ пермяковъ бѣденъ, не дифференцированъ настолько, чтобы разными словами выражать близкія понятія; много исковерканныхъ позаимствованій изъ русской рѣчи. Въ пермяцкой азбукѣ не достааетъ многихъ буквъ. Еще недавно пермяки не могли высказать на своемъ родномъ языкѣ чувство благодарности; да и теперь, если они говорятъ „спасибо“, то лишь потому, что переняли это слово у русскихъ. Словъ „здравствуй“ и „прощай“ у нихъ также нѣтъ. Еще болѣе замѣчательно, что нѣтъ пермяцкаго слова, выражающаго понятіе любви.

Старая нагайбачка (Оренб. губ.).

(По фот. Круковскаго).

Семейныя отношенія среди пермяковъ плохи, особенно для женщинъ: побои, истощеніе отъ ранней развратной жизни, полное пренебреженіе къ охраненію организма въ пред- и послѣродовой періоды, тяжелая работа — все это немало способствуетъ измелчанію народа. Мужчины бьютъ женщинъ сильно, бьютъ за все, порой и отъ нечего дѣлать. Пермяки очень гостепримны и набожны: ходятъ на богомолье въ монастыри за 200 и 300 верстъ. Въ молодомъ поколѣніи рѣзко обнаруживается стремленіе къ продолженію образованія. Встрѣчаются примѣры, когда мальчики идутъ пѣшкомъ до пристани на Камѣ верстъ за 150 съ грошами въ карманѣ, съ цѣлью добраться до Казани и Красноуфимска. Учатся пермяцкія дѣти вообще недурно, но имъ не дается математика: и взрослые пермяки считаютъ съ большимъ трудомъ. У пермяковъ существуютъ собственные термины для понятій: писать (*ижнэ*) и читать (*лыиднэ*). Извѣстно, что св. Стефанъ Велико-

пермскій („*Степа угодникъ*“ пермяцкихъ разсказовъ) изобрѣлъ для нихъ особую азбуку.

Идеаль пермяка — подражать во всемъ русскому, сравняться съ русскимъ. Этимъ конечно и объясняется столь быстрое обрусеніе пермяковъ. Громадный *Зюдзинскій* край Глазовскаго у. населенъ обрусѣвшими пермяками; то же самое предполагаютъ нѣкоторые и о *Кайскомъ* краѣ Слободскаго у. Впрочемъ и русскіе, живя рядомъ съ пермяками, какъ-бы принижаются до нихъ; вслѣдствіе смѣшанныхъ браковъ возникаетъ какой-то средній типъ: не пермякъ, не русскій. По русски пермяки говорятъ почти всё, хотя и плохо.

Несмотря на значительное обрусеніе, *вѣрованія, нравы и обычаи*

пермяковъ хранятъ слѣды языческой старины, самыхъ первичныхъ культурныхъ стадій человѣка. Такіе обычаи, какъ умыканіе невѣстъ, оставленіе на могилахъ и въ могилахъ покойниковъ саней, орудій, горшковъ, пицци, денегъ, животныя жертвоприношенія и т. д. — пережитокъ сѣдой старины, отъ которой пермяки еще не скоро откажутся.

Обратимся къ обрядовымъ подробностямъ нѣкоторыхъ обычаевъ. Едвали не наиболѣе характерными для пермяковъ являются ихъ *свадебные обычаи*. Какъ и у вотяковъ, у пермяковъ дается очень низкая цѣна дѣвичьей невинности: пермяки съ особеннымъ удовольствіемъ женятся на дѣвушкахъ, имѣвшихъ „міреновъ“ (мірскихъ дѣтей), или находящихся въ послѣднемъ періодѣ беременности, и неполнѣе довольны дѣвушками еще непорочными. „Еще когда своего наживешь“, говоритъ пермякъ, „а тутъ, глядишь, черезъ годъ-другой и „*борноволокъ*“ (работникъ) есть“. Рѣдкая

Киргизки.

дѣвушка выйдетъ замужъ за того парня, отъ котораго имѣетъ ребенка: „не видала я его, что-ли?“ говоритъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ дѣвица. Неимѣніе дѣтей для замужней женщины — большое несчастье; ее бьютъ и корятъ всё въ домѣ, а иной разъ и прямо посылаютъ пригудать дитя на сторонѣ. Послѣ обычнаго рукобитья къ невѣстѣ приглашается *вытница*, подъ эгегическія причитанія которой невѣста обязана быть. На свадебномъ пиру молодымъ — въ знакъ скромности — полагается по возможности воздерживаться отъ обильной ѣды и возліаній, которымъ предаются до отвала гости. Послѣ пира новоженновъ ведутъ въ подклѣтъ. Сюда дружки приносятъ рыбный пирогъ, пиво, брагу и пр. Пирогъ молодые ѣдятъ вмѣстѣ въ знакъ согласія. Поѣзжане снова ѣдятъ и пьютъ и пѣлуютъ молодыхъ по три раза, одаря каждый разъ пятаками и гривенниками. Затѣмъ молодая произноситъ „*Иисусову молитву*“ и снимаетъ съ мужа обувь — сначала съ правой ноги, причемъ вынимаетъ и беретъ себѣ деньги, нарочно положенныя въ

религиозное значеніе. На Святкахъ подростки съ криками „пель“ (ухо) ходятъ по деревнѣ и собираютъ говядину и кумышку. Набравъ достаточное количество, они прихватываютъ съ собою еще крупы, соли, котелокъ, чайникъ, дрова, ложки и кусокъ сахару, кладутъ все это въ дубяное корыто съ полозьями, садятъ сюда какого-нибудь старика изъ деревни и везутъ въ лѣсъ. Здѣсь разводятъ костеръ, варятъ говядину, подогрѣваютъ кумышку, и каждый мальчикъ угощаетъ старика кумышкой, а старикъ въ это время причитаетъ молитвенныя формулы. Затѣмъ мальчики допиваютъ кумышку, играютъ въ лѣсу, ѣдятъ кашу и, посадивъ старика въ тѣ же сани, съ крикомъ и смѣхомъ везутъ въ деревню. Тотчасъ же по возвращеніи въ деревню мальчики съ палочками заходятъ въ каждый домъ и съ крикомъ, визгомъ и стукомъ выгоняютъ „чера“ (бога болѣзни). Палки затѣмъ бросаются въ рѣчку.

Пермяки и зыряне въ древности вѣроятно составляли одну народность изъ семьи сѣверныхъ финновъ, соотвѣтствовавшую, надо полагать, *заволоцкой чуди*. Родство этихъ націй до сихъ поръ сказывается въ языкѣ и въ физическомъ строеніи; тѣ и другіе зовутъ себя *коми*.

О *зырянахъ* говорится въ IV томѣ „Россіи“, да и въ Приуральскомъ краѣ количество ихъ не превышаетъ 5 тыс. душъ, обитающихъ главнымъ образомъ въ Чердынскомъ, Кунгурскомъ, Пермскомъ и частью въ Ирбитскомъ у.у. Пермской губ. Принадлежатъ къ народамъ финскаго племени, зыряне до XVI в. смѣшивались съ вотяками и пермяками несмотря на то, что еще XI в. новгородцы брали съ нихъ дань, а въ XIV в. обратилъ ихъ въ христіанство св. Стефанъ Пермскій, составившій зырянскую грамоту и давшій имъ богослужебныя книги на родномъ языкѣ. Въ XVI в. зырянъ впервые именуютъ *сырьянами*, производя это слово отъ *зырья* (край, окраина). Низкорослость зырянъ послужила къ тому, что минимумъ роста для зырянскихъ рекрутъ по закону опредѣленъ ниже общей нормы на одинъ вершокъ. Если по физическому строенію они близки къ пермякамъ, то по свойству характера существенно отличаются отъ нихъ. Маминъ-Сибирякъ въ своихъ „Уральскихъ разсказахъ“ такъ рисуетъ пермяковъ и зырянъ: „Бѣлобрысы пермяки съ безцвѣтными, какъ пергаментъ, лицами, сѣрыми глазами и неподвижно сложенными губами казались еще безжизненнѣе и сѣрѣе рядомъ съ пронырливыми и хитрыми зырянами“. Въ послѣдніе годы зыряне не являются сами съ предложеніемъ своихъ услугъ, а съ заводовъ повѣренныя ѣдутъ къ нимъ подряжать дроворубовъ и угольщиковъ, причемъ между всѣми рабочими парами существуетъ полная солидарность. Если, напр., одну изъ нихъ на заводѣ обидятъ или обесчитаютъ, то на слѣдующій годъ повѣренный этого завода уѣдетъ отъ нихъ съ пустыми руками, несмотря ни на какія обѣщанія. Среди уральскихъ зырянъ свыше 92% христіанъ, а грамотныхъ до 19%, при чемъ къ общему числу всѣхъ грамотныхъ грамотныя женщины составляютъ около 8%, и такимъ образомъ среди финскихъ народностей Приуралья зыряне оказываются наиболѣе просвѣщенными.

Пермяки, являясь „заволоцкой чудью“ русскихъ лѣтописей и вѣроятно *біарміяцами* скандинавскихъ сказаній, называютъ себя *комимортъ*. Судя по названіямъ рѣкъ и другимъ географическимъ обозначеніямъ съ окончаніями на *ва*, *ма*, *моръ*, *югъ*, пермяки занимали весь обширный сѣверо-западъ Пермской губ., тогда какъ теперь область

ихъ распространенія ограничить лишь западными половинами у. у. Чердынского и Соликамскаго и сѣверо-западнымъ угломъ Глазовскаго у. Вятской губ. Коренными пермяками съ наиболѣе сохраненнымъ физическимъ типомъ считаются обитатели по р. *Иньва*, на границѣ губерній Вятской и Пермской. Всѣхъ пермяковъ свыше 100 тыс. человекъ; христіане составляютъ 99,9%, а грамотные — 5,9%. Къ общему числу грамотныхъ обоаго пола грамотныя женщины составляютъ около 1,1%.

Во внѣшнемъ видѣ пермяковъ наблюдаются два господствующихъ типа: одинъ — наиболѣе родственный зырянамъ, а другой — переходящій въ вотяцкій. *Пермяки-зыряне* — съ темнорусыми волосами, продолговатыми, довольно смуглыми лицами, карими глазами, прямымъ носомъ, тонкими губами и острымъ подбородкомъ. Этотъ типъ близокъ къ типу финновъ — корель. *Пермяки-вотяки* отличаются сравнительно малой, угловатой головой, короткимъ, вздернутымъ носомъ, болѣе свѣтлыми волосами, зелено-сѣрыми (рѣдко чисто-сѣрыми и голубыми) глазами. Ростъ у пермяковъ обоихъ типовъ — ниже средняго, но сложение у нихъ крѣпкое. Правда, позднѣйшіе изслѣдователи довольно плохого мнѣнія о физической сторонѣ пермяковъ, которыхъ они считают хилыми и жалкими. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, среди нихъ наблюдаются вырожденіе ¹⁾). Между ними очень сильно распространены сифилисы („омаль-вишанъ“), т. е. дурная болѣзнь; дѣти во множествѣ умираютъ отъ оспы; масса больныхъ глазами (трахома); часты случаи безплодія.

Коренное занятіе пермяковъ — земледѣліе, въ которомъ впрочемъ не наблюдается рѣшительно никакого прогресса ни въ смыслѣ полевыхъ культуръ (сѣютъ исключительно рожь, овесъ и ячмень), ни тѣмъ болѣе въ орудіяхъ обработки и уборки хлѣбовъ. Домашній скотъ — особой, мелкой породы. Мельницы самыя первобытныя — жерновки и мутовки. Что касается экипажей то тутъ скорѣе можно говорить о полномъ ихъ отсутствіи, тѣмъ болѣе, что простыя четырехколесныя телѣги здѣсь большая рѣдкость. Объясняется это дикой глушью пермяцкихъ поселеній, среди болотъ и лѣсовъ, отсутствіемъ путей сообщенія. Ъздятъ зимой на дровняхъ, лѣтомъ больше ходятъ пѣшкомъ, въ сухое время верхомъ на лошади, а осенью и весной оказываются совершенно отрѣзанными отъ всего міра. Каковы-бы ни были пути (въ Чердынскомъ, Зюдинскомъ и Кайскомъ краяхъ, центрахъ пермяцкихъ поселеній), но перевозочныя средства необходимы, и пермяки изобрѣли нѣчто свое, цѣлесообразное — *волокушу*. Послѣдняя дѣлается изъ двухъ длинныхъ жердей съ высоко загнутыми концами, между которыми прибиты двѣ перекладины. Прямые концы жердей служатъ оглоблямъ, а загнутые, торча кверху, волочатся по землѣ. Въ этотъ-то экипажъ, вмѣщающій ничтожное количество груза, накладываются мѣшки, снопы и пр.; для вывозки же навоза практикуется другое. Этотъ „экипажъ“ состоитъ изъ длиннаго лубка, къ которому привязываютъ постромки для ло-

¹⁾ Еще академикъ Лепехинъ приводитъ въ своемъ „Дневникѣ“ (1771 г.) такія свидѣтельства о пермякахъ (Соликамскаго у.), которыя не обѣщаютъ развитія физической мощи въ представительяхъ этой народности: „бѣдность до того довела, что они принуждены большую часть своего вѣка довольствоваться пихтовой корой, которую, истолкнувъ въ ступѣ и просѣявъ, они смѣшиваютъ съ малымъ количествомъ ржаной муки и пекутъ лепешки“.

пади и послѣдняя тащить лубокъ съ навозомъ по землѣ, волокомъ. Бываетъ, что повозками служатъ опрокинутыя бороны, дровни служить и лѣтомъ, но больше при погребеніи покойниковъ.

Кромѣ земледѣлія главными занятіями пермяковъ служатъ звѣроловство и лѣсные промыслы; съ большой любовью они занимаются также рыболовствомъ: рыба — ихъ любимое кушанье.

Избы пермяковъ напоминаютъ русскія, отличаясь значительной высотой и характернымъ конькомъ — *охлупнемъ* на двухскатной крышѣ, представляющемъ толстое бревно, лицевою обрубкомъ котораго обдѣланъ въ видѣ гуся или другой какой-нибудь птицы. За недостаткомъ стеколъ по фасаду дѣлается одно окно, а остальные выходятъ во дворъ. Полъ въ избахъ обыкновенный, высоко насланный отъ земли, и подъ нимъ лѣтомъ свободно гуляетъ мелкій домашній скотъ (овцы, свиньи, собаки). Къ дому придѣлывается крыльцо безъ лѣстницы, которую чаще всего замѣняетъ наклонно положенный обрубкомъ дерева съ грубо вырубленными подобіями ступенекъ. Вообще пермякъ любитъ строиться; на дворѣ у него много разныхъ клѣтушекъ и сарайчиковъ. Снаружи постройки его довольно красивы, но внутри ихъ далеко неприглядно: оконъ мало, печи нерѣдко безъ трубы. Изъ трехъ частей дома одна играетъ роль жилой избы, другая, находящаяся въ исключительномъ вѣдѣніи женщинъ, изображаетъ что-то въ родѣ кладовой, а третья — клѣтъ, гдѣ хранятся одежда и различная утварь. Всюду грязь и нечистота, міриады таракановъ. Могутъ въ избѣ только одинъ разъ въ годъ — на Илью пророка. Своеобразно и внутреннее убранство избы, среди которой нерѣдко громоздится каменная или глинобитная печь. Въ большинствѣ же случаевъ печь ставится въ передній уголъ, а иконы со скамьями помѣщаются въ лѣвомъ, боковомъ углу; полати — первая необходимость. Домашняя утварь проста и незатѣйлива: два глинянныхъ горшка, чугунокъ, двѣ деревянныя чашки, ножъ, лопатка, нѣсколько ложекъ съ неизбѣжной солонкой — вотъ весь инвентарь домовитой пермячки. Новость обихода — самоваръ и керосинъ, смѣняющій лучину, какъ обычное освѣщеніе избы.

Пища пермяковъ довольно разнообразна. Помимо ржаного хлѣба (*челпанъ*) въ основѣ питанія пермяковъ лежитъ хлѣбъ изъ смѣси муки ячменной съ овсяной, употребительны также ярушники (хлѣбъ изъ одной овсяной муки). Болѣе лакомыми разновидностями хлѣба съ разными приправами служатъ: *мусникъ* — мучной пирогъ, по виду напоминающій ярушникъ (продолговатой, овальной формы, верхковъ 6 длины, 3—4 вершка ширины и 1 вершокъ толщины), который дѣлается на *сочнѣ*, *тупоськи* — родъ аладьевъ — пекутся на сковородѣ съ коровьемъ масломъ, *шаны* — толстые сочни 4—5 вершковъ въ діаметрѣ съ крупяной или творожной начинкой (наливкой). Въ сочельники употребляются сочни изъ ячневой (ячменной) муки съ коноплянымъ сѣменемъ, а равно и *кулики* — тѣ же сочни съ творожной, сырной или картофельной начинкой. Щи скоромныя дѣлаются изъ ячменной крупы, свиного сала и мяса (послѣднее лѣтомъ употребляется въ вяленомъ видѣ); въ употребленіи также особая болгушка изъ овсяной муки и кислаго молока, или постомъ съ приправой коноплянаго масла и рыбы. Въ большомъ ходу птичье мясо, большей частью въ печеномъ видѣ. Оригинальна между прочимъ заготовка рябчиковъ

рябчиковъ осенней ловли, сильно посоливъ, привѣшиваютъ надъ кровлей на вольномъ воздухѣ, пока они окончательно не высохнутъ, такъ что почти не поддаются ножу. Сохраняющіеся въ такомъ видѣ около года рябчики употребляются или сухими, или распаренными во щахъ. Но самымъ любимымъ національнымъ кушаньемъ пермяковъ служатъ знаменитые (получившіе въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ широкое распространеніе и среди русскаго населенія) *пельмени* (*пель* — ухо и *нянь* — хлѣбъ — очевидное указаніе на форму ихъ). Слѣдуетъ еще остановиться на вегетаріанской кухнѣ пермяковъ. Она также довольно разнообразна. Помимо упомянутыхъ уже блюдъ заслуживаютъ упоминанія *тиканы* — родъ ботвиньи, приготовляемой слѣдующимъ образомъ: по веснѣ на лугахъ собираютъ особую траву (это и есть „пиканы“) изъ породы зонтичныхъ растений, варятъ ее въ водѣ и употребляютъ или прямо горячей, или же заквашиваютъ ее въ отварномъ видѣ и ѣдятъ холодную въ мелко изрубленномъ видѣ. Весной же собираютъ такъ называемые *пистики* (цвѣтущій полевой хвощъ) и употребляютъ въ пирогахъ и селянкахъ. Кромѣ обычныхъ (мясныхъ) пельменей употребляютъ пельмени изъ отварной рѣдьки. Большимъ распространеніемъ пользуются грибы („губы“), изъ которыхъ между прочимъ готовятъ „икру“: высушенные грибы распариваютъ въ водѣ, мелко изрубливаютъ съ лукомъ и поливаютъ льнянымъ или коноплянымъ масломъ. Изъ *напитковъ* особенно почитается брага, на изготовленіе которой идетъ одна часть ржаного солода и шесть частей овса — большей частью съ примѣсью хмѣля или съ приправой конопляной шелухи. Эти виды браги очень хмѣльны и составляютъ для пермяка то же, что для башкира кумысъ: это уже не продуктъ только питанія, но и предметъ наслажденія, которому отдаются безо всякой мѣры. Кромѣ того пермяки умѣютъ дѣлать изъ ржаного солода пиво (*сурь*) и *сведѣлку* (*курыигъ-ва* — горькая вода) — на подобіе вотяцкой кумышки.

Пермяки сохранили національный костюмъ, хотя многое (особенно женщины) заимствовали и у русскихъ. Обычное одѣяніе мужчинъ составляютъ рубахи (*эркосъ*), длиной до колѣнъ, обыкновенно бѣлыя, съ короткими, довольно широкими рукавами и обязательно съ двумя оторочками по подолу и большей частью съ узорчатыми воротами и обшивками по концамъ рукавовъ, порты (*вешьянъ*) — также бѣлые или пестрядинные изъ изгребнаго холста ¹⁾, очень короткіе, лапти (*кинкомъ*) и онучи (*немотъ*). Лапти изъ лыка въ переплетѣ съ берестой (для прочности) фасономъ напоминаютъ остяцкіе и вогульскіе; для зимняго времени лапти опушаются холстомъ. Дома вмѣсто лаптей носятъ *бродни* изъ одной бересты. Щеголи и вообще состоятельные пермяки по праздникамъ носятъ и сапоги, или коты изъ выростковой кожи — широкіе съ каблуками на гвоздяхъ и съ подковами. Онучи — длиной съ аршинъ — дѣлаются изъ изгребнаго бѣлаго холста. Лѣтомъ, помимо онучъ, употребительны *паголенки* (гамашы) — родъ мѣшка изъ синихъ холщевыхъ обносковъ длиной до 8 и шириной около 4 вершковъ; у верхняго конца (подъ колѣномъ) паголенки подвязываются нитяными плетеными поясками, а снизу заправляются за онучи. Зимой употребляютъ и чулки (*черосъ*) изъ самодѣльнаго чернаго или синяго сукна, а поверхъ

¹⁾ Охлопки, остающіеся послѣ первой чески льна.

ихъ въ морозы наворачтываются *скуты* — суконныя полосы въ $\frac{3}{4}$ аршина шириной изъ бѣлаго домашняго сукна. Лѣтомъ пермякъ покрываетъ голову колпакомъ изъ овечьей бѣлой шерсти, полушарообразной формы съ узкимъ, пальца въ два, околышемъ; край иногда дѣлается чернымъ; зимой колпакъ замѣняетъ обыкновенная русская шапка съ тѣмъ отличіемъ, что верхъ шапки дѣлается изъ суконныхъ или холщевыхъ синихъ лоскутьевъ. Заправскіе пермяки въ зимнихъ поѣздкахъ употребляютъ еще татарскій *малахай* съ большими овчинными наушниками. Въ шапку и колпакъ нерѣдко кладутся платки (*читьянъ*) или ширинки (*кутчисьянъ*) — испещренные узорами холстины. Верхнимъ костюмомъ лѣтомъ прежде неизмѣнно служилъ для пермяка *шабуръ* — халатъ ниже колѣнъ изъ грубаго холста голубого или синяго цвѣта, съ открытымъ воротомъ, назади со сборами и съ карманомъ (*зепъ*) на правомъ боку, съ бѣлой подкладкой до поясицы и нерѣдко съ узорами бѣлаго шитья по воротнику и рукавамъ. Въ послѣднее время *шабуръ* болѣе и болѣе вытѣсняется *пониткомъ*, который короче шабура (только до колѣнъ), безо всякихъ вышивокъ, изъ особой ткани сѣраго цвѣта, основу которой составляетъ бѣлая льняная, а утокъ — черная шерстяная пряжа. Отдается нѣкоторая дань въ костюмѣ пермяка и фабричному производству. Употребляемый въ особо важныхъ случаяхъ *бешметъ* — халатъ изъ черного или синяго фабричнаго сукна на холщевой подкладкѣ. Лѣтомъ его надѣваютъ прямо на рубаху, зимой — на полушубокъ; у бѣдныхъ его замѣняютъ простой зипунъ или кафтанъ. Самый ходовой по зимамъ полушубокъ шьется въ талію, чаще безъ обрѣза и складокъ; иногда въ особенности короткій, полушубокъ обшивается синимъ холстомъ. Употребляются и шубы, но всегда безъ воротника. Слѣдуетъ наконецъ упомянуть про опояску, безъ которой нельзя себѣ представить пермяка даже тогда, когда онъ выходитъ на люди въ одной рубашкѣ. Опояски представляютъ тканецъ аршина 4 длины и 2—3 вершка ширины и выдѣлываются изъ шерстяныхъ льняныхъ нитокъ — бѣлыхъ, синихъ, коричневыхъ и черныхъ вмѣстѣ, дающихъ прихотливо красивый рисунокъ. Женская рубашка отличается нѣкоторой изысканностью. Рукава ея, или узкіе, косые, или прямые въ одну полосу въ видѣ мѣшка съ борами около кисти, дѣлаются изъ бѣлаго холста, иногда бранаго (у дѣвицъ), т. е. съ разными украшеніями изъ красной бумажной пряжи; „для бабы“ (для красоты) иногда нашиваются налястья — лоскутки изъ холста, вышитыя красными нитками; теперь чаще и чаще встрѣчаются рукава изъ покупныхъ ситцевъ. Верхняя часть рубашки — наставка до груди — только у богатыхъ дѣлается изъ одной матеріи съ рукавами;

Мулла татаринъ.

воротъ, обшитый холщевой оторочкой, плотно охватывает шею, а напередѣ имѣетъ небольшую прорѣху, которая у дѣвицъ зашивается, а у замужнихъ завязывается или застегивается. Наконецъ нижняя часть рубашки, становище — короткая до колѣнъ и узкая изготовляется или изъ изгребнаго холста, или изъ обносковъ разныхъ матерій. Поверхъ рубашки пермячки носятъ синій косоклинный сарафанъ — *дубасъ*, чаще всего изгребной, иногда окрашенный сандаломъ; дубасъ также носится короткій и только у обрусѣлыхъ пермячекъ употребляется до лодыжекъ. Пройма у дубаса — одной матеріи со станомъ; по краямъ онъ обшивается иногда кумачемъ или ситцемъ. Предметомъ роскоши служатъ

Татарская дѣвушка.
(По фот. Круковскаго).

китайники — сарафаны изъ голубой или зеленой китайки съ холщевой подкладкой, иногда обшитые въ одинъ рядъ у ворота и въ два ряда около груди до подола кружевами. Необходимой принадлежностью женскаго костюма является запонъ четырехугольной формы въ аршинъ длины и въ полосу холста ширины, съ оторочкой и завязками вокругъ талии пониже груди.

Женскій головной уборъ своеобразенъ. Дѣвушки заплетаютъ одну косу и носятъ на головѣ убранныю бисеромъ повязку (*каловодечъ*). Это лучшая и красивѣйшая часть костюма пермячки. Издали этотъ уборъ походить на вѣнокъ изъ бѣлыхъ полевыхъ цвѣтовъ и придаетъ лицу пермячки благородное выраженіе невинности и простоты. Впрочемъ въ Пермской губ. пермяцкія дѣвушки ходятъ просто закрываясь фатой. Обыденнымъ головнымъ уборомъ замужнихъ пермячекъ служитъ неснимаемая даже во время сна *шашмура* — чепецъ изъ кумача или желтой саржи, задняя стѣнка котораго

(если онъ подороже, покупной) нерѣдко бываетъ испещрена узорами изъ крупнаго бисера и стекляруса, или (если онъ домашней работы) вышита фигурами по саржѣ — синими, по кумачу — бѣлыми нитками. Поверхъ шашмуры при выходѣ изъ дома повязывается холщевой или бумажный платокъ. Невѣсты подъ вѣнецъ и замужнія въ большіе праздники покрываютъ головы шелковой фатой. Въ употребленіи п головныя ленты, и шали, причемъ послѣдними закрывается лишь задняя часть головы, а два конца шали спускаются по шеѣ и, обернутыя вокругъ нея, связываются назади по третьему спущенному концу трехугольникомъ сложеннаго платка. Старухи не брезгаютъ носить вмѣсто шали простыя полотенца. Выходя въ церковь или въ гости, пермячка непременно имѣетъ въ рукахъ ширинку — бѣлую холстину, всегда браную, иногда украшенную фигурными вышивками изъ бумажныхъ красныхъ нитокъ — въ $1\frac{1}{2}$ — 2 аршина длины и $\frac{1}{2}$ аршина ширины.

Обувь пермяцкихъ женщинъ мало чѣмъ отличается отъ мужской: тѣ же онучи, паголенки, чулки, пимы, коты. Женскіе лапти плетутся изъ тонкихъ лыкъ и расшиваются, иногда очень красиво, красными нитками. Верхній костюмъ женщинъ лѣтомъ составляетъ *шабуръ*, большей частью на распашку, а зимой — *зипунъ* съ оюяской, безъ воротника. Украшеніемъ служатъ, какъ и у русскихъ, бусы, серьги, перстни и ленточки. Кольца и перстни съизмала носятъ не только дѣвицы, но иногда и парни.

Духовный обликъ пермяковъ представляется довольно тусклымъ; лишеннымъ почти всякихъ оригинальныхъ и сильныхъ чертъ. О себѣ пермяки очень невысокаго мнѣнія. Отъ нихъ нерѣдко можно слышать: „куда ужъ намъ? кабы мы не пермяки были“... Забитость и пришибленность, робость и трусость — характерныя черты пермяковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ они отличаются апатіей, равнодушіемъ ко всему и лѣнью, терпѣніемъ и скупостью. Только въ пьяномъ видѣ пермякъ становится совсѣмъ другимъ. Куда дѣваются его флегма и смиренничанье! Онъ ругается напрапалую и лѣзетъ въ драку. Языкъ пермяковъ бѣденъ, не дифференцированъ настолько, чтобы разными словами выражать близкія понятія; много исковерканныхъ позаимствованій изъ русской рѣчи. Въ пермяцкой азбукѣ не достааетъ многихъ буквъ. Еще недавно пермяки не могли высказать на своемъ родномъ языкѣ чувство благодарности; да и теперь, если они говорятъ „спасибо“, то лишь потому, что переняли это слово у русскихъ. Словъ „здравствуй“ и „прощай“ у нихъ также нѣтъ. Еще болѣе замѣчательно, что нѣтъ пермяцкаго слова, выражающаго понятіе любви.

Старая нагайбачка (Оренб. губ.).

(По фот. Круковскаго).

Семейныя отношенія среди пермяковъ плохи, особенно для женщинъ: побои, истощеніе отъ ранней развратной жизни, полное пренебреженіе къ охраненію организма въ пред- и послѣродовой періоды, тяжелая работа — все это немало способствуетъ измелчанію народа. Мужчины бьютъ женщинъ сильно, бьютъ за все, порой и отъ нечего дѣлать. Пермяки очень гостеприимны и набожны: ходятъ на богомолье въ монастыри за 200 и 300 верстъ. Въ молодомъ поколѣніи рѣзко обнаруживается стремленіе къ продолженію образованія. Встрѣчаются примѣры, когда мальчики идутъ пѣшкомъ до пристани на Камѣ верстъ за 150 съ грошами въ карманѣ, съ цѣлью добраться до Казани и Красноуфимска. Учатся пермяцкія дѣти вообще недурно, но имъ не дается математика: и взрослые пермяки считаютъ съ большимъ трудомъ. У пермяковъ существуютъ собственные термины для понятій: писать (*ижнэ*) и читать (*лыиднэ*). Извѣстно, что св. Стефанъ Велико-

пермскій („*Степа угодникъ*“ пермяцкихъ разсказовъ) изобрѣлъ для нихъ особую азбуку.

Идеаль пермяка — подражать во всемъ русскому, сравняться съ русскимъ. Этимъ конечно и объясняется столь быстрое обрусеніе пермяковъ. Громадный *Зюдзинскій* край Глазовскаго у. населенъ обрусѣвшими пермяками; то же самое предполагаютъ нѣкоторые и о *Кайскомъ* краѣ Слободскаго у. Впрочемъ и русскіе, живя рядомъ съ пермяками, какъ-бы принижаются до нихъ; вслѣдствіе смѣшанныхъ браковъ возникаетъ какой-то средній типъ: не пермякъ, не русскій. По русски пермяки говорятъ почти всё, хотя и плохо.

Несмотря на значительное обрусеніе, *вѣрованія, нравы и обычаи* пермяковъ хранятъ слѣды языческой старины, самыхъ первичныхъ культурныхъ стадій человѣка. Такіе обычаи, какъ умыканіе невѣстъ, оставленіе на могилахъ и въ могилахъ покойниковъ саней, орудій, горшковъ, пицци, денегъ, животныя жертвоприношенія и т. д. — пережитокъ сѣдой старины, отъ которой пермяки еще не скоро откажутся.

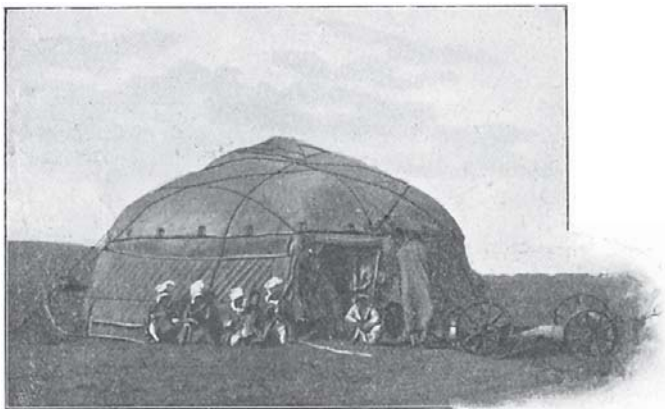
Киргизки.

Обратимся къ обрядовымъ подробностямъ нѣкоторыхъ обычаевъ. Едвали не наиболѣе характерными для пермяковъ являются ихъ *свадебные обычаи*. Какъ и у вотяковъ, у пермяковъ дается очень низкая цѣна дѣвичьей невинности: пермяки съ особеннымъ удовольствіемъ женятся на дѣвушкахъ, имѣвшихъ „*міреновъ*“ (мірскихъ дѣтей), или находящихся въ послѣднемъ періодѣ беременности, и неполнѣе довольны дѣвушками еще непорочными. „Еще когда своего наживешь“, говоритъ пермякъ, „а тутъ, глядишь, черезъ годъ-другой и „*борноволокъ*“ (работникъ) есть“. Рѣдкая

дѣвушка выйдетъ замужъ за того парня, отъ котораго имѣетъ ребенка: „не видала я его, что-ли?“ говоритъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ дѣвица. Неимѣніе дѣтей для замужней женщины — большое несчастье; ее бьютъ и корятъ всё въ домѣ, а иной разъ и прямо посылаютъ пригудать дитя на сторонѣ. Послѣ обычнаго рукобитья къ невѣстѣ приглашается *вытница*, подѣ элегическія причитанія которой невѣста обязана выть. На свадебномъ пиру молодымъ — въ знакъ скромности — полагается по возможности воздерживаться отъ обильной ѣды и возліаній, которымъ предаются до отвала гости. Послѣ пира новоженновъ ведутъ въ подклѣтъ. Сюда дружки приносятъ рыбный пирогъ, пиво, брагу и пр. Пирогъ молодые ѣдятъ вмѣстѣ въ знакъ согласія. Поѣвжане снова ѣдятъ и пьютъ и пѣлуютъ молодыхъ по три раза, одаря каждый разъ пятаками и гривенниками. Затѣмъ молодая произноситъ „*Иисусову молитву*“ и снимаетъ съ мужа обувь — сначала съ правой ноги, причемъ вынимаетъ и беретъ себѣ деньги, нарочно положенныя въ

сапогъ женихомъ поутру, когда онъ обувался. Верхнее же платье молодой мужъ снимаетъ самъ. Когда поѣзжане оставляютъ спальню, здѣсь остаются еще свахи и „вѣжливецъ“. Начинается раздѣваніе молодой, послѣ чего свахи убѣждаютъ молодую обнять, поцѣловать мужа и уложить его въ постель. А когда и сама она наконецъ уляжется, свахи отъ радости пляшутъ, а „вѣжливецъ“, оправивъ постель, ходитъ около и нашептываетъ заговоры. Наконецъ молодые остаются одни. На другой день гости снова сходятся и „вѣжливецъ“ часовъ въ восемь будитъ молодыхъ. Молодая подаетъ всѣмъ воды „побѣлить руки“ (символь покорности), послѣ чего даритъ всѣхъ родныхъ; эта процедура съ рѣчами тянется долго — до „большого стола“ (обѣда). Послѣ стола „вѣжливецъ“ ведетъ молодыхъ въ подклѣтъ, нашептываетъ на рюмку съ виномъ, дуетъ, плюетъ въ сторону и, давъ имъ пить, самъ удаляется. Черезъ часъ дружка вызываетъ молодую, которая въ первый разъ, на правахъ хозяйки, заводитъ брагу и хлѣбъ.

Изъ церковныхъ *праздниковъ* (царскихъ дней, какъ и большинство русскаго крестьянства, пермяки не признаютъ) особенно почитаются пермяками — кромѣ Пасхи, Рождества и Масляницы — Семикъ, день усопшихъ (четвергъ седьмой недѣли послѣ Пасхи) и Покровскія субботы (празднуется три дня, начиная съ субботы передъ Покровомъ). Обычный праздничный режимъ таковъ. Послѣ стирани хозяйка дома моетъ столъ и, накрывъ его скатертью (*пызанъ-дора*), ставитъ всё кушанья. Хозяинъ зажигаетъ восковую свѣчу. Вся семья молится. Послѣ того на столѣ оставляютъ для завтрака только хлѣбъ, соль и брагу и лишь за обѣдомъ употребляется все, что изготовлено. Въ большіе праздники производится приемъ гостей, которыхъ угощаютъ обѣдомъ иногда въ нѣсколько очередей, причѣмъ не всякій изъ гостей удостоивается такой чести: напр. случайно (безъ приглашенія) завернувшій въ обѣденное время гость долженъ просидѣть на лавкѣ безъ обѣда. Изъ специфическихъ особенностей нѣкоторыхъ праздниковъ слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія. Наканунѣ Рождества изготовляются хлѣбныя „козульки“ — статуэтки разныхъ домашнихъ животныхъ, которыхъ держатъ въ божницѣ до Крещенья, а потомъ скармливаютъ животнымъ, которыхъ та или иная „козулька“ изображаетъ. Въ Крещенскій сочельникъ дѣвицы изготовляютъ для гаданія о замужествѣ ячневые сочни. Великій четвергъ почитается какъ день обновленія для всего крестьянскаго хозяйства на предстоящій годъ. Въ вечерній канунъ страстного четверга въ избу

Кочевье киргизъ за р. Ураломъ въ окрестностяхъ станицы Магнитной.

приносится въ рѣшетѣ зерновой хлѣбъ и ставится вмѣстѣ съ „челпаномъ“ печенаго хлѣба и солью до перваго дня Пасхи. Затѣмъ зерно засыпается въ хлѣбные закрома, печеный хлѣбъ дается скоту при первомъ выгонѣ его на пастбище, „четверезная“ соль также скармливается скоту при болѣзняхъ; ее же пермяки берутъ съ собой въ дорогу въ видѣ лекарства. Въ самый четвергъ встаютъ до пѣтуховъ. Хозяйка кличетъ скотъ до тѣхъ поръ, пока кто-либо изъ скотины не отзовется; это служитъ ручательствомъ за то, что изъ животныхъ этой породы въ предстоящій хозяйственный годъ ни одинъ экземпляръ не падетъ. Послѣ этого хозяйка идетъ во дворъ; здѣсь,

Киргизъ.

обогнавъ кругомъ стойла коровъ (чтобы не спали на пастбищѣ), она кормитъ и поитъ ихъ; затѣмъ въ передній уголъ дома вѣшаетъ голикъ и старый лапотъ (для защиты цыплятъ отъ коршуна) и т. д. Въ то-же самое время хозяинъ считаетъ въ своей кошнѣ деньги, переставляетъ всѣ хозяйственныя орудія, чиститъ скребнемъ лошадей; если хозяинъ охотникъ, то дѣлаетъ три выстрѣла и т. д. Словомъ всѣ перечисленныя и другія подобныя же манипуляціи предѣлываются въ ознаменованіе изобилія, довольства и здоровья въ наступающемъ сельскохозяйственномъ году. Даже дѣти въ это время не остаются безъ дѣла: они идутъ въ лѣсъ за верескомъ, татарникомъ и пихтой. Первый жгутъ въ печи и привязываютъ къ столбу близъ печи; вмѣстѣ съ татарникомъ подвѣшиваютъ его подъ матицу, надъ избными и сѣнными дверьми — для защиты отъ колдуновъ; изъ пихты сооружается помело, которое должно обновлять печь и предохранять ее

отъ разрушенія. У невѣсть въ то-же время происходятъ свои обрядовыя заботы, обезпечивающія имъ хорошій ростъ волосъ, любовь будущихъ мужей и пр.; онѣ малость подстригаютъ волосы и съ пучкомъ соломы или льна идутъ ненадолго въ отдѣльную (нежилую) избу, или въ баню, а затѣмъ на улицѣ жгутъ солому и прыгаютъ черезъ пламя. Въ прежніе годы особенно церемонно и истово праздновался Васильевскій вечеръ (канунъ Новаго года). Въ этотъ вечеръ каждая семья обязательно жаривала свиныя кишки, которыя начинались ячневой крупой съ фаршемъ изъ очереди и почекъ, пекла свиныя и овечьи ноги и свиную голову. Послѣ заката солнца семья парилась въ банѣ и торжественно (съ возженной свѣчей и пр.) ужинала. Послѣ ужина хозяйка подметала полъ, а хозяинъ, взявъ со стола кости отъ свиныхъ и овечьихъ ногъ, шелъ въ хлѣвъ и здѣсь раскладывалъ ихъ на мѣстѣ спанья овецъ и свиней, желая этимъ обезпечить ихъ здоровье и усилить ихъ плодовитость. Затѣмъ, по возвращеніи домой, хозяинъ выдвигалъ на середину избы столъ и приказывалъ дѣтямъ искать подъ нимъ зерна хлѣба; дѣти

искали, хрюкая по свинячьи. Если находилось полное (наливное) зерно, то это обозначало знакъ обильнаго урожая; зерно тощее—плохой урожай; если совѣмъ не находилось зерна—полный неурожай. Въ то-же время хозяйка три раза ѣздила вокругъ избы на кочергѣ, испрашивая у св. Василия счастья на Новый годъ.

Изъ прочихъ народностей, бытъ которыхъ мы здѣсь описывать отдѣльно не будемъ, такъ какъ онъ уже былъ описанъ въ томахъ Россіи, заключающихъ описанія Средняго и Нижняго Поволжья (VI), Западной Сибири (XVI) и Киргизскаго края (XVIII), и въ Приуральѣ почти ничѣмъ отъ нихъ не отличается, отмѣтимъ только общую численность и географическое распредѣленіе слѣдующихъ племенъ. *Татары* обитаютъ въ Приуральѣ въ количествѣ до 1/2 милліона душъ (въ 1897 г. ихъ насчитывалось 450

тыс.). Больше всего татаръ въ Уфимской губ. (около 185 тыс. по переписи), затѣмъ въ Вятской (около 125 тыс.), Оренбургской (около 93 тыс.) и менѣе всего въ Пермской (до 47 тыс.). Поселились они здѣсь большей частью еще со времени татарскаго нашествія въ Россію. Къ татарамъ и башкирамъ близки сохранившіяся въ незначительномъ числѣ кое-гдѣ въ Южномъ Приуральѣ (напр. въ Белебеевскомъ у. Уфимской губ., въ Оренбургской губ.) *нагайбаки*—потомки нагаевъ, тюркскаго племени, получившаго свое названіе отъ хана Ногая, образовавшаго въ концѣ XIII в. могущественную орду, которая распалась въ XV в., причемъ западная часть орды вошла въ составъ Крымской орды, а восточная до XVII в. сохраняла независимость въ Южномъ Приуральѣ, подчинивъ себѣ киргизъ. Но въ XVII в. нагаи уступили натиску калмыковъ. Затѣмъ по численности идетъ *мордва* (около 76 тыс. по переписи 1897 г.), наиболѣе всего распространенная въ губерніяхъ Оренбургской (до 38 1/2 тыс.) и Уфимской (свыше 37 тыс.). *Чуваши* живутъ въ Приуральѣ въ количествѣ около 66 тыс. человекъ (по переписи 1897 г.) Болѣе всего ихъ въ Уфимской губ. (свыше 60 тыс.), далѣе въ Оренбургской (5 тыс.). *Киргизы* обитаютъ въ количествѣ свыше 5 тыс. (по переписи 1897 г.—5.200) главнымъ образомъ въ зауральскихъ уѣздахъ Оренбургской губ. Въ тѣхъ же мѣстахъ имѣются и *калмыки* въ количествѣ до 1 1/2 тыс. душъ (по переписи 1897 г.—1.200). На сѣверо-востокѣ Пермской губ. живутъ еще прежніе обладатели всей таежной части горнаго Урала—*вогулы*. Численность ихъ однако уже настолько ничтожна и многіе изъ нихъ уже настолько обрусѣли, что официальные статистическія исчисленія не имѣютъ обыкновенія приводить ихъ общей чис-

Поселеніе нѣмцевъ на земляхъ казаковъ Челябинской станицы.

ленности въ Пермской губ. Только одни трудно произносимыя вогульскія названія горныхъ вершинъ Сѣвернаго Урала въ предѣлахъ Пермской губ., въ изобилии разсыпанныя по географическимъ картамъ, ясно говорятъ, что пока остатки нѣкогда воинственныхъ обладателей этихъ вершинъ еще не совсѣмъ отошли въ область преданій. Въ Оренбургской губ. (напр. въ Челябинскомъ у.) есть кое-гдѣ и незначительныя поселенія *нѣмцевъ*, переселившихся изъ Поволжья.

Приведемъ теперь статистическія данныя о состояніи въ приуральскихъ губерніяхъ *народнаго образованія*.

‰ грамотныхъ въ населеніи.

Губерніи.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Обоего пола.
Вятская	25,6	7,5	16,0
Оренбургская	29,6	11,4	20,4
Пермская	28,3	10,8	19,2
Уфимская	21,9	11,7	16,7

Учебныя

ГУБЕРНІИ.	Общеобразовательныя среднія.				Спеціальныя и духовныя среднія и низшія.			
	Количество школь.	Количество учащихся въ нихъ.			Количество школь.	Количество учащихся въ нихъ.		
		Муж.	Жен.	Всего.		Муж.	Жен.	Всего.
Вятская	26	2.284	6.387	8.671	316	4.725	1.534	6.259
Оренбургская	10	1.669	2.332	4.001	849	18.839	2.694	21.533
Пермская	25	2.555	6.949	9.504	44	2.834	1.172	4.006
Уфимская	16	1.109	2.949	4.058	101	3.269	1.120	4.389
Всего по области	77	7.617	18.617	26.234	950	29.667	6.520	36.187

Ни въ одной изъ губерній Приуралья ‰ грамотныхъ (въ среднемъ по Приуралью около 18‰) не достигаетъ средняго ‰ грамотныхъ по всѣмъ 50 губерніямъ Европейской Россіи (22,9‰). Наибольше грамотными здѣсь являются губерніи Оренбургская и Пермская. Въ послѣдней грамотность обуславливается болѣе ровнымъ, русскимъ составомъ населенія и большимъ количествомъ горнозаводскаго населенія, а въ первой — повидимому наличностью казачьяго населенія, къ которому предъявляются бо́льшія требованія грамотности вслѣдствіе полувоеннаго положенія этого сословія. Вятская и Уфимская губерніи, съ очень значительнымъ ‰ инородцевъ и господствомъ чисто сельскаго, земледѣльческаго населенія, даютъ меньшій ‰ грамотныхъ.

О количествѣ учившихся въ школахъ Приуралья за 1909 г. даетъ представленіе вышеприведенная таблица.

Въ Приуральѣ нѣтъ до сихъ поръ ни одного высшаго учебнаго заведенія; впрочемъ за послѣднее время проектируется горный институтъ въ Екатеринбургѣ. Что касается общаго количества учащихся, то, по отношенію къ общему количеству населенія вообще, въ Приуральѣ оно ниже средняго по 50 губерніямъ Европейской Россіи (гдѣ на 100 человѣкъ населенія приходится 5 учащихся обоого пола). Интересно отмѣтить, что количество лицъ женскаго пола, обучающихся въ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, значительно выше количества лицъ мужскаго пола тамъ же. За то въ специальныхъ и низшихъ школахъ замѣчается диаметрально противоположное явленіе. Изъ всѣхъ 4 губерній Приуралья наиболѣе отстала, по количеству учащихся, Уфимская губ. За то Оренбургская губ., стоящая выше другихъ по грамотности населенія, и по относительному количеству учащихся стоитъ понынѣ выше всѣхъ другихъ губерній Приуралья.

заведенія.

Общеобразовательныя низшія.				В с е г о.				На 100 жителей приходится учащихся.
Количество школь.	Количество учащихся въ нихъ.			Количество школь.	Количество учащихся въ нихъ.			
	Муж.	Жен.	Всего.		Муж.	Жен.	Всего.	
2.265	104.920	38.433	143.353	2.607	111.929	46.354	158.283	4,3
1.272	61.466	31.843	93.309	1.771	81.974	36.869	118.843	5,9
2.266	104.264	45.170	149.434	2.335	109.653	53.291	162.944	4,4
1.234	51.271	19.608	70.879	1.351	55.649	23.677	79.326	2,8
7.037	321.921	135.054	456.975	8.064	359.205	160.191	519.396	4,3